

РОБЕРТ
ЕНГИБАРЯН

О Мари!

Роберт Вачаганович Енгибарян

О, Мари!

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5002518
Енгибарян Р. О, Мари!: Норма; Москва; 2013
ISBN 978-5-91768-343-0*

Аннотация

В психологическом романе-драме на фоне многочисленных общественно-политических событий, трансформаций общественных отношений разворачиваются трагические события жизни современников автора.

Человек и система, любовь и чувство долга, дружба и предательство, нетерпимость юности и мудрость зрелости, мотивы человеческих поступков, капризы изменчивой фортуны – это лишь немногие вопросы, над которыми размышляет автор. Действия, описанные в романе, основаны на реальных фактах, все герои имеют своих прототипов и часто выступают под своими настоящими именами.

Динамичный сюжет, яркие, колоритные персонажи, шокирующая правда о беспределе на государственном уровне воспроизводят живую картину недавнего прошлого – изнанки романтизированной хрущевской оттепели.

Для широкого круга читателей.

Содержание

От автора	4
Предисловие	19
Выбор	34
Глава 1	34
Глава 2	54
Глава 3	70
Глава 4	81
Глава 5	107
Глава 6	123
Глава 7	144
Глава 8	169
Глава 9	189
Глава 10	210
Глава 11	236
Глава 12	262
Конец ознакомительного фрагмента.	275

Роберт Енгибарян

О, Мари!

Самое дорогое, что имел, – мои родители.

*Посвящаю светлой памяти моих родителей –
моего отца Вачагана Енгибаряна и моей матери
Люсик Овсепян.*

Самое дорогое, что имею, – моя семья.

*Здоровья и счастья моей жене, моим детям
и детям моих детей, в которых из поколения в
поколение будет жить мое уменьшающееся Я, до...
Роберт Енгибарян*

От автора

Дорогой читатель!

После многочисленных научных трудов, монографий и учебников я решил обратиться к художественному жанру¹. Мне есть что рассказать: за свою жизнь я был участником и свидетелем многочисленных общественных и политических событий и процессов, трансформаций общественных

¹ Автор – директор Международного института управления МГИМО(У) МИД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный доктор Национальной академии Республики Армения и ряда зарубежных стран (Сербия, Словения, Канада), российских и зарубежных вузов. (Примеч. ред.)

отношений и государственных образований, следил за возвышением, взлетом и падением многих современников, размышлял над людскими судьбами, логикой их удач и неудач. И лишь художественное слово способно передать увиденное и пережитое, глубину и многогранность человеческих чувств, его переживаний и надежд. После университета работа следователя, научно-преподавательская работа, долготная работа в партийных органах, в том числе в идеологическом отделе ЦК КПСС в качестве консультанта – завсектором, многочисленные поездки по всему миру и жизнь за рубежом, знакомство и тесное общение с людьми разных национальностей, религий и рас привели меня к мысли о том, что люди оказываются неравноправны с момента их рождения и с места рождения, по национальности и гражданству. Мир, межгосударственные и межличностные отношения сегодня меняются быстрее, чем когда-либо. Происходят мощнейшие интеграционные и миграционные процессы, вместе с тем цивилизационный приоритет в этих отношениях более чем очевиден, о чем еще в 1990-е годы убедительно говорил Самюэль Хантингтон в своей нашедшей книгу «Столкновение цивилизаций»² (*The Clash of Civilizations*).

Какие факторы определяют судьбу человека? Их немало, но главными, на мой взгляд, являются время, место и страна рождения, религиозно-культурная приверженность, национальность и, наконец, гражданство. Разумеется, пол, соци-

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.

альный статус родителей, состояние здоровья и внешность тоже играют немаловажную роль в человеческой судьбе. Но все это так или иначе можно изменить – сменить страну проживания и социальный статус, улучшить или ухудшить здоровье, изменить внешность и даже пол. Единственный полностью объективный фактор, не подлежащий изменению, – это назначенное судьбой время рождения человека.

Размышления о том, в благоприятное ли время выпало нам родиться, на том или ином жизненном этапе охватывают, вероятно, каждого из нас. Я часто думал о том, что, если бы мне довелось родиться на десять или двадцать лет раньше или позже, мой жизненный путь сложился бы совершенно иначе. Да и ни один человек, друзья, не смог бы тогда стать тем, кем является сегодня. Одни исторические отрезки отличаются относительным спокойствием и благополучием, другие, наоборот, представляют собой сплошную череду катаклизмов, войн, эпидемий и революций, правления сумасшедших, сумасбродных руководителей (которых немало выпало на долю России).

Благополучие народов распределено неравномерно не только по времени, но и по географическому признаку. В одних странах, таких как Швейцария, США или Скандинавские страны, катаклизмы и возмущения носят редкий или локальный характер, в других – являются почти постоянным фактором жизни, с редкими спокойными и относительно благополучными годами. Есть страны, где человеческая

жизнь имеет высокую или высочайшую цену, особенно в сравнении со странами «несчастной» группы, где личность абсолютно не защищена ни от государственного, ни от криминального произвола, где население сокращается или, наоборот, растет настолько бурно, что экономика страны не в состоянии выносить такую нагрузку. Средняя продолжительность жизни в таких странах на треть или более уступает аналогичным показателям благополучных стран и т. п. Таким образом, не только время, но и место, страна рождения предопределяют судьбу человека, ее наполненность благополучием, счастьем и радостью.

Национальность и гражданство играют важнейшую роль на протяжении всей жизни человека. Они являются той базой, на которой строятся все остальные гражданские, социальные и политические права. Прежде всего, стоит выяснить, какой смысл вкладывается в понятия «национальность» и «гражданство».

В большинстве современных государств под гражданством понимается одновременно и национальность человека, однако она может не совпадать с составляющей этническое большинство титульной нацией, отличаясь от нее даже по расовому или религиозному признакам. К примеру, гражданином России или Франции, помимо представителей титульной нации, составляющих большинство, может быть натурализованное лицо, причем не обязательно в первом поколении, – кореец, китаец, араб, африканец и т. д.

Политическая теория дает различные определения понятия национальности. Их можно разделить на две основные группы. Первая – когда человек является носителем культуры и языка конкретной национальности. Вторая – когда он разделяет судьбу этой национальности или, более широко, народа. Таким образом, вопрос своей национальной идентификации индивидуум решает лично, вне зависимости от места своего нахождения, и идентификация национальности является результатом цивилизационных запросов и ментальности конкретного человека.

Сегодня мононациональные государства – исключительная редкость. Их существование связано с воздействием ряда факторов: историческое образование государства на мононациональной базе, слабая экономика, высокая безработица, низкий уровень жизни, тяжелые климатические условия, удаленность от мировых центров, неразвитость коммуникационной системы, отсутствие демократии, слабость политических и гражданских институтов и связанный с этим высокий уровень преступности, незащищенность личности и собственности, ксенофобия, религиозная нетерпимость и многое другое. Все эти признаки свидетельствуют о том, что перед нами неуспешное, неперспективное, непривлекательное для своих граждан государство. Иностранцы лишь в редчайших случаях могут искать в таких странах свое будущее, а собственные граждане массово оттуда убегают, эмигрируют, любыми путями стараются переменить место житель-

ства, найти убежище, а впоследствии и гражданство в более благополучных странах.

Большинство стран с развитой экономикой, демократией и действенным правовым механизмом, обеспечивающие высочайший уровень жизни своих граждан, – такие как США, Великобритания, Франция, Германия и ряд других, – являются крайне притягательными для эмигрантов из самых разных стран. Это обуславливает их полиэтничность при постепенно уменьшающейся доле титульной нации. Другие страны, например Россия, Италия, Испания, Великобритания, исторически сложились как многонациональные государства с доминирующим этносом. В России это русские, в Испании – кастильцы, в Великобритании – англичане. С середины XX века, после окончания Второй мировой войны, большинство европейских государств (а еще раньше – США) приобрели характер наднациональных. В современном мире стало уже аксиомой то, что приоритет принадлежит гражданству как правовому статусу личности, в отличие от этнико-национальной принадлежности. Отсюда вытекает, что гражданин той или иной страны находится под полной юрисдикцией именно этого государства вне зависимости от своего места нахождения.

Человек, который является гражданином не своей этнической родины, а другого государства, не имеет по отношению к этнической родине правовых обязательств. Более того, если в определенных ситуациях столкнутся интересы этниче-

ской родины и страны, гражданином которой является индивидум, он обязан исполнить свой долг перед гражданской родиной, в противном случае он будет отвечать перед законом в зависимости от тяжести своих противоправных действий. В многонациональных государствах индивидум, самостоятельно решающий вопросы своей этнической идентификации, религиозных и политических предпочтений, одновременно несет полную юридическую ответственность перед государством, гражданином которого он является. Основным законом страны предоставляет ему абсолютно те же права и в том же объеме, что и всем остальным гражданам.

Об этом свидетельствуют многочисленные примеры того, как человек, отличаясь по этническим и даже расовым признакам от титульной нации, становится политическим лидером своей гражданской родины – Барак Хусейн Обама, Николя Саркози и многие другие. В то же время в развивающихся демократиях, таких как Россия, неприязнь значительной части населения к лицам, не принадлежащим к титульной нации, делает невозможным полное равноправие граждан во всех аспектах социально-политической жизни. Трудно представить, что в сегодняшней России грузин, еврей, узбек или армянин может быть на основе волеизъявления граждан избран на руководящую политическую должность, не говоря уже о том, чтобы стать первым лицом страны. Не станем сейчас проводить исторические параллели с Советским Союзом, поскольку в то время на первый план выдви-

гался не национальный, а политический, классовый фактор.

Оставляет ли национальность свой отпечаток на характере и поведении индивида? Несомненно. Национальность – это не только место рождения, географическая широта, рельеф местности, но и особый генетический код, специфическая субкультура, более или менее очевидно отличающаяся от других. Все эти факторы влияют на характер, образ мышления, эмоциональность и даже внешность человека.

* * *

Следует отметить, что фактор религиозной принадлежности гораздо глубже затрагивает сущностный характер человека – даже неверующего, – чем его национальность. Пока невозможно представить, чтобы завтра пост президента той же Франции или США занял не христианин, даже если он объявит о своей нерелигиозности и светскости (этот факт вообще оттолкнет от него избирателей). Среди 44 президентов США не было ни одного еврея (несмотря на их политическую активность и значительную долю в населении страны – 6 млн.) или человека иной религиозной принадлежности, и лишь один не принадлежал к протестантскому направлению христианства – это был Джон Фицджеральд Кеннеди. Уверен, что если бы Барак Обама не объявил себя верующим христианином, то, каким бы политическим талантом он ни обладал, больше 3 % голосов избирателей – как раз таково

число мусульман, проживающих в США, – он бы не получил.

Проблема ассимиляции приобретает крайнюю остроту, если этническая и гражданская родина представляют различные ветви цивилизации – скажем, христианства, ислама, иудаизма или буддизма. Радикальные изменения, затрагивающие сущность человека, весь его внутренний мир и поведение, происходят, когда меняется выстроенная на базе определенной религии культура. Я говорю не о смене, например, католицизма на протестантизм или православие. Здесь есть свои нюансы, но для человека нерелигиозного, каким являюсь и я, они почти неразличимы. Один Бог – Христос, одна Библия, одна – европейская – культура, отсутствие табуированных областей жизни. В XX, а тем более в XXI веке такие вещи, как прелюбодеяние, измена супругу, неуважение к Священному Писанию, богохульство или даже полный отказ от религии, перестали быть преступлениями, переместившись в область чисто этических проступков. Самое большее «наказание», которое может сегодня грозить, скажем, за супружескую измену, – шумные разборки в семье, осуждение родственников, в крайнем случае раздел имущества и проблема воспитания детей. Но если человек – мусульманин, особенно родившийся в стране радикального ислама, то за все вышеуказанные «шалости» он может быть жесточайше наказан, вплоть до повешения или забивания насмерть камнями.

Англичанин, француз или русский могут принять ислам,

однако не следует забывать, что этот поступок означает не просто смену культурных ценностей. Он затрагивает саму мировоззренческую и поведенческую сущность индивидуума. Человек перестает быть тем, кем был раньше, — это уже новая личность с новым жизненным кодексом. Если же ислам принимает женщина, то ее место в обществе и весь комплекс отношений с последним меняется еще более радикально, чем у мужчин.

Замечу, что среди русских, грузин, армян, украинцев и проч. немало католиков или протестантов, но это не принуждает их оставаться в рамках своих национальных культур. Существует много семей, где муж, например, католик, а жена православная, и это не мешает каждому из них выбирать веру самостоятельно. К сожалению, подобный вариант невозможен, если речь идет о создании семьи с человеком мусульманского вероисповедания. Здесь есть только одно решение: христианин должен отказаться от своей веры.

Христиане в христианской среде растворяются быстро, особенно если страна пребывания по культурно-экономическим параметрам выше, чем страна, откуда прибыл человек. Одно-два поколения — и он уже мыслит на языке страны нахождения, живет ее интересами и культурными запросами. Сужу по примеру такой устойчивой к ассимиляции нации, как армяне.

Столетия нахождения армян в мусульманской среде, прекрасное знание местного языка и обычаев и нередко высо-

кое социальное положение не могли склонить их к принятию ислама³. В то же время в России, тем более в США, мало кто из армян остается представителем своей этнической нации уже в третьем поколении. Зачастую об этнических корнях напоминают только фамилия и воспоминания о бабушке и бабушке, говоривших на русском с акцентом, а во многих случаях под нерусской фамилией указывается русская национальность. Вынужден отметить, что в России жить под русской фамилией значительно удобнее – к сожалению, это очевидный факт, не нуждающийся в комментариях.

Ситуация с ассимиляцией евреев несколько сложнее. Если человек не светский, а религиозный, то в этом случае он уже иудей, следовательно, по религиозному признаку находится в чужой среде. Первым шагом в сторону ассимиляции с доминирующей нацией будет уход от своей религии. Лишь потом возможно слияние с местной средой, восприятие культурных и других ценностей, местных обычаев и образа жизни.

Значительное число евреев в России приняли православие, в Америке – протестантизм, в Европе – католицизм, другие остались вне религии. Если еврей перестает быть иудеем, то в течение одного-двух поколений он или его потомки будут полностью ассимилированы с титульной наци-

³ В 1922 году Нубар Кулпекян – этнический армянин из Карабаха стал первым премьер-министром только что получившего независимость Египта. Будучи одним из богатейших людей мира, входивший в число 10 тогдашних миллиардеров, он сохранил свою веру и национальность, а также высокую религиозность.

ей, хотя не исключено и ощущение у них некой этнической двойственности.

Таким образом, можно констатировать, что главным тормозом глобализационных процессов народов и наций, поглощения или ассимиляции большими социумами малых является именно религиозно-цивилизационное, а не этническое различие.

* * *

Не хотел бы показаться фаталистом и утверждать, что все в нашей жизни заранее предопределено и остается лишь смиренно и пассивно следовать объективно сложившимся обстоятельствам. В значительной степени наша судьба не связана внешними факторами, наоборот, она зависит именно от нас, от нашей целеустремленности, трудолюбия, умения правильно оценить происходящие вокруг события, людей и возможное их поведение. Безусловно, есть факторы судьбы, не поддающиеся объяснению, складывающиеся объективно, без участия и воли конкретного индивидуума. Не в наших силах выбрать время и место своего рождения, религиозно-культурную среду, национальность, язык и интеллект. Но тем, что Бог и природа дали нам, мы можем распоряжаться по своему усмотрению. Разумеется, наша судьба могла изначально сложиться гораздо лучше или, наоборот, значительно хуже, однако возможность совершенствования,

повторю, зависит лично от нас.

Из всех объективных факторов, определяющих нашу жизнь, а в итоге и судьбу, три я без колебаний считаю огромным своим везением. Во-первых, это мои родители, во-вторых, то, что я родился в культурно-цивилизационной среде, базирующейся на христианстве, и в-третьих, то, что я родился мужчиной (да простят меня феминистки и гуманистки, зеленые и красные).

Именно христианская культура и цивилизация открыли для человечества самые большие возможности во всех сторонах социальной, политической, экономической жизни. Именно в этой парадигме родилось понятие свободы как величайшей ценности, традиция уважать свое и чужое достоинство и превыше всего ценить как свою, так и чужую жизнь. Именно эта цивилизация дала миру Великую французскую революцию, Декларацию прав и свобод человека и гражданина, Всеобщую декларацию прав человека, равно как и великую гуманистическую литературу, симфоническую музыку, оперу и балет, феноменальную архитектуру и живопись и т. д. Эта цивилизация вывела человека на Луну, направила атомную энергию на службу мирному труду, создала современные телекоммуникационные системы и передовую медицину, сумевшую открыть генетический код человека. И, что особенно важно, – установила высокие стандарты жизни человека и провозгласила своей ценностью защиту его прав и свобод.

Ни в коем случае не хочу оскорбить своим мнением религиозные и культурные чувства многих, без сомнения, достойных людей, принадлежащих к другим культурно-цивилизационным ареалам. Уверен, что они могут и должны наравне со мной гордиться и своей собственной, и христианско-европейской культурой, поскольку вместе они составляют общечеловеческое достояние.

* * *

Уважаемый читатель, мои многолетние наблюдения за поведением людей разных национальностей, происходящих из разных стран и регионов, привели меня к твердому убеждению, что, несмотря на общую схожесть людей и рас, они по многим параметрам отличаются друг от друга. Кто возьмется утверждать, что русский, украинец, грузин, белорус или грек (все представители православной ветви христианства) ничем не отличаются друг от друга и живут по одинаковым правилам? Конечно, у каждого народа есть свои отличительные черты, собственные доминанты в характере и менталитете, особенности поведения. Однако различия, существующие между христианскими народами, неизмеримо меньше тех, которые существуют между ними и народами ислама. Сможет ли современный мир благодаря своим жестким экономическим законам, общей валютно-финансовой и телекоммуникационной системам сблизить эти полюса, вы-

нуждая их к сотрудничеству и существованию без глобальных конфликтов? По-видимому, альтернативы не существует. Остается лишь надеяться, что это сближение не затянется надолго и в обозримом будущем демографическая агрессия и связанная с ней безудержная миграция перестанут угрожать нормальной жизнедеятельности христианского мира. Впрочем, в мире идет необратимый процесс смешения культур, рас и народов. И, как показывают многолетние наблюдения, процесс этот ни в коей мере не обедняет генетический и культурный фонд человечества, наоборот, обогащает его, придавая новые оттенки и многогранность.

Предисловие

С 1948 года по решению Совнаркома СССР началась большая репатриация армян из зарубежья. Общее число приехавших составило более 200 тысяч. Главные потоки репатриантов шли с Ближнего Востока: из Ливана, Египта, Ирана и Турции. Немало репатриантов приезжало из Греции, Болгарии, Румынии и Франции. Их объединял только армянский язык и христианская вера. Говорили они на разных наречиях, смешивая слова из языка стран пребывания с армянским, и отличались от местных жителей бытовыми привычками, культурой и, разумеется, образом мышления. Все приезжие продолжали говорить между собой на языке страны их бывшего проживания, а с нами, местными, общались, разумеется, на армянском. Всех этих людей надо было приютить, накормить, трудоустроить, одним словом, создать нормальные условия жизни.

Последние большие группы репатриантов прибыли в конце 1948 года, а процесс их обустройства продолжался до 1949 года. Имеющиеся ресурсы были крайне скудными. Первыми объектами для размещения репатриантов стали действующие школы, общежития и военные казармы, которые с трудом успели кое-как отремонтировать. Бедные репатрианты, ожидавшие теплого приема, благоустроенных домов и изобилия, в чем настойчиво убеждала их советская пропаганда,

ганда, вдруг оказались среди несчастных и неприветливых людей, в такой мрачной и бедной обстановке, что им и не снилось в кошмарном сне. Спустя годы они неоднократно рассказывали о своей доверчивости и глупости. Этот великий обман стал излюбленной темой юмористов и театральных постановок.

На больших военных машинах из порта Батуми или железной дорогой непрерывно возили людей с огромными баулами и многочисленными вещами. Вновь прибывшие мало были похожи на местных жителей. Их одежда, тональность разговора, поведение – все было ново, и мы с удивлением наблюдали за тем, как мужчины в цветных брюках и женщины на высоких каблуках ходили и возбужденно обсуждали предложенные им варианты. Некоторые сидели отрешенно, безучастно смотрели на происходящее и плакали. Среди прибывших было много детей разных возрастов.

Приехавшие из других стран люди впервые в жизни видели вокруг себя сплошь сородичей и думали, что все здесь любят друг друга, а их в особенности – за преданность исторической Родине, за то, что они, оставив обжитые места, где в течение полувека или века жили их предки, вернулись домой. Но вскоре им пришлось убедиться, что местные армяне бывают порой не совсем такими, какими их представляли. Они оказались агрессивными, воинственными и озлобленными. Советская власть успела оставить отпечаток на внешности и душах этих людей, успела научить их жестоким пра-

вилам выживания, зачастую заставляющим быть слепым и глухим к человеческому горю. Разумеется, немало было и других, не потерявших доброты и человечности, с большой теплотой и сочувствием принявших армян-репатриантов.

Случалось, что у репатриантов крали хлебные карточки, а это означало, что они вынуждены были жить месяц без хлеба, до получения новой карточки. Прежнюю карточку аннулировали и выдавали новую – благо человек мог получить хлеб только в одном магазине. Потом приходила милиция, начинала допрашивать потерпевших, свидетелей из очереди, продавцов. Практически всегда оперативно устанавливали личность вора, совершившего этот гнусный акт, грубо и бесцеремонно доставляли его в отделение и допрашивали, зачастую жестоко избивая. Суд и ссылка не заставляли себя долго ждать, и через какое-то время воровство карточек сошло на нет.

Несомненно, большевики умели жестко и быстро выходить из критических ситуаций, которые, как правило, сами и создавали, а вот налаживать спокойную, нормальную жизнь оказалось не их стихией. Им нужна была буря, борьба, герои, враги – и со временем народ понял, что это ему безмерно и до смерти надоело...

Приезд репатриантов сильно повлиял на общую культуру местного населения, что скоро стало заметным. Много представителей интеллигенции – писателей, учителей, артистов и музыкантов – приехало из Каира и Бейрута, известных цен-

тров армянской культуры за рубежом. Армяне из Европы, особенно из Франции, также были в массе своей образованными людьми, держались более достойно, даже внешне отличаясь от других. Среди них было много специалистов. В республике появились дантисты, портные, сапожники, музыканты, учителя иностранных языков, хореографы и певцы. За продукты и некоторые другие товары приезжие лечили и шили, обучали и обували.

* * *

Безмерная надежда советского народа на то, что после тяжелейшей войны, в которой почти каждая семья потеряла родного и близкого человека, а иногда и не одного, начнет-ся совсем новая, светлая жизнь, быстро угасла в повседневных трудностях, в тяжелом добывании скудного пропитания и содержании жилья. Значительная часть ветхого жилищного фонда был разрушена во время военных действий, в стране остро не хватало продовольствия, в отдельных регионах разразился настоящий голод – люди умирали тысячами. Но людоведский сталинский режим не мог существовать без новых и новых человеческих жертв, без террора по отношению к своему народу. Огромные аппараты карательных органов не могли бездействовать. Чтобы оправдать свое существование, им надо было «раскрывать заговоры и антисоветские действия изменников родины», ведь вождь народов был

весьма чуток к любим, даже сумасбродным слухам о заговорах – везде он искал происки против себя и своей власти.

Первым эпизодом послевоенных репрессий, который до сих пор вызывает чувство острой горечи и возмущения и не укладывается в нормальную человеческую логику, стал факт расправы над советскими военнопленными.

Количество военнопленных уже в первые годы войны достигло примерно 6 млн человек. Задумайтесь над этим числом – это больше, чем население таких государств, как Дания, Хорватия... В большинстве случаев советские солдаты и офицеры оказались в плену вследствие преступно безграмотных действий своих же военачальников в первые месяцы войны. Да и трудно было ожидать грамотных решений от вчерашних младших офицеров, в массовом порядке пришедших перед началом войны на замену старшему, опытному военному командованию, высланному или расстрелянному по приказу Сталина почти поголовно. Так, среди расстрелянных были маршалы М.Н. Тухачевский, В.К. Блюхер и многие другие. Будущий прославленный маршал Константин Рокоссовский после годового заключения и страшных пыток, с выбитыми на допросах зубами, по настоянию Георгия Жукова был выпущен и немедленно направлен на передовую линию фронта.

После широко распропагандированного объявления амнистии началась массовая отправка военнопленных на родину. Решение – оставаться за рубежом или вернуться в СССР

— они принимали самостоятельно. Число военнопленных, которые не поверили Сталину и советской пропаганде и остались за рубежом, также было довольно внушительным — около миллиона человек. Их жизнь на чужбине сложилась несравнимо лучше и счастливее, чем тех наивных и доверчивых людей, которые вернулись в страну. Загруженные до отказа радостными солдатами эшелоны с ходу поворачивали в Сибирь, в сторону Колымы и Магадана. Так Сталин и руководство страны «исправили» свои ошибки, допущенные в первые годы войны, и «поздравили» родных и близких этих несчастных, жаждущих встречи со своими сыновьями и мужьями, не по своей воле оказавшимися во вражеском плену.

* * *

Начались репрессии в армии и военно-морском флоте. Советская пропаганда развернула разнузданную кампанию против «низкопоклонства перед Западом» и «безродных космополитов» — ее жертвами стали председатель Еврейского антифашистского комитета, известный общественный деятель Соломон Михоэлс и сотни евреев-интеллигентов. Началась бурная кампания против инженеров-«вредителей», где основными фигурантами также были евреи. Фактически на государственном уровне проводился явный антисемитский террор.

То, как храбро и беззаветно сражались евреи против фа-

шистов, как 165 человек еврейской национальности были удостоены звания Героя Советского Союза, было предано забвению. Была арестована по выдуманному обвинению даже жена наркома иностранных дел Вячеслава Молотова, ближайшего соратника Сталина, – Полина Жемчужина, еврейка по национальности. А жена личного секретаря Сталина А.Н. Поскребышева, также еврейка, была обвинена в шпионаже и расстреляна в июле 1952 года.

Происходящее напоминало безумные годы великой испанской инквизиции. Как могли Вячеслав Молотов, Михаил Калинин (его жена тоже была арестована), Александр Поскребышев и другие на следующий день после ареста их жен выйти на работу, общаться с вождем и вести себя как ни в чем не бывало, даже хвалить его за мудрость и проницательность? Неужели страх этих людей был настолько велик, что для сохранения своей презренной жизни рабов сумасшедшего Молоха они не рисковали хотя бы попросить о помиловании – не говоря уже о том, чтобы, как нормальные люди, имеющие достоинство, отомстить параноику-вампиру в его же кабинете, где они так часто оставались с ним наедине? Ведь они могли пронести туда оружие, а Поскребышев всегда был вооружен. Я не сочувствую этим, безусловно, несчастным людям – я их презираю...

Действия Сталина стали уже совершенно параноидальными и не соответствовали никаким критериям разумности и нормального человеческого поведения. Интеллигенция, на-

пуганная до смерти, молчала, зомбированное большинство «шариковых» кричало на митингах, требуя смерти осужденных и не пытаясь разобраться, в чем их вина... Великий злодей хорошо ощущал рабский дух подвластного народа, готового быть обманутым и затоптанным.

В 1947–1950 годах начались массовые высылки в Сибирь литовцев, латышей, молдаван по обвинению в «сотрудничестве с немцами». Были арестованы и сосланы десятки тысяч жителей Западной Украины и Западной Белоруссии. Начало «дело врачей-вредителей» – и опять с явным антисемитским уклоном. Высококвалифицированные, известные всей стране врачи обвинялись в якобы вредительской деятельности по отношению к руководству партии. Сталин вынашивал безумный план сослать всех евреев СССР, а это не менее двух миллионов человек, составлявших значительную часть элиты советской науки, медицины, экономики и других сфер, во вновь созданную Еврейскую автономную область. По всей стране составлялись списки евреев, определялись места их проживания, создавались транспортные ресурсы, на которых они могли быть вывезены до пункта назначения. Однако смерть вождя, наступившая 5 марта 1953 года, не дала ему возможности осуществить задуманное.

Волна арестов и террора против мирного населения добралась и до Армении, где после войны резко уменьшилось число мужчин. Первыми жертвами стали ничего не подозревающие репатрианты, недавно вернувшиеся на историче-

скую родину из-за рубежа. Несколько молодых людей, осознав, насколько жестоко они были обмануты, попытались перейти границу между Арменией и Турцией, однако были пойманы и переданы в руки чекистов. Военный трибунал осудил их на длительные сроки, и они были отправлены в Сибирь. Из поздних ночных разговоров отца и матери я понял, что они очень встревожены. Родители имели на это причины, ведь оба они были из «непролетарских» семей. Отец моей мамы и два ее старших брата в то время еще находились в ссылке, а у отца один дядя был царским офицером, другой – армянским буржуазным деятелем.

Искали шпионов среди интеллигенции, рабочих, но особенно рьяно – среди репатриантов. Плохо разбирающиеся в происходящем, эти люди не понимали, чего от них хотят. На вопрос чекиста: «А вы слушаете по радиоприемнику передачи из-за рубежа?» – они охотно и не задумываясь отвечали: «Да, конечно, мы же знаем язык!» Через некоторое время чекисты «раскрывали» антисоветскую группировку, которая слушает вражеские радиостанции с целью распространения дезинформации среди населения СССР. Следовало заседание трибунала – и люди, не знающие ни слова по-русски, отправлялись «отдыхать» на просторах «солнечного» Магадана.

Сегодня, читая рассекреченные дела тех времен, мы удивляемся, как можно было верить такому идиотизму, кто составлял такие нелепые, чудовищно нелогичные обвинения

и как могли на основе этого отправлять людей на верную смерть. Кто-то из чекистов мог быть и малограмотным, но ведь в военном трибунале заседали более или менее образованные люди. Почему же никто из них ни разу не обратил внимание на несуразность «творений» чекистов, ведь речь шла о человеческих жизнях?! Расскажу об одном случае, который произошел, когда мне было семь лет, и запомнился со всеми подробностями.

Дело было поздней осенью. В один из дней, ближе к полуночи, постучали в дверь. Отец, на ходу одеваясь, пошел открывать. Я узнал вошедшего – это был начальник ЧК нашего района, фамилию и имя его не помню. Замечу, к слову, что чекистами в основном служили армяне из Карабаха, Тбилиси, Ростова, местных было значительно меньше. Эти люди хорошо владели русским, но с армянским языком у них были определенные трудности.

Разговор чекиста с отцом шел на русском. Постепенно голоса звучали все громче и громче, под конец слышалась ругань – ругался в основном отец. Матерные слова на русском я уже знал. Чекист все время хотел успокоить отца, но разговор продолжался на повышенных тонах. Оказалось, что отцу принесли список людей, подлежащих высылке куда-то в Сибирь или Северный Казахстан, – в нем значилось больше ста человек. Сперва спорили о количестве. Отец бурно возмущался размерами списка, утверждая, что у него в районе нет такого количества подлежащих высылке людей. По-

том, сократив количественный состав, перешли к фамилиям. На первой же фамилии снова начали спорить. «Это же наш дантист, – горячился отец, – хороший специалист, репатриант, единственный в районе! Другой специалист – женщина, и сейчас она в декретном отпуске!» Дантиста удалось отстоять. Среди других фамилий числились учителя французского языка и истории, два русских инженера, уже высланных в Армению и работавших на фабрике. По каждой фамилии отец приводил свои аргументы.

Потом сидели, пили чай и ждали, пока придут вызванные отцом председатель райисполкома и начальник райотдела милиции. Они приехали очень быстро, по-видимому, еще не разъехались по домам. Отец по представленным начальником милиции спискам предложил других кандидатов на высылку. Чекист не соглашался: «Что вы, товарищ секретарь райкома, подсовываете мне бандитов и воров, шпану какую-то. С таким списком пусть поработает ваш начальник милиции, мы ищем вредителей и шпионов, а они – среди районной интеллигенции. И что вы так защищаете их, чем они заслужили ваше доверие?..» Перед тем как уйти, он угрожал, что доложит о позиции районного партийного руководителя, т. е. отца и его помощников, своему руководству. В свою очередь, отец также перешел к угрозам, говоря, что поставит вопрос об уходе начальника ЧК из района, так как он мешает налаживанию нормальной жизни, ищет вредителей и шпионов там, где их нет, а это – своеобразная

попытка саботажа, способная привести к срыву выполнения поставленных партией задач...

Чекист ушел, отец еще некоторое время возбужденно ходил взад и вперед и ругался, мама успокаивала его. К утру мы уснули. Как я понял из утреннего телефонного звонка, отец продиктовал секретарю текст телеграммы в ЦК Компартии республики, где сообщал о вчерашнем событии и критиковал действия начальника ЧК. Через несколько дней в районе прокатилась первая волна арестов.

* * *

С 1947 по 1950 год в республике полным ходом шла реализация постановления Совета Министров СССР за № 04083 «О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР». Причиной такого отношения к азербайджанцам послужило то, что во время Второй мировой войны они массово дезертировали с фронта, поэтому оказались в немилости у вождя народов. Азербайджанцы, как тюркский народ, понимали, что если для армян и грузин поражение СССР означало полную катастрофу, бойню и высылку с их территорий, то для них, наоборот, – возможность захвата новых земель и расширение границ до Черного моря.

Несмотря на значительное численное превосходство азер-

байджанского населения над армянами и грузинами, по числу награжденных, в том числе Героев Советского Союза, Армения почти в три раза превосходила Азербайджан. При этом Азербайджан в числе своих героев показывал проживающих на его территории армян и русских, особенно армян из Нагорного Карабаха, откуда вышли известный полководец, маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян, маршал авиации Арменак Хамферянц, расстрелянный Сталиным в 1950-е годы, главный маршал бронетанковых войск Амаяк Бабаджанян, адмирал флота Иван Исаков и другие. Скромные заслуги азербайджанцев во время войны объясняются также тем, что еще с царских времен в российскую армию с ее сильным христианским началом мусульмане призывались в редчайших случаях. Поэтому если среди армян и грузин были тысячи офицеров и специалистов военного дела, то для азербайджанцев эта профессия была закрыта и никогда не пользовалась особой популярностью.

Итак, по велению вождя народов более двухсот тысяч азербайджанцев и курдов были высланы из Армении, переселение проводилось в три этапа. Район, куда они переехали, был пустынной засушливой территорией без растительности, кишасей змеями и насекомыми. Однако после создания оросительной системы эти земли стали одним из центров бахчеводства Азербайджана – видимо, вождь предвидел такую перспективу, ведь должен же он хоть в чем-то быть прав. Замечу, что азербайджанцы – хорошие и умелые бах-

чеводелы и скотоводы, хорошие торговцы овощами и фруктами, что тоже требует навыков. Не случайно на всех московских рынках доминируют азербайджанцы, а их бахчевые культуры считаются, наравне с узбекскими, лучшими.

На место переселенных азербайджанцев, как я уже отметил выше, в Армению вернулись из других стран двести тысяч репатриантов-армян. Однако такая простая арифметика оказалась неразумной, поскольку уехавшие азербайджанцы были бахчеводами и скотоводами, а вместо них приехали люди абсолютно других профессий: ювелиры, дантисты, музыканты, сапожники, танцоры, портные, – не имеющие никакого отношения к сельскому хозяйству. Постепенно в экономике республики образовался сильный перекос, сельское хозяйство пришло в упадок, а бытовые услуги развивались настолько бурно и были такими качественными, что жители других регионов СССР приезжали в Армению купить хорошую одежду и обувь, ювелирные украшения и многое другое. В последующие годы в республике бурно развивалась наука и культура, медицина и образование – в этих сферах деятельности репатрианты принимали самое активное участие. Одновременно их представители практически отсутствовали в государственных, тем более в партийных органах республики – их приход туда всеми возможными способами ограничивала местная партийная верхушка и КГБ, разумеется, с ведома Москвы. Вернувшиеся на историческую родину репатрианты подозревались в неблагонадежности и ока-

зались фактически неравноправными с местным населением, а если говорить более грубо – людьми второго сорта.

Во многом именно этот фактор в совокупности с определенными культурно-ментальными различиями послужил причиной того, что с середины 1970-х годов армяне-репатрианты сперва индивидуально и отдельными семьями, а затем все более усиливающимися потоками начали покидать республику и возвращаться в страны, откуда они изначально прибыли. К началу нынешнего века подавляющее большинство репатриантов эмигрировало из Армении. Остались только приехавшие из мусульманских стран армяне, которым по понятным причинам возвращаться туда не имело никакого смысла. Отток репатриантов, а вместе с ними значительного количества активного населения, высококвалифицированных специалистов нанес человеческому потенциалу республики серьезный урон.

Я описываю сложившиеся в этот период общественно-правовые отношения, политическую ситуацию, психологию и нравы общества, чтобы читателю стала понятна мотивация поведения персонажей романа, где главная героиня – репатриантка из Франции. Вымышленных персонажей и событий в романе нет. Все персонажи имеют реальных прототипов, многие из них живы и здравствуют поныне. В ряде случаев персонажи романа выступают под своими настоящими именами и легко узнаваемы для тех, кто так или иначе когда-либо общался с ними.

Выбор

Книга 1

Глава 1

Во все времена людям были присущи достоинство, независимость, стремление к свободе и счастью, любовь, отвага, благородство, верность, вдохновение, откровенность, доверчивость, щедрость, сострадание и доброта, равно как и ненависть, страх, себялюбие, подлость, мстительность, предательство, тупость, скрытность, равнодушие, злоба, подозрительность, зависть, ревность, скупость и многое другое. Эти черты человеческой природы подарены нам природой, и они почти не изменились за долгие тысячелетия. Но каждое время, каждая эпоха придает им новые оттенки, открывает новые глубины, находит новые социальные формы и возможности их проявления.

Вопрос в другом. В какой пропорции эти черты смешаны в каждом из нас? Как мы их контролируем, насколько развит наш интеллект и чувство свободолюбия, достоинства и сострадания? Вот что движет нами. Может ли человек умышленно причинить другому вред, не испытав в глубине души жгучего сострадания? Может ли равнодушно пройти мимо,

когда унижают слабого, немощного, девушку, ребенка, труса? Что он думает о себе, какими аргументами успокаивает взбунтовавшую совесть?..

Я говорю сейчас о людях со здоровой психикой, нормальным интеллектом и развитой душой. Есть и другие – примитивные эгоцентричные существа, вся жизнь которых подчинена инстинкту выживания. Они не склонны к интеллектуальному анализу как своих действий, так и происходящего вокруг, и никогда не задумываются о существовании каких-то высоких чувств. Такому человеку вполне достаточно, если он сыт, согрет, имеет возможность удовлетворять основной инстинкт, пользоваться минимальными благами цивилизации (свет, вода, телевизор) и при этом много не работать. Разумеется, это крайность. В жизни мы встречаем сотни и тысячи промежуточных вариантов человеческой натуры: от самого примитивного до сложнейшего, высокоинтеллектуального.

Все эти люди могут жить в одно и то же время, в одном городе, в соседних домах и квартирах и говорить на одном языке. Но какая огромная разница в социальном и личностном плане! Общество, законы, мораль, идеология призваны нивелировать эти различия и по возможности выработать некий усредненный тип индивидуума – главную опору любой власти. В стабильном социуме общественные и правовые механизмы работают на удовлетворительном уровне, и разницу между крайними проявлениями человеческой лич-

ности можно особо не замечать. Но если тормозной механизм общества – правоохранительная система – слаб и плохо отрегулирован, крайности человеческой натуры, особенно негативного плана, получают больший простор для проявления. Так было в докризисном Советском Союзе, так происходит и в сегодняшней России. Человеку приходится прикладывать значительно больше сил, воли и многих других качеств для защиты своего достоинства и жизненных интересов, ведь государство и власть ему не партнеры и вряд ли помогут – скорее, останутся инертными и равнодушными. Что уж говорить о стрессовых ситуациях, которыми была полна жизнь советского человека (хватает их и сегодня для среднего российского гражданина), да еще когда он молод, импульсивен и, не задумываясь, готов перешагнуть границы дозволенного, тем более если дело касается такого удивительного чувства, как любовь. Кто объяснит, каким образом вчерашний чужак, незнакомец вдруг становится главным человеком в вашей жизни – настолько важным, что ради него вы готовы совершать поступки и действия, еще недавно казавшиеся вам абсурдными и невозможными?

Становление каждого человека идет своим специфическим путем, в зависимости от времени, в которое выпало жить, особенностей социальной среды и личностных качеств, причем то, как сложится для него ситуация – благополучно или нет, – зачастую невозможно предсказать. Меняются времена, социально-политические и экономические

уклады, но отношения между людьми в главном остаются такими же, какими сложились за тысячелетия человеческой истории. Любовь, верность, преданность, храбрость, подлость, зависть были, есть и будут. Внешне они могут принимать разное обличье, подкорректированное временем, местом и социально-культурным окружением, но по сути всегда останутся неизменными. Тем они и интересны.

* * *

История, которую я хочу вам рассказать, началась в сентябре 1959 года. Только что стартовал новый учебный год. Я переведен с вечернего на очное отделение второго курса и с опозданием на год включаюсь в процесс военной подготовки. Хрущевская реформа в системе высшего образования предусматривала запрет абитуриентам поступать на гуманитарные факультеты вузов сразу после школы. Необходимо было или отработать два года, или отслужить в армии. Исключение делалось лишь для золотых медалистов. Так как я не принадлежал ни к одной из указанных категорий, пришлось поступать на вечернее отделение и формально устраиваться рабочим в типографии – там печатался журнал, главным редактором которого был мой отец. Этой лазейкой в законе в то время воспользовалось немало людей. Было лишь одно «но»: если через год не перевестись на очное отделение, призыва в армию не избежать – и в этом случае придет-

ся не только потерять три года (а на флоте – и все четыре), но и столкнуться с различными опасностями, связанными с армейской службой.

Вместе со мной на очное перевелись еще четверо. Среди них Рафаэль – сын министра местной промышленности республики. Выше среднего роста, стокилограммовый крепыш с телосложением боевой машины, борец и боксер, драчун со шрамами на лице и шее, с русским образованием, с исключительно неуравновешенным характером, готовый за любое не понравившееся ему слово или косой взгляд лезть в кровавую драку – и в то же время с прекрасным чувством юмора, добрый и отзывчивый. Спортом (вольной борьбой) мы занимались вместе у Норайра Мушегяна, чемпиона мира и Европы, молодого талантливого тренера старше нас лет на десять-двенадцать. Наши родители были хорошо знакомы, несмотря на разность их профессий. Родители Рафы, так все звали моего приятеля, просили, чтобы я по возможности присматривал за ним, хотя их сын был старше меня на три года.

Все мои студенческие годы прошли в тесной дружбе с Рафаэлем, этот период моей жизни связан с ним неразрывно. На момент поступления в университет мне было семнадцать лет, а ему двадцать – разница в этом возрасте значительная. Мы знали, что у Рафы были проблемы с законом – в драке с ним погиб известный уличный авторитет, и пока шел судебный процесс, родители, опасаясь мести, где-то прятали

сына. После двухлетнего судебного разбирательства он был оправдан по статье «необходимая оборона», год провел в каком-то военном училище, потом перевелся сюда и мы вместе стали получать юридическое образование. Ребята на курсе уже были наслышаны о Рафе, сторонились его и откровенно боялись.

Первый же день нового учебного года начался с неожиданного инцидента со старостой курса – им оказался нескладный худой человек со злым и неприятным лицом. Я запомнил его еще на приемных экзаменах: тогда он носил военную форму с погонями старшего сержанта и кирзовые сапоги. Председатель предметной комиссии по истории, пожилой лысый человек с огромным носом, обратился к нам, пришедшим со школьной скамьи в университет: «Смотрите, человек выполнил свой долг перед родиной, а вы без жизненного опыта хотите стать юристами, решать человеческие судьбы». Тот, в военной форме, слушал его с торжественным видом, высоко подняв голову на петушиной кадыкастой шее, и поглядывал на нас со злобой и презрением.

– Вот вас, молодой человек, как зовут? – кивнул в мою сторону председатель.

– Давид.

– Почему вы не хотите честно выполнить ваш гражданский долг перед родиной, отслужить в Советской армии? Это же такая честь! Или поработать в колхозе – с вашими-то физическими данными! Ах, вы городской житель?! Тогда на за-

вод, на производство! Или пошли бы в институт физкультуры... А вы сразу в университет, да еще и на самый конкурсный факультет. Любите историю и общественные науки? Придется вам это доказать... И не ухмыляйтесь: боюсь, через час вам будет не до смеха...

Замечу, правда, что, к его великому удивлению, после интенсивного часового экзамена, когда уже вся комиссия перешла на мою сторону, он был вынужден поставить мне отличную оценку.

И вот через год мы снова встретились с молодым человеком в военной форме, которого председатель приемной комиссии привел мне в пример. Носил он причудливое имя Князь – в те годы многие родители, особенно те, которые не обладали высоким культурным уровнем, давали своим детям экзотические имена: Принц, Князь, Фердинанд, Марсель (Маркс, Сталин, Ленин), Пушкин, Бабель и т. п. Князь вел себя высокомерно, всегда носил, невзирая на жару, костюмы преимущественно светлых тонов – по-видимому, чтобы скрыть сутулость, – и красный галстук, а из нагрудного кармана его пиджака постоянно выглядывал уголок платка. Когда перед началом занятий, войдя в аудиторию, я сел за последнюю свободную парту у окна, он с другого конца комнаты громким голосом обратился ко мне:

– Эй, молодой, это мое место!

Если бы не его оскорбительный тон, в котором сквозило явное желание при всех унижить новичка, я бы уступил.

– А где тут написано твое имя? И вообще, я уже сел, найди пока другое место. На перемене разберемся, кто где должен сидеть.

– Да кто ты такой, чтобы со мной так разговаривать? Пошел вон, а то сейчас вышвырну за шкуру!

Это была уже явная агрессия, притом со стороны человека на голову ниже меня и явно килограммов на двадцать – двадцать пять легче.

Его замысел сразу стал мне понятен: он хотел унижить перед девушками (на курсе их было всего две, и одну из них даже можно было считать симпатичной) новичка – высокого, спортивного, с виду явно городского парня. К тому же было понятно, что и он, в свою очередь, запомнил меня на приемных экзаменах. Я не смог удержаться и вступил в перепалку:

– Слушай, клоун в галстуке, а где твоя военная форма и сапоги, с помощью которых ты вымогал оценки на экзаменах? На перемене мне расскажешь, куда их дел! А вот платок, который у тебя из кармана торчит, тебе еще пригодится!

– Эй, чучело, а он прав, – вступил в разговор Рафа, только что вошедший в аудиторию с неизменной улыбкой на лице.

Князь, который впервые встретился с ним и ничего о нем не знал, обернулся и вместо ответа оскорбительно шлепнул Рафу по лицу. Тот отреагировал мгновенно, автоматически отвесив Князю жестокий хук в лоб – годы тренировок в спортзале не прошли даром. От мощного удара староста пролетел метра два и грохнулся у входа, потеряв сознание.

Весь курс пораженно встал.

– Рафа! Ты что, дурак? А если этот клоун умрет? Ребята, помогите, давайте отнесем его в туалет, приведем в чувство. Ничего страшного, парни просто познакомились... Ведь так?

– Ну да, – согласились со мной двое-трое парней, пришедших вместе с нами с вечернего факультета. Остальные молчали, понимая, что с приходом новичков что-то изменилось...

– Держите, чтобы язык не заглотил, а то задохнется «белоснежка», он в глубоком нокауте, – спокойно, с чуть смущенной улыбкой сказал Рафа. – Дав, – обратился он ко мне, – следи и, если нужно, вызови скорую, а то вдруг возьмет да умрет, подлец, а это мне ни к чему...

Девушки плакали, несколько ребят наклонились над лежащим, подняли его и понесли в туалет. Я последовал за ними. Там мы долго держали голову Князя под холодной водой. Постепенно он пришел в себя, но пока не мог твердо стоять на ногах и плохо соображал. Кто-то из наших сокурсников пошел искать такси. Подъехала машина, Князя вывели и один из его друзей поехал вместе с ним в поликлинику.

Две недели Князь не появлялся на занятиях, а вернувшись, первым делом обратился ко мне:

– Ты у меня еще попляшешь... Он кто? Отморозок! Я с тобой еще разберусь...

– Ну хватит, хватит! Давай помиримся! Что было, то бы-

ло, ты ведь сам все это начал. Хочешь, уступлю место у окна? Правда, тогда ты будешь сидеть за одной партой с Рафой... Думаю, он будет рад с тобой подружиться – ты такой живой... чий...

– Да пошел ты, молокосос!..

– Перестань, я все понимаю, ты обижен. Все пройдет, забудем...

– Ну уж нет! Ты меня не забудешь! Сто раз пожалеешь, что оскорбил меня...

И действительно, Князь слов на ветер не бросал. Когда много лет спустя наши жизненные пути опять пересеклись, он неустанно писал на меня во всевозможные инстанции сотни писем и анонимок, обвиняя во всевозможных грехах, в основном в предательстве коммунистических идеалов, и продолжал это делать даже тогда, когда я давно покинул республику. С тех пор я неоднократно успел пожалеть, что нажил себе такого врага – явного шизофреника, но при этом изобретательного и исключительно последовательного.

Князь был неудачником, злым и почему-то обиженным на весь мир, однако амбициями обладал непомерными. За склоки и нечестность был с позором уволен с должности судьи, а после – уже не без моего участия – и с преподавательской работы. Написанные им анонимки пытались использовать против меня и другие, более влиятельные недоброжелатели. Повсеместное злобное стукачество вообще было характерно для тех лет, но настоящая вакханалия бесчин-

ствующих анонимщиков началась с назначением Константи-на Черненко заведующим общим отделом и секретарем ЦК КПСС. Под предлогом борьбы с разного рода правонарушениями начали проверять любую, даже самую абсурдную анонимку («жалобы трудящихся», как называли это явление марксистические руководители страны, считавшие, что люди боятся подписывать свои письма, опасаясь мести чиновников). Было время, когда Князь и некоторые его друзья, такие же озлобленные люди, изгнанные из правоохранительных органов, стали знаменитыми в республике: одни функционеры использовали их в борьбе против других функционеров, и часто небезуспешно. Как-то раз я спросил его, трясущегося от ненависти, чего же он хочет – ведь, в конце концов, он уже наказан жизнью и обществом. Ответ поразил меня: «Ты занял мое место в жизни...»

* * *

Но вернемся в далекие дни моей молодости. В ноябре того же года был готов новый корпус Ереванского университета, и юридический факультет перевели туда. Условия для учебы там были значительно лучше, чем в старом корпусе. Юристы размещались на первом этаже, на втором – филологи, а третий и четвертый этажи занимал факультет иностранных языков. На пятом этаже находилась большая университетская научно-учебная библиотека на восемьсот мест. Это

было чистое, удобное место для чтения, которое использовалось и для свиданий.

То, что вместе с нашим факультетом, сплошь состоявшим из парней, разместили два филфака с самыми красивыми девушками университета, разумеется, пришлось нам по душе, но этот факт создал для нас, юристов, и немало серьезных проблем.

После объявленной в 1956–1958 годах широкой амнистии из тюрем и колоний было освобождено более полумиллиона уголовников. Страна с сильной политической полицией и аморфной и слабой гражданской милицией была абсолютно не готова к возвращению в гражданскую жизнь стольких правонарушителей, оказавшихся на свободе без работы и жилья (по закону, если человек был осужден на срок более трех лет, его выписывали из квартиры). Обозленные несправедливостью и бездеятельностью властей, эти люди начали настоящую криминальную войну против мирных граждан. Большую часть амнистированных уголовников составляли сироты, отцы которых погибли на войне, – это поколение как раз успело подрасти.

Страну захлестнула волна уличного хулиганства. Даже на центральных улицах городов группа уличных «гопников» могла практически среди бела дня остановить школьника, студента, девушку, молодую пару, обыскать, унижить и отнять все, а в случае сопротивления жестоко избить. В этом неблагоприятном деле, как ни странно, особенно «преуспели»

глухонемые.

«Верхний этаж» криминала занимали «коронованные» воры и их подручные. Районы города были поделены между ними. Даже домохозяйки знали, в каком районе кто хозяин. Имена «авторитетов» произносились со страхом и уважением. Впрочем, серьезный криминал для обычного гражданина не был особенно заметен, а вот хулиганствующие группы, как я уже говорил, не давали людям покоя и были у всех на виду. Прохожие на улице могли стать свидетелями жестоких разборок группировок из различных районов города, вооруженных арматурой, палками, иногда даже оружием. Люди боялись в вечернее время выходить на улицу, пользоваться общественным транспортом, отпускать детей, особенно девушек, одних в школу или в институт.

Мы жили в центре города, который был относительно благополучным. Но случайное пребывание в незнакомом районе, особенно на окраине, нередко заканчивалось очень печально: при сопротивлении человека могли покалечить, отбить почки, выбить глаз, даже убить. Такая же картина наблюдалась и в Москве, и в других городах страны.

В больших индустриальных центрах – Донбассе, Новокузнецке, Ростове-на-Дону – все было еще круче. Улицы заполонили милиционеры в сопровождении двух-трех солдат, вооруженных автоматами. Но и это не спасало положение, ведь разместить патрули возле всех школ, кинотеатров, в других общественных местах было невозможно. К тому же

их работа была малоэффективна.

Второго марта 1959 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». Это постановление стало основным политическим и юридическим документом, определявшим задачи, полномочия и формы организации добровольных народных дружин (ДНД) вплоть до середины 1970-х годов. Руководство страны фактически признало свою несостоятельность в защите граждан от преступности. В Ленинграде некоторые крупные организации, фабрики и учебные заведения угрожали забастовкой, если не будут предприняты действенные меры по ликвидации хулиганского разгула. Поэтому первые добровольные народные дружины были сформированы именно в Ленинграде, и вскоре их численность достигла пятнадцати тысяч человек.

Объединив разрозненные силы интеллигенции, студенчества, работников многочисленных НИИ, фабрик и заводов, дружины очень быстро и резко изменили расстановку сил в борьбе с уличным хулиганством. Они создавались в каждом учреждении, даже с преимущественно женским контингентом. За каждой был закреплен офицер-оперативник. Дружинникам выдавали специальные удостоверения, а штабы ДНД размещали на нижних этажах административных зданий. В тесных комнатах, занятых многочисленными комсомольскими комитетами, по вечерам становилось еще многолюднее, так как размещенные там оперотряды разворачива-

ли бурную деятельность.

Наш юрфак поголовно был принят в оперотряд университета. Одновременно был создан самостоятельный отряд, куда включили и меня с однокурсниками. Нежданно-негаданно для меня начался новый этап познания жизни. Фактически наши действия являлись узаконенным насилием над частью наших сограждан, но тогда мы этого не осознавали. Да и нельзя не признать, что во многих случаях жестокость была обоснованной. В стране вечного беззакония другой язык был непонятен...

Вновь созданные дружины наделялись широкими полномочиями – в частности, они имели право задерживать человека, доставлять его в милицию, составлять акты о задержании. Но, к сожалению, в обществе, не знавшем демократических традиций и не привыкшем уважать закон и правовые институты, дружины быстро перешагнули границы допустимого. Морально и психически неподготовленные люди под лозунгом борьбы с хулиганами и тунеядцами совершали многочисленные противоправные действия, а иногда и преступления. Вместе с хулиганами начали притеснять стилиг, девушек, одетых в короткие юбки или просто выглядевших вульгарно, бородатых художников, молодых писателей. Особенно жестоко расправлялись с геями: избивали до потери сознания, издевались и унижали. Оперотряды по звонкам соседей врываются в дома, где проводились «голубые» вечера – это означало, что там при свете голубого абажура

(почему голубого, не понимаю до сих пор) торшера танцевали пары, а на столе стояли бутылки дешевого вина, ликера, хереса. Пойманных на таких вечеринках молодых людей потом вызывали на заседания комитета комсомола, могли наложить на них взыскание или даже исключить из ВЛКСМ. А это могло создать серьезные проблемы с последующим трудоустройством, не говоря уже о вступлении в партию.

Задержанные оперативниками хулиганы и уличная шпана также подвергались жестокому избиению. За найденное в кармане холодное оружие (нескладной нож) могли покалечить, избить до смерти. Хулиганы, грабители, наркоманы (тогда героин и другие тяжелые наркотики химического происхождения не использовались, из Средней Азии через Азербайджан в Армению попадали большие партии гашиша и марихуаны) пытались убежать и даже сдаться в милицию. Но оттуда их возвращали в ДНД, со смехом объясняя, что в этом деле должны разбираться дружинники. Если знакомые и родные не могли быстро прибежать в оперотряд и уговорить дружинников отпустить их сына или друга, то практически любое физическое воздействие по отношению к правонарушителю было гарантировано, и мало кто захотел бы оказаться в штабе ДНД второй раз.

* * *

Одно из порученных нам заданий – очистить окрестности

университета от так называемых женихов, которые во множестве поджидали там девушек, – мы восприняли с особым энтузиазмом. Дело в том, что самых красивых и видных студенток раньше всех заметили парни с улицы, и теперь они всячески старались избавиться от конкурентов. Даже если девушка серьезно встречалась с кем-то, «избравший» ее хулиган мог «запретить» парню видаться с ней, в противном случае ему угрожали, а чаще всего жестоко избивали. Правда, бывали случаи, когда после этого разъяренные родственники «линчевали» самого хулигана. А сотрудники милиции не считали нужным вмешиваться в эту область жизни граждан. Подумаешь – подержал девушку за руку, попугал ножом в кармане, заставил слушать объяснения в любви, задержал на пару часов, прогнал «друга», избил его без серьезных повреждений. «Разве это дело для милиции?» – говорили доблестные стражи порядка. Ну, возьмут подписку, дадут пустые предупреждения. А то, что жизнь молодого человека оказывалась надломлена, представителей власти не интересовало, у них были более важные задачи. Особенно тяжело приходилось детям из семей репатриантов – ведь у них не было местных корней, воинственных родственников, отцов-начальников и знакомых чекистов. К девушкам или парням с могущественной родней хулиганы и сами не подходили – знали, что большие неприятности неминуемы.

Итак, наш оперотряд взялся за дело. Второй запасной вход в университет мы быстро закрыли, а у главного входа уста-

новили дежурство по расписанию: два человека на одном занятии, на следующем их заменяла другая пара. Таким образом, пропуск лекций и семинаров был сведен к минимуму. На спортплощадках университета также дежурили студенты-дружинники, гонявшие многочисленных ротозеев, желающих поглазеть на девушек в коротких штанишках.

Обычно задержанных нарушителей приводили в штаб. Там их допрашивали, пинали, запугивали, в случае ответных угроз или сопротивления избивали (иногда сильно), потом составляли акт о правонарушении, записывали показания свидетелей и вызывали милицию. Это уже могло закончиться уголовным преследованием. Ссылки избитых и их родных на конституционные права гражданина воспринимались с хохотом и издевкой. Мы были твердо уверены в своей безнаказанности и считали, что наша деятельность исключительно полезна для общества.

Примерно месяц я наслаждался своей новой ролью, продолжал каждый день тренироваться в спортзале, готовиться к занятиям, в общем, жить нормальной жизнью советского студента тех лет.

Дежурили мы с удовольствием – для нас это было приятным времяпрепровождением, возможностью покрасоваться перед девушками, завоевать авторитет среди друзей, наконец, самоутвердиться. В штабе оперотряда играли в шахматы, говорили о девушках, спорте, музыке, иногда выходили на прогулку или в рейд.

Студенческую стипендию в двадцать семь рублей (по покупательной способности она равнялась примерно трем-четырем тысячам российских рублей) я поначалу не получал, так как жил с родителями, а у папы по тогдашним меркам была высокая зарплата. Однако половина моих соучеников на такую стипендию умудрялась жить весь месяц, и при этом очень неплохо учиться. Со второго семестра за высокую успеваемость и общественную деятельность мне тоже назначили стипендию, чему я был очень рад – у меня появились интересы, требующие расходов.

В университете, особенно в нашем корпусе, я постепенно стал узнаваемым персонажем. Конечно, мне это льстило, и я с удовольствием красовался в своих твидовых пиджаках, узких темных брюках и мокасинах, а на переменах иногда гулял по коридору без пиджака в сорочке с коротким рукавом, чтобы показать натренированные руки и плечи. Рельефные мускулы были особым предметом моей гордости – ведь какой труд вкладывался каждодневно ради достижения физической мощи! В общем, для парня моих лет такое поведение было нормальным – так же поступали и другие ребята.

Однажды на перемене дежурный из оперотряда позвал меня, чтобы решить, как поступить с группой молодых людей, явившихся в университет без студенческих удостоверений. После короткого совещания ребятам все же разрешили пройти – мы знали их в лицо, – но предупредили, что в следующий раз из-за своей забывчивости они могут не попасть

на занятия, тем более что у нас было строгое указание не пускать людей без соответствующих документов.

В стороне с подчеркнуто независимым видом стояла девушка, совершенно не похожая на других. Высокая блондинка, ростом не ниже ста семидесяти пяти, спортивная, она напомнила мне зарубежную киноактрису. Такой чуждой, абсолютно отличной от местных канонов красоты я еще ни разу не видел. Сформировавшаяся фигура, маленькая, почти незаметная грудь, длинные ноги и высокая шея, русые, с белесым оттенком, волосы до плеч... Я подумал: «Русская или полячка, а может, француженка... Интересно, кто она и что здесь делает?»

– Девушка, что вы хотели? – обратился я к ней на русском.

– Давид, это Мари, она учится на втором курсе факультета иностранных языков, – сказал один из студентов.

Мари гордо, не глядя в мою сторону, прошла мимо меня.

– Простите, девушка, как вас зовут?

– Вам уже сказали, но я могу повторить – Мари...

Глава 2

Прошло несколько дней. Образ Мари не выходил у меня из головы. Мысленно я строил различные сценарии знакомства. Может, пригласить ее в кино? Нет, лучше в кафе... нет, в кино, и там незаметно взять за руку... Да что ж такое! Как школьник, в самом деле! Я же начальник оперотряда, у меня первый взрослый разряд по борьбе... Взглядом я везде искал Мари и вот, наконец, увидел в буфете на перемене.

Единственный буфет находился на первом этаже и обслуживал студентов всего корпуса. В помещении было несколько стоячих рядов и немного сидячих мест. Естественно, при таком количестве посетителей суматохи и очередей было не избежать. Но кто на это обращал внимание? Ведь в стране не хватало буквально всего: спичек и туалетной бумаги, качественной одежды и обуви, даже газированной воды и газет. Везде надо было стоять в очереди, толкаться, потеть, унижаться, спорить, а желанный товар мог и не достаться. Бедный буфетчик дядя Аво вызывал на помощь жену, дочь, еще кого-нибудь, чтобы на коротких переменах успеть продать хоть что-то из своего нехитрого ассортимента: сосиски, бутерброды, булки, колбасу.

Увидев толпу, Мари смутилась и хотела пойти обратно, но я окликнул ее:

– Мари! Идите сюда, этот парень уже как раз закончил

есть!

Один из моих однокурсников, быстро смекнув, в чем дело, взял свою тарелку с сосисками, положил туда кусок хлеба и освободил место за столиком.

– А, Дэвид...

Меня приятно удивило, что Мари знает мое имя. Произносила она его на французский лад – Дэвид.

– Ничего, Давид, я потом поем, после двух часов, когда уже никого не будет. У меня сегодня репетиция в театральном кружке, и я хотела что-нибудь перекусить... Спасибо, не беспокойтесь...

– погоди, Мари! Садись, пожалуйста, и скажи, чего ты хочешь.

После минутного колебания она села.

– Ну, хорошо... ром-бабу и чай.

– Эй, ребят! Кто там стоит впереди, закажите Аво для меня две ром-бабы, плитку шоколада и чай, да поскорее! И еще салфетку!

– Давид, мне неудобно...

Мы впервые встретились взглядами. Раскосые, невероятно голубые глаза, прямой, правильный, как мне показалось – «капризный» нос, красивые чуть полные губы, нежный овал щек, высокий лоб, пышные блестящие светло-русые волосы до плеч... Такое незнакомое, но в то же время почему-то такое родное лицо...

Мне быстро принесли заказ.

– Аво, я потом заплачу. Ребята, а вы что устались? У вас скоро занятия начнутся.

– Давид, а ты разве ничего не будешь есть? Возьми ром-бабу, мне одной достаточно. И шоколадку возьми.

– Нет, Мари, я уже поел сосиски и чаю попил. А шоколад я заказал для тебя.

Заметно было, что Мари стеснялась есть под пристальными любопытными взглядами ребят. Одну ром-бабу она лишь надкусила, другую завернула в салфетку, взяла плитку шоколада «Красный Октябрь», встала и поспешно вышла, поблагодарив меня на прощанье.

– Что, братан, в нокдауне? – слышался рядом голос Рафы.

– А ты что здесь делаешь? Пошли, Рафа, занятия начинаются.

– Нет, мы с Луизой идем в общежитие, ребята дали ключи от своей комнаты.

Луиза, тоже репатриантка из Франции, приземистая, большегрудая девушка, училась на факультете иностранных языков на французском отделении и знала всех и всё, что происходит вокруг.

– Рафа, – не удержался я, – спроси Луизу о Мари, встречается она с кем-нибудь? Да и вообще – кто она? В общем, мне нужно все, что имеет к ней отношение.

– Дав, я тебе сразу скажу – не советую связываться с этой куклой. Вокруг нее целый полк крутится, да еще несколько

серьезных ребят. Измучаешься, будешь биться за нее, и я с тобой, конечно, а в конце получишь: «Прощай, парень, au revoir». Она не для тебя. Ей нужен взрослый интеллигентный парень с перспективой, а не студент-второкурсник, хоть и перворазрядник по вольной борьбе. С этим, друг мой, далеко не уедешь. Рядом столько девушек нормальных, а эта... знает себе цену.

* * *

На последней лекции я сидел, отрешенно глядя на доску и пропуская мимо ушей слова преподавателя. Все мысли были заняты Мари. Да, действительно, она уже взрослая девушка, и такая красивая! В городе таких больше нет. А я кто? Все-го-то студент второго курса. Ну, еще спортсмен. Хотя – разве это всё? Я же начальник штаба дружины! И на улице, и в университете все меня знают, уважают, а многие даже боятся, хотят дружить.

– Давид, о чем задумался? Звонок уже давно прозвенел, – обратился ко мне мой хороший друг Георгий. Как-то мне сказали – а в Ереване люди многое знают друг о друге, – что его матерью была женщина-молоканка⁴, а потом мальчика усыновила семья судьи. Внешне Георгий действительно был похож на русского: светлая кожа, большие голубые глаза, ру-

⁴ Молокане – представители одной из русских христианских сект. В Армении проживают еще со времен Екатерины II.

сые волосы, плечистый, чуть полноватый. К слову, бабником он был ужасным: составлял списки девушек, куда заносил их телефонные номера и анкетные данные, на всех переменах общался только с ними, приглашал их куда-то, организовывал вечеринки и иногда предлагал познакомиться с той или иной девушкой, если та была ему неинтересна или недоступна.

Я быстро собрался и вышел из аудитории, вспомнив, что у меня тренировка. На полдороге передумал и вернулся. Мысль, что Мари еще в университете, приковала меня к этому месту.

Постоял у входа, разговаривая с дежурными, минут через пятнадцать твердо решил пойти домой. Неудобно все-таки. Что обо мне подумает Мари? «Слюняй, влюбился с первого взгляда!» Прошел полдороги и опять быстро вернулся. В этот момент в дверях появилась Мари с большой сумкой на плече.

– О, Давид, ты еще здесь?.. Ты же говорил, что у тебя тренировка...

– Ну да... Но знаешь, у меня уже есть первый взрослый разряд по вольной борьбе, а становиться профессиональным спортсменом я не собираюсь.

Мари мои слова как-то не впечатлили. Она протянула мне бумажный сверток:

– Хочешь ром-бабу? Я ее не успела съесть, скоро буду дома – пообедаю нормально. До свидания, Давид...

– Мари... – девушка обернулась ко мне. Казалось, она уже знает, что я ей скажу. – Можно тебя проводить домой?

Мимо нас прошли несколько знакомых студенток. Вероятно, у меня было очень напряженное лицо, потому что, взглянув на нас, девушки захихикали и ускорили шаг.

– Хорошо, если у тебя есть время, проводи до троллейбусной остановки. Ты точно ром-бабу не хочешь?

– Нет, Мари, не хочу.

«Разве она не понимает? – думал я. – Как можно идти с девушкой и есть пирожное? Что подумают ребята? Смешно же!»

* * *

Было начало октября. Чудесная пора в Ереване! Всё вокруг в разноцветных осенних листьях, не холодно и не жарко, везде продают овощи и фрукты. Мы прошли через парк и вышли к остановке. Как раз подъехал троллейбус, и Мари уже собиралась подняться по ступенькам.

– Ну, прощай, Давид.

– Я с тобой, Мари! Провожу до дома.

– Нет необходимости. Это недалеко, и я не хочу...

– Послушай, ты очень странная девушка! Что случится, если я прокачусь с тобой до дома? Заодно оплатишь мой проезд и так вернешь долг за ром-бабу.

– Нет, Давид... Ну вот, видишь, я троллейбус пропустила.

Не надо меня провожать...

– У тебя кто-то есть? Ревнивый парень? И ты не хочешь, чтобы нас видели вместе? Мне сказали, что ты встречаешься с высоким парнем в очках, он, кажется, аспирант...

– Неважно. Просто не надо меня провожать.

Подъехал другой троллейбус, Мари поднялась, я за ней. В салоне было почти пусто – время спокойное, люди еще не закончили работу.

– Давид, мы живем на улице Комитаса. От остановки до нашего дома примерно километр, идти надо по маленьким улочкам. Здесь много хулиганов. Меня знают, а ты чужой, будут неприятности.

– Ничего страшного, я представлюсь, скажу, что мы учимся вместе и едва знакомы.

– Нет, Давид. Там есть один хулиган – Жора, Жоко, он несколько месяцев назад вышел из тюрьмы. Он взрослый. Верховодит местной шпаной, его все боятся. Вдруг его дружки нападут на тебя, избыют? У этого Жоко еще и пистолет есть. В общем, он опасный тип.

– А что нужно от тебя этому взрослому типу?

– Неприятно говорить об этом... В общем, пристаёт, не дает жить спокойно.

– Ну что ж, это уже интересно. А может, ты хочешь меня запугать, чтобы твоему аспиранту не сказали, что тебя провожал какой-то парень? Тогда я буду следить за тобой издали. Если что – подойду.

– Давид, я серьезно – езжай домой! Не ходи за мной. Или я из троллейбуса не выйду. Прошу, сделай, как говорю...

Она умоляюще посмотрела на меня, маленькая рука с золотистыми веснушками на тыльной стороне кисти сжала мою руку... Мне стоило огромного труда остаться в троллейбусе. Я был оскорблен, унижен, я стыдился сам себя. Всей душой я уже ненавидел этого Жоко. Ну ладно, мерзавец, посмотрим, какой ты храбрый, еще и с пугачом... Все кости тебе переломая, в калеку превращу, на углу будешь попрошайничать – и то лишь с моего разрешения!

Стоя на остановке, Мари обернулась. Столько мольбы и нежности было в ее взгляде, что мне стало не по себе. Через остановку я выскочил из троллейбуса, нашел частника и приехал обратно. Ни Мари, ни подозрительных парней видно не было. После двадцати минут бесцельной езды по улочкам частник забеспокоился:

– Парень, что мы ищем, может, скажешь? Я помогу!

– Друг, ищу дом, адрес забыл! Не ропщи, деньги свои получишь...

Мы еще немного покрутились по маленьким переулкам – безрезультатно. Пришлось возвращаться домой. Дверь открыла мама:

– Что с тобой? Что случилось? Ты выглядишь каким-то обеспокоенным.

– Ничего страшного, мам, на тренировке спину немного ушиб... В общем, устал.

– Ладно, иди на кухню, поешь, я аджапсандал⁵ приготовила.

– Да я не голоден, съел две ром-бабы вместо обеда.

– Это с каких пор ты стал есть ром-бабу? Для кого я обед приготовила?

– Ладно, мам, немножко отдохну, потом поем.

Через минуту мама вернулась с моей спортивной сумкой.

– Давид, ты говоришь неправду! Ты не был на тренировке. Почему полотенце сухое? Почему спортивная одежда не измята?

Каждое утро мама меняла мое полотенце и давала постиранную легкую тренировочную форму – ее у меня было несколько комплектов. Я тупо молчал, не зная, что сказать. Мне безудержно хотелось поговорить о Мари с кем-нибудь. Конечно, рассказывать маме – не самый лучший вариант, но я не смог сдержаться.

– Мам, у одной моей знакомой девушки Мари неприятности. Какие-то хулиганы ее преследуют, не дают покоя.

– Что еще за Мари? Впервые о ней слышу. Репатриантка, что ли? Откуда ты ее знаешь? И чем она занимается?

– Мама, она студентка, играет в волейбол. Да, репатриантка...

– И с чего это она вдруг решила посвятить тебя в свои проблемы?

– Ты же знаешь – я начальник оперотряда.

⁵ Аджапсандал – блюдо армянской кухни, тушеные овощи с бараниной.

– Ну да... начальник... Иди поешь, начальник, потом поговорим. Папа придет, может, позвонит кому-нибудь в милицию, чтобы твоей волейболистке-репатриантке помогли, если все так, как ты говоришь. А что, у нее нет родителей, знакомых?

– Ты что, мам, папа здесь при чем? – возмутился я. – Хотите меня опозорить, на посмешище выставить? Я, начальник оперотряда, побегу, как слюняй, за помощью в милицию?! Дяденьки, помогите, девушку обижают?! А я ее защитить не могу, я хиленький, я скрипач... нет – арфист!.. Не вздумай! Если папе что-нибудь скажешь, из дома уйду! Все, мама, не беспокойся, я доложу моему руководству и дело получит официальный ход. Все будет хорошо, сами справимся, нас больше сорока человек! И не забывай – среди нас несколько спортсменов.

Маму я, как мог, успокоил, но когда пришел отец, я ни на шаг от него не отходил. Вдруг мама все-таки скажет что-нибудь про Мари, про милицию... Что тогда подумает Мари? Она мне доверила свою проблему, а я бегу и жалуюсь родителям? Да меня просто засмеют, а Мари будет меня презирать. Эх, вот что значит по-глупому довериться маме. У нее же первый инстинкт – уберечь меня от всего, что, на ее взгляд, представляет опасность, и ей неважно, что я уже не маленький мальчик...

Ночь прошла тяжело. Мне казалось, что она длится целую вечность. «А что если Мари похитили, изнасиловали?» – все это я представлял настолько живо и красочно, что почти не мог заснуть, метался по кровати, иногда даже вскакивал и ходил по комнате. Утром примчался в университет на полчаса раньше обычного. Ждал у входа. Наконец появилась Мари – как всегда, с опозданием. Я облегченно вздохнул и пошел ей навстречу.

– Здравствуй, Давид! Что случилось? Тебя что-то беспокоит?

Мне показалось, что она догадывается о моем состоянии.

– Мне надо поговорить с тобой.

– Если не срочно, давай после уроков встретимся, но ненадолго, у меня дела... И вообще, у тебя что-то важное?

– Да, Мари. Поговорим потом.

На занятиях я прорабатывал варианты разговора с Мари. Как обычно, она вышла, когда все студенты уже успели покинуть здание. «Женихов» во дворе почти не было, пришли только те, к которым девушки подходили сами, да еще студенты других вузов, особенно Политехнического института, – посмотреть на девушек, возможно, познакомиться. К этим ребятам мы относились нормально, со многими были знакомы, дружили, вместе ходили в спортзалы и различные

секции.

Мы молча пошли к остановке троллейбуса. Мари заговорила первой:

– Я слушаю тебя, Давид.

– Знаешь, Мари, мы с ребятами разработали план, как утихомирить этого Жоко...

– Ну что за глупости? Вы уйдете, а они потом нападут на нас. А вдруг они избыют отца, маму? Или пожар устроят? Ты просто не знаешь Жоко. Он debil, дважды сидел в тюрьме, три месяца как освобожден, никого не боится, вся уличная шпана под ним ходит.

– Брось, Мари, это же подонки, трусы! Такие всегда боятся силы. Разбегутся, увидев нас, и ты больше их не увидишь.

Мари пришлось уговаривать очень долго. То она соглашалась, то отказывалась. Видно было, что она очень хочет освободиться от невыносимого давления, но боится.

– Ну хорошо, Давид. Но знай, что милиция нам ничем не помогла. Опять он караулил меня за троллейбусной остановкой, хватал за руку, долго бормотал что-то, пытался поцеловать. Конечно, невыносимо часами стоять под солнцем и терпеть дурной запах табака, лука и гнилых зубов. Я буду рада, если ты мне поможешь. Только имей в виду, у него пистолет... и шпана, которая беспрекословно выполняет его команды.

– Эй, Давид, вы там еще долго? – окликнул меня Рафа, стоявший поодаль с большой компанией наших оперотря-

довцев.

– Поехали, Мари. Они придут раньше нас и займут позиции. Я провожу тебя до дома, и как только Жоко подойдет, мы с ним поговорим... ласково, по-дружески. Не беспокойся, ты его после этого вряд ли увидишь...

– Он не подойдет.

– Почему это?

– Ты не похож на парня, который провожал меня домой.

– Кстати, где он, этот аспирант?

– Учится в Москве. Пишет... Иногда.

– Ну да, там, в Москве, такие девушки...

– Да я все понимаю, Давид. Кто я такая? Репатриантка, человек второго сорта, дочь портного. А вы все дети партийных работников, чекистов, министров... Знаешь, Давид, живи своей жизнью, дай мне разобраться в своих проблемах самой!

– Не говори глупостей, Мари. Пойдем, развлечемся. Обещаю, будет очень весело, а нам особенно!

Мы вышли из троллейбуса и двинулись по направлению к дому Мари. Ребята стояли тут и там небольшими группами, громко хохотали и что-то рассказывали друг другу. У многих в руках были завернутые в газеты метровые куски арматуры.

– Улыбнись, Мари! У тебя такой напряженный вид, будто ты идешь на похороны. Даже внимание привлекаешь!

– Послушай, Давид, зачем ты привел Рафу? Он же бандит, убил человека, на третьем слове кулаки в ход пускает! Все

наши девушки знают о нем, одна Луиза им гордится.

– Мари, он не бандит. Рафа – мой близкий друг. Он не нападал, он оборонялся – ну, может, чуть активнее, чем следует. А вот тот, который погиб, как раз и был бандит и подонок, шмонал всю улицу, проходу никому не давал! Да только наткнулся на Рафу и остался лежать на асфальте.

– Мне не так рассказывали. Тот человек не поделился добычей с Рафой, они поссорились, и Рафа его убил.

– Это ложь, Мари, не могло такого быть! Рафа – очень добрый парень... Послушай, а где твой Ромео? На улице пусто, никого нет.

– Думаю, они откуда-то наблюдают за нами, к тебе не подойдут. Видно же, что ты спортсмен: большой парень, держись свободно, не боишься.

Мы уже дошли до дома Мари, но не встретили ни души. Я предложил вернуться к остановке и пройти весь путь еще раз. Мари согласилась с некоторой неохотой:

– Пойдем, хотя маловероятно, что мы их увидим. Они обычно стоят на углу у магазина, иногда пьют пиво, квас...

Друзья встретили нас неодобрительными возгласами:

– Эй, Давид, мы что, на прогулку вышли? Где пацаны? Угостил бы хоть квасом, а уж пиво потом, после разборки...

Я сделал вид, что не знаю и не слышу их. Мы дошли до остановки и вернулись к дому Мари. У калитки стояла молодая женщина лет сорока пяти, очень похожая на Мари – такая же высокая, русоволосая, в свободной светлой одежде.

– Мама, это Давид.

Женщина подала мне руку и внимательно посмотрела на меня:

– Меня зовут Сильвия. Мари рассказывала о вас, но вы выше и моложе, чем я представляла.

Говорила она со странным акцентом – с почти непонятным мне исковерканным армянским «х» и грассирующим «р».

– Мама – француженка. Она выучила армянский здесь, но, как видишь, пока говорит не очень хорошо, – пояснила Мари.

– Заходите к нам! – пригласила мадам Сильвия. – Я сделала вкусное печенье гато, выпьем черного кофе по-восточному⁶.

– Мама, Давид спортсмен и не пьет кофе. Он пьет молоко – это очень полезно для молодого человека его возраста.

– Мне пора идти, мадам Сильвия, до свидания, спасибо за приглашение! А с тобой, Мари, мы потом обязательно обменяемся мнениями насчет пользы молока. Надеюсь получить добрый совет!

Мне очень хотелось принять приглашение и зайти к ним. Но как сказать мадам Сильвии, что на улице меня с нетерпением ждут двадцать человек? Я вышел за калитку. Ребята стояли с разочарованным видом, кто-то курил.

⁶ Здесь нужно заметить, что армяне не говорят «по-турецки». На любое употребление слова «турецкий» без негативного оттенка наложено табу.

– Плохо ты подготовил операцию, – сказал один из них. – А может, девушка покажет дом этого бандита, и мы его там возьмем?

– Не удалось нам выманить вонючку. А в самом деле, представь: он вдруг видит, что на его тихой улочке появляются незнакомые ребята, а в руках завернутые в газету железки. Они же не идиоты, все понимают. Да вы еще и ржали на всю улицу. Ничего себе – пришли двадцать мужиков и веселятся! Так что, может, нас увидели, а может, действительно сегодня никто из дома не выходил, отдыхают, мало ли что. Вот что я предлагаю: сейчас три часа дня, собираемся здесь в половине восьмого вечера. Пусть придут восемьдесят человек, не больше, остальные подождут в штабе. Так будет правильнее. Рафа, ты можешь отдыхать.

– Это уже не твое дело, начальник. Захочу – приду, нет – найду другое занятие, получше, чем уличную шпану пугать, – ухмыльнулся мой друг.

Глава 3

В семь часов вечера я уже стоял у калитки Мари. Через решетчатый забор был виден ухоженный фруктовый сад и виноградные лозы на деревянных подпорках, образующие двадцатиметровую зеленую арку. Под аркой стоял стол со стульями и табуретками, над ним электрическая лампа, поодаль – столик для пинг-понга, шторы из толстой ткани, позволяющие закрыться от чужих глаз. Все говорило о том, что семья Мари по вечерам собиралась здесь.

После минутного колебания я позвонил в дверь. Тишина. «Неужели Мари нет дома, а я ребят вызвал еще раз? Вот неудача!» Позвонил еще. Дверь открыла младшая сестра Мари – стройная застенчивая брюнетка, на вид не старше пятнадцати, очень приятная, но далеко не такая яркая, как старшая сестра, хотя в чертах лица просматривалось определенное сходство.

– Здравствуйте! Вы, по-видимому, Тереза?

– Да. А вы – Давид?

– Угадали. Мари дома?

Мари уже вышла на открытое крыльцо в легком коротеньком сарафане выше колен. На ногах резиновые шлепанцы. «Какая она все-таки красивая и как хорошо сложена», – невольно подумал я.

– Ты, вероятно, пришел сказать мне «добрый вечер»?

– Знаешь, мне не терпится поговорить с тобой о пользе молока. Я пил молоко, как ты советовала, и у меня прибавилось храбрости. К тому же твоя мама меня сегодня приглашала. Тогда я отказался от кофе, а сейчас мне стало очень неловко, я передумал и вернулся.

Видно было, что она старается не улыбаться.

– А если серьезно... Не кажется ли тебе, что ты, ну... немножко навязчивый?

– А если серьезно, то, может, у тебя дома хлеб кончился? Ты накинь что-нибудь, и мы с тобой сходим в магазин. Что касается навязчивости – ты меня обижаешь, Мари. Я просто последовательный. Привык доводить начатое дело до конца.

– Но я никогда не покупаю хлеб, его покупает папа.

– Что ж, все когда-то приходится делать в первый раз. Попробуй! Не нужен будет хлеб – нам отдашь, не пропадать же добру.

– Рафа здесь?

– Может, и здесь...

– Смотри, Давид, мы не хотим осложнений. Может, убедим Жоко не беспокоить меня?

– Да ничего не будет, не волнуйся. Только душевный разговор с твоими благоухающими друзьями. Надо же знать, что у тебя за соседи! Уверяю, после нашего разговора Жоко убедится, что ваши отношения бесперспективны!

Мари повернулась и скрылась за дверью. Через минуту вышла, одетая в изящное летнее платье, с накинутым на пле-

чи тонким розовым джемпером.

– Иди спокойно, Мари, не оглядываясь по сторонам. Не бойся, мы за тобой следим.

Возле магазина никого не было, только мои оперотрядовцы, разбившись на группы по два-три человека, караулили неподалеку. Мари зашла внутрь, я остался ее ждать. Прошло десять или пятнадцать минут, но девушка почему-то не выходила. Я поднялся на крыльцо и уже собирался открыть дверь, как вдруг прямо возле входа увидел Мари: она молча вырывалась из рук незнакомого мужчины лет тридцати, долговязого, с крючковатым носом. В зубах хулигана дымилась сигарета. По всей видимости, это и был тот самый печально известный Жоко. В магазине находились еще пять-шесть молодых парней, которые пили пиво прямо из бутылок и с ухмылками наблюдали за происходящим.

Ни слова не говоря, я со всего размаха ударил Жоко в лицо. От неожиданного мощного удара подонок отлетел обратно в магазин и грохнулся спиной о цементный пол. Я соскреб его с пола и с размаху швырнул в дверь, разбив стекло. Осколки дождем посыпались на него и на оперотрядовцев, вбежавших в магазин. Кто-то из дружков Жоко бросил пивную бутылку и попал в одного из наших, поранив ему голову, но ребята не растерялись и кинулись на хулиганов. Те были так напуганы, что даже не сопротивлялись. Продавщица съежилась за прилавком и, выпучив глаза от страха, дико кричала.

– Молчи, дура, мы дружинники, оперотряд! Вот удостоверение!..

– Прошу, пожалуйста, этого мальчика не трогайте, это мой сын Ашот, он никакого отношения к хулиганам не имеет!

– А не ты ли бутылку кинул? – ухватил я парня за грудки.

– Нет, дядя...

«Вот дурак, – подумал я, – мы примерно одного возраста, а он меня зовет дядей».

– Да брось, маменькин сынок, это же ты!

– Вот он, – Ашот указал на потемневшего от страха жгучего брюнета.

– Ладно, держите этого метателя, чтоб не убежал, мы с ним еще должны поработать.

Потрепанных и дрожащих хулиганов вытолкали на улицу и загнали за магазин. Парни так громко скулили и умоляли их отпустить, что возле нас начали задерживаться прохожие.

– Не видите, оперотряд работает! – отгоняли мы любопытствующих. – Проходите, не стойте!

Люди быстро уходили, только один пожилой мужчина осмелился несколько раз обратиться к нам:

– Ребята, они же молодые, ваши ровесники, не надо их калечить, хватит...

– А ты, хорек, – процедил сквозь зубы Айк, взрослый парень, недавно демобилизовавшийся из армии, – где был, когда они терроризировали всю улицу? Иди, папаша, твоя тетя

тебя ждет. А то вдруг я рассержусь!

Рафа и Георгий обрабатывали плачущего Жоко. Взяв мужчину за руки и ноги, они с размаху ударили его о стену. Судя по всему, эту операцию они повторяли уже не в первый раз.

Метрах в десяти от них стояла Мари с искаженным от страха лицом. Увидев, что я вышел из магазина, она кинулась ко мне:

– Пожалуйста, отпустите его, он больше не будет! Давид, помоги, они убивают Жоко, он умрет... Достаточно, он свое получил... Больше не посмеет...

– Все, ребята, хватит! Кто-нибудь, принесите воды, паразит притворяется мертвым.

На Жоко опрокинули два ведра воды и с трудом привели в чувство. Рядом Рафа и еще пять-шесть парней из отряда «воспитывали» его дружков, но без особого рвения.

– Жоко, мой мальчик, ты пришел в себя? Молодец, умный сукин сын, – с притворной ласковостью протянул Георгий. – Ты знаешь, кто мы?

Одним глазом (другой полностью превратился в кровоподтек) Жоко уставился на меня:

– Вот этот ударил меня первым... Ара⁷, почему ты так? Вах, мама-джан... – он выплюнул выбитые зубы, – за что, вашу мать, за что вы со мной так, кто вы такие?

– Жоко, – вступил я в разговор, – ты плохо воспитан! Ни

⁷ Ара – форма обращения мужчин друг у другу.

за что обругал меня матерными словами...

– Ара, ты что как педик говоришь!.. Ты не мужик, ты мусор, мент...

– Нет, Жоко, я еще не мент, я начальник оперотряда дружины.

– Что я вам сделал? Почему ты меня убиваешь?

– Сейчас объясню. Знаешь вон ту девушку? Мари, подойди ближе!

Мари неуверенно приблизилась. Ее трясло.

– Да, знаю, она моя соседка.

– Жоко, разве соседке угрожают ножом, а потом пистолетом? Разве это по-соседски – обещать изуродовать лицо, отрезать нос, правый или левый сосок и говорить, что один патрон на выбор предназначен правому глазу ее отца?

– Начальник, врет она, я пошутил, а пистолета у меня вообще нет!

Сильный удар ногой по ребрам на время лишил Жоко возможности говорить.

Передо мной лежало, все в грязи и крови, жалкое дрожащее существо, уже плохо понимающее, что с ним происходит. «Боже мой, как быстро человек может превратиться в корчащееся от боли животное, которым движет только инстинкт выживания, – подумал я. – Не дай бог когда-либо оказаться на его месте...»

– Умираю... – хрипел Жоко, изо рта у него текла кровь. – Прошу, вызовите скорую...

Мари, бледная от ужаса, смотрела на все это широко раскрытыми глазами. Я почувствовал, что еще чуть-чуть – и она больше не сможет сдерживаться, начнется истерика.

– Георгий, проводи Мари домой, сейчас мы с Жоко разбежимся. Ребята, еще воды. Эй, пацаны, где эта крыса держит пистолет?

Избитые, напуганные дружки Жоко тупо смотрели друг на друга.

– Черныш, ты еще жив, начнем с тебя! – я ткнул пальцем в брюнета, швырнувшего в нас бутылку в магазине.

– Дядя-джан, пистолет видел, но где он его держит, я не знаю!

– Ладно, а ты что скажешь, паразит? – повернулся я к другому. – Хватит реветь, ты же не девственница, только что лишенная предмета своей гордости!

– Я тоже видел, но не знаю, где...

– Эй, сукин сын, – Рафа снова обратил внимание на Жоко, – все слышал? Видишь ремень? Я тебя сейчас повешу вон на том дереве!

Жоко не отвечал, только глухо стонал и плакал. От него шел жуткий запах мочи и кала. По-видимому, он был уже не в состоянии контролировать свой организм. Дотрагиваться до него было противно.

В это время подоспела помощь из штаба – оттуда на мотоцикле с коляской приехали сразу пять человек. Один из нас уже давно ждал ребят на троллейбусной остановке, что-

бы проводить их к месту разбирательства. Мы опасались, что на помощь нашим противникам прибегут родственники из ближайших домов – тогда серьезной драки было бы не избежать.

Посоветовавшись, мы решили пойти домой к Жоко с двумя его приятелями, которые еще были способны передвигаться, хотя и не без нашей помощи. Жоко оставили лежать на земле, велели продавщице вызвать скорую и – кто на мотоцикле, кто пешком – направились к его дому.

* * *

Семья Жоко занимала две маленькие полуподвальные комнаты в обшарпанном трехэтажном строении, похожем на барак или временное общежитие. Первым вошел я с Чернышом.

– Тетя Ануш, – начал Черныш, – Жоко велел отдать пистолет его другу. Может прийти милиция, надо спрятать в другом месте.

Передо мною в центре неубранной, тускло освещенной комнаты стояла неряшливо одетая опустившаяся женщина неопределенного возраста. Похоже, до нашего прихода она пила чай и смотрела телевизор с крошечным экраном.

– Я этого парня раньше не видела... и что-то он не похож на друга Жоко! А где он сам?

– Тетенька, или отдайте пистолет, или мы обыщем дом и

сами все найдем, тогда получите срок за хранение, – сказал я.

Из соседней комнаты вышла сестра Жоко. Ребята говорили, что она сидит дома, нигде не работает, занимается проституцией, в основном с водителями-дальнобойщиками. Отец Жоко несколько лет назад умер в тюрьме от чахотки.

– Я знаю, где пистолет. Возьмите и уберите.

Она подошла к шкафу и стала перебирать лежащие там старые школьные учебники. Один из наших ребят отстранил ее, вышвырнул все книги на пол и нашел завернутый в грязную тряпку пистолет.

– Отдай ствол, мусор! – неожиданно закричала девушка и попыталась выхватить оружие из рук парня. Сильный боковой удар свалил ее на пол, и пистолет перешел к Рафе.

– Да он не заряжен! Сука, хотела испугать нас? А вот сейчас я его зарядил, и ты, грязная шлюха, получишь пулю в пасть! Этих вонючих крыс надо всех перестрелять!

Рафа начал дрожать. Я понял, что приступ неконтролируемой ярости уже на подходе: все кровавые драки у моего друга начинались именно так.

– Рафа, дай пистолет, потом я тебе его верну! Пошли ребята, у нас дела.

Мы с трудом успокоили Рафаэля и вышли, оставив в доме плачущих женщин. Мне было жаль этих несчастных обремененных людей, ненавидящих нас, чужаков. Да и было за что – ведь вместо помощи мы принесли им новые унижения и

горе.

Угрюмо, без того оживления, которое обычно охватывало нас после удачной операции, мы брели по улице. Дойдя до магазина, узнали, что Жоко увезла скорая и он жив. Вот кого я бы жалеть не стал. Сплошное несчастье для близких, да и жизнь наверняка закончит на тюремных нарах, как его папаша. Но сколько еще страданий он принесет людям...

Мы остановились возле троллейбусной остановки.

– М-да, Давид, ну и бузу же ты поднял за свою парижскую куклу, – со вздохом произнес Рафа. – Только все равно она с тобой не ляжет, такие знают только один вариант – замуж. Кто ты для нее? Они все хотят обратно в Париж, а ты живи здесь с говнюками и радуйся, что сам не такой. Тебе повезло, родился в нормальной семье, не урод и не дебил, еще и девушки тебя любят.

Его слова до глубины души задели меня. Я понимал, что в них много правды, и еле сдерживал слезы. Что я делаю? Чего я хочу? Совсем озверел, готов ломать, крушить, убивать любого, кто коснется этой девушки. В своем ли я уме?

– Подумай, парень, ты влюблен, как артист оперетты, – продолжал мой друг. – Что с тобой происходит? У нее своя жизнь, у тебя – своя. Встретились на миг на жизненном пути. Ты слышишь, брат? Соберись, возьми себя в руки, не то попадешь в беду...

Подъехал мотоцикл, Рафа уехал на нем, а мы с остальными ребятами погрузились в троллейбус и отправились кто

куда – большинству надо было в общежитие. В центре города я попрощался с ними, вышел, поймал такси и поехал к дому Мари. Попросил водителя подождать, пообещав быстро вернуться. У Мари горел свет только в одной, дальней комнате. Хотя было еще не поздно, все вокруг показалось мне вымершим. «Интересно, что делает Мари? Может, даже забыла, что происходило час назад. Может, она безразлична ко мне, и для нее было важно только освободиться от назойливого дебила. А вдруг тот выйдет из больницы и убьет Мари? Сожжет ее дом? Да нет, Жоко еще месяц-два, если не больше, пролежит в больнице. После такого “массажа” он даже мышку не осмелится обидеть, духу не хватит. А если бы я оказался в таком положении, под безжалостными ударами десятка людей, готовых за неосторожное слово покалечить или даже убить? Ну нет, у каждого своя судьба, и Жоко свою заслужил... Конечно, он все это заслужил. Так долго терзал бедную девушку, угрожал ножом и пистолетом! Кто бы еще помог Мари? Милиция? Смешно. В лучшем случае поговорили бы с Жоко в очередной раз, составили бы протокол или взяли расписку, что он больше не будет беспокоить соседку. Тот еще больше уверился бы в своей безнаказанности, стал бы безобразничать еще сильнее...» Все эти мысли водоворотом крутились в моей голове, пока я стоял перед домом Мари и смотрел в ее затемненные окна.

– Парень, – окликнул меня водитель, – мы уже полчаса стоим, может, поедем?

Глава 4

Через двадцать минут я был дома. В полутемном подъезде привел себя в порядок, бесшумно открыл дверь и постарался незаметно проскользнуть в свою комнату. Папа, как обычно, сидел в своем кабинете и писал. Он вообще постоянно писал или читал что-нибудь, даже начал изучать английский, и это ему нравилось. Мама готовила обед на завтра. Брата, уже известного боксера, чемпиона страны среди юниоров – кстати, ученика всемирно известного спортсмена Владимира Енгибаряна, – дома не было.

– Давид, почему так поздно? – услышал я голос матери. – Может, чего-нибудь покушаешь?

– Нет, мам, я не голоден!

Быстро разделся, накинул на себя летний халат и вышел на балкон, служивший мне спортплощадкой. Там были уставновлены кольца и боксерская груша, лежали штанга и двухпудовые гири.

Было прохладно. Я уселся под лампой с томиком Драйзера – недавно начал читать «Финансиста». Зазвонил телефон. «Неужели это Мари откуда-то звонит? У них же дома нет телефона... Может, что-то случилось, напали на них?»

Мама сняла трубку.

– Да, Асмик, Давид дома, сейчас позову...

В динамике раздался взволнованный голос тети Асмик,

мамы Рафаэля:

– Давид, что случилось, скажи честно? Рафа весь в пятнах крови: брюки, туфли, сорочка, даже на руках кровь!

– Тетя Асмик, мы тренировались, устроили спарринг. У него, как и у меня, кровь носом пошла...

– А обувь? Вы что, боксировали в туфлях? Нет, Давид, неправду ты говоришь... а я так надеялась на твою разумность... Ну ладно, всего хорошего.

– Спокойной ночи, тетя Асмик.

– Чего она хотела, Давид? – подозрительно спросила мама.

– Так, ничего особенного. Спрашивает, как ведет себя Рафа.

– Сынок, будь осторожен, этот парень себя не контролирует.

– Да все в порядке... Мам, пап, я пошел спать!

– Ты что-то рано сегодня! – папа вышел из кабинета. – Расскажи, как идут занятия. Может, тебе с курсовыми помочь?

Папа мог на любую тему сочинить целый том. Он обладал энциклопедическими знаниями и удивительной памятью, хранившей огромное количество исторических дат, цифр, имен и пространных цитат из классиков.

– Нет, пап, все нормально, помощь не нужна. Я сегодня что-то подустал, пойду лягу. Спокойной ночи.

– Гуд бай!

В час ночи я проснулся. А если все-таки дебил Жоко вы-

пишется из больницы или его побитые друзья соберутся с духом и пойдут громить дом Мари? Маловероятно? Нет, невозможно! А если?..

Быстро оделся, сунул за пояс маленький топорик для рубки мяса, надел куртку и тихо вышел из дома. Дверь оставил открытой, чтобы, когда вернусь, щелчок замка не разбудил родителей. На улице поймал частника и опять поехал к дому Мари. Вышел за двадцать метров до дома, водитель отказался ждать, я обругал его, расплатился, и он, недовольно ворча, уехал.

Вокруг было тихо и темно. Казалось, будто я здесь впервые. У Мари горел свет, все в той же дальней комнате. «Интересно, это комната Мари? Может, подойти ближе? Что если она увидит и позовет меня к себе?.. А вдруг ее родители увидят меня здесь и подумают, что я маньяк? Девушку знаю меньше месяца, всего два-три раза провожал до дома, а сейчас, в два часа ночи, с топором за поясом кружусь вокруг ее дома... Да, Давид, что-то с тобой не так... и кто здесь говорит о любви? Ну, красивая, и что с того? Мы даже ни разу не целовались. Надо идти домой. Вдруг родители проснутся, увидят, что меня нет, шум поднимут. Да еще топать прилично до магистральной улицы. Пожалуй, оставлю где-нибудь здесь топор, завтра заберу, а то неровен час наряд милиции остановит: «Чего это молодой человек ходит в такое время один, да еще и с топором за поясом?» Вернулся к дому Мари и тихо опустил топор в заросли за забором.

«А как я его возьму завтра? Это же на их территории, вот незадача... Ладно, брошу его здесь, куплю новый, авось мама не заметит».

В четвертом часу я добрался до дома, на цыпочках прошел к себе, бесшумно разделся и залез под одеяло. Проснулся брат – мы спали в одной комнате.

– Ты почему так поздно? Что, девушку завел, спишь с ней?

– Давай дрыхни, не твое дело! Зеленый еще обсуждать такие вопросы.

В восемь тридцать утра я уже был в университете. На перемене спросил у дежурных, не появлялась ли Мари.

– Нет, что-то ее не было... Говорят, вы из-за нее хорошую мясорубку вчера устроили? Вот здорово! А почему нас не взяли?

– В следующий раз, ребята. Если она придет, дайте мне знать, надо сказать ей одну вещь...

После занятий стоял у входа, как будто дежурю, но Мари так и не увидел. Поднялся наверх. Было очень неловко под многозначительными взглядами и ухмылками девушек искать Мари или спрашивать, где она. До всех, по-видимому, дошел слух, что между нами что-то есть.

– Давид, твоя подруга в библиотеке, – сказала с ехидной улыбкой Иветта, знакомая, которой я раньше симпатизировал.

Вошел в зал. Мари сидела у окна и с отрешенным видом листала книгу. Я подошел к полке, тоже взял какую-то книгу

и сел рядом с девушкой. Заметил, как вспыхнуло ее лицо, как задрожала рука, листавшая страницы... Несколько минут мы сидели, не говоря ни слова.

– Я не думала, что ты такой жестокий, – нарушила молчание Мари. – Как зверски ты и твои друзья-юристы избивали этих ребят! А если бы кто-то умер? Ты хоть поинтересовался, что с этим несчастным? Вдруг вы сделали его калекой, вдруг он вообще не выживет? Я звонила в больницу... он пришел в себя.

– Не беспокойся, такие выживают. А может, он тебе небезразличен? Ты что, влюблена в него?

– У меня нет настроения отвечать на твои дурацкие шутки. Если ты можешь так обращаться с человеком, пусть даже омерзительным хулиганом, значит, и к другим способен так отнестись. Радуйся, весь университет знает о вчерашнем. Ты уже отважный герой, готовый заступиться за девушку, все только об этом и говорят. Твои дружки так хвастаются, как будто победили полчища грозных врагов, а не кучку молодых хулиганов. Завтрашние прокуроры и судьи с остервенением избивали жалких, беззащитных юнцов! Ты думаешь, они после этого сделают выводы? Да они будут ненавидеть всех и так же жестоко бить слабых!

– Ну и неблагодарная же ты, Мари! Я так беспокоился за тебя, а ты меня чуть ли не ненавидишь! Вот спасибо, гуманистка, защитница хулиганов!

– И что я должна сказать? Спасибо, мой герой, я тебе

очень признательна, обещаю любить тебя вечно, увези меня на белом коне?..

– Да ты просто великая поэтесса, Мари! Как красиво у тебя получается! А главное – оригинально! «Увези меня на белом коне» – просто шедевр! Нигде еще не встречал такой фразы... Браво! Я впечатлен.

Однако видно было, что Мари глубоко переживает и не обращает внимания на мои подколки.

– Давид, я тоже не спала. Мы с мамой сидели у окна, видели, как ты подъехал и долго крутился вокруг дома. Мама хотела выйти и позвать тебя, я не позволила. Потом ты уехал, через два-три часа опять пришел. Я уже сидела одна, чувствовала, что ты придешь. Хотела окликнуть тебя, но удержалась, поняла, что произойдет непоправимое. В глубине души я, конечно, благодарна тебе, но... все было очень жестоко и не по-человечески.

– Мари... так получается, ты... в общем... Ты, как будто, не совсем равнодушна ко мне?

– Мне это все не нравится, Давид. У нас разные жизни. Ты в своей стране, все здесь для тебя естественно. Подумаешь – избили человека до полусмерти! Да, подлого и отвратительного, но это для тебя и твоих друзей обычное явление. Умрет – кому какое дело? А я тут не чувствую себя своей, многое мне чуждо. Как же мне жалко родителей! Мама плачет по ночам, тоскует по родине, по своим родителям, брату и сестре, парижскому хлебу, парижским улицам... Папа чув-

ствует себя виноватым за то, что привез нас сюда. В общем, жизнь у нас тут не сложилась. Я бы и рада быть как все, но не получается. Должно быть, внутренне я другая...

— Мари... — я не знал, что сказать. — Мари, пойдем, сходим куда-нибудь? В кино или в кафе...

— Нет, ничего я не хочу. Пойду домой, родители будут беспокоиться.

— Давай им позвоним!

— У нас нет телефона, папа никак не может его получить...

— Тогда я тебя провожу. К тому же твоя мама обещала мне гато, а может, и кофе попробую.

— Хорошо, поехали, — устало ответила она. — И с кем я связалась? Тебе бы во дворе в футбол играть, а не ухаживать за взрослой девушкой...

— Эй, взрослая девушка, нам обоим по восемнадцать лет! — рассмеялся я. — Ну ладно, ты на месяц-два старше — подумаешь, большая разница!

— Да, к сожалению, это большая разница. Скоро ты это поймешь...

На улице нас догнал Рафа.

— Здравствуй, Мари!.. Друг, мы опаздываем на тренировку, ты начал их пропускать.

— Нет, Рафа, сегодня не могу. Я должен проводить Мари.

— Ух ты! Мари, он что, в женихи к тебе записался?

— Давид, Рафа прав. Иди на тренировку. А на твой вопрос, Рафа, отвечу: вам, ребята, еще нужно повзрослеть. То, что

вы накачали большие мускулы и научились драться, не значит, что вы выросли.

Мари отвернулась и быстро пошла к остановке.

– Рафа, – я бросился за ней. – Иди по своим делам, я не приду...

Когда я догнал Мари, троллейбус уже подошел. Мы поднялись в салон, обмениваясь ничего не значащими фразами.

– Мари, почему ты всегда опаздываешь по утрам на занятия?

– Пропускаю переполненные троллейбусы. Неприятно толкаться, стоять всю дорогу вплотную к другим пассажирам. Да и от мужчин иногда дурно пахнет. Добираюсь, как получается: то на маршрутном такси, то на обычном. Почти всю свою стипендию трачу на транспорт...

Выйдя из троллейбуса, метрах в десяти от остановки мы заметили Черныша с кровоподтеками и синяками под глазами. Он оживленно что-то рассказывал двум другим парням.

– Привет, Черныш!

– Привет, брат... Давид. Я Герман, ну, Гера.

– Надо же, ты и имя мое знаешь... Гера.

– Вы же звали там друг друга... Я запомнил тебя, Рафу, еще кое-кого.

– Лучше забудь, Гера. Здоровее будешь. А вот если увидишь, что кто-то на улице обижает Мари, шкуру с него спусти, а не то я огорчусь... Ты же здесь авторитет. Идет?

– Не беспокойся, брат, – заулыбался Черныш. – Мари ни-

кто и пальцем не тронет, уши отрежу!

– Как быстро ты нашел с ними общий язык, вот уж не думала... – задумчиво произнесла Мари. – А может, ты как-нибудь и пива с ними у магазина попьешь?

– Почему бы и нет? Нельзя отрываться от народа. Но ты же знаешь – я пью только молоко!

Моя шутка была вполне правдивой. Я и в самом деле еще ни разу в жизни не пробовал хмельных напитков, даже пива, и дома никогда не видел, чтобы папа пил. Одну и ту же бутылку коньяка мама могла выставлять на стол перед гостями несколько месяцев подряд. Как ни удивительно, Гавар, холодная высокогорная область, откуда был родом мой папа, славился именно своими пьющими жителями. Все анекдоты о пьянстве в Армении – о гаварцах. Но папа, а вслед за ним и мы с братом вообще не употребляли алкоголь. Лишь спустя несколько лет, уже в России, я постепенно привык к умеренному употреблению спиртного.

– Постой, Мари, а как же я в первый раз с пустыми руками к вам домой приду? Смотри, у магазина на улице продают арбузы, дыни – может, купить?

– Давид, никто тебя официально не приглашал.

– Ну вот. Неужели все французы такие негостеприимные? Но ты же наполовину армянка, так что должна быть гостеприимной хотя бы на пятьдесят процентов. А вдруг твоя мама встретит нас у калитки и пригласит?

– Не встретит. Или ты хочешь, чтобы мои родители встре-

чали тебя с аплодисментами и хлебом-солью, рассыпаясь в благодарностях за то, что ты спас их несчастную дочурку, беззащитную репатриантку, от страшных мафиози?

Но я уже покупал большой, килограммов на десять, арбуз и дыню.

– Слушай, друг, – обратился к продавцу, – у тебя есть здесь помощник? Пусть мой арбуз и дыню принесут...

– Я знаю, где живет мсье Азат⁸, – улыбнулся продавец. – Сейчас доставим.

– Спасибо, друг! Я не знал, что отца Мари зовут Азат. Вот, возьми рубль⁹!

– Да-да, Азат. Оставь, парень, не надо денег.

Мари, успевшая уйти вперед на десять – пятнадцать шагов, остановилась.

– Ты что, Давид, хочешь, чтобы вся улица тебя знала? Если завтра меня будет провожать другой человек, это станет интересной новостью для всех. Люди спросят: а где же тот юный герой с рюкзаком?

– Другой – ты имеешь в виду аспиранта? Кстати, он дает тебе знать о своем существовании?

– А тебе не кажется, что это не твое дело?

– Нет, Мари, не кажется. Приедет он или не приедет, еще неизвестно, а я здесь. Кстати, какие у него были отношения

⁸ Азат – по-армянски «свободный».

⁹ По покупательной способности один рубль в 1959 г. равнялся примерно ста современным рублям.

с Жоко? Может, они дружили?

– Дальше остановки он меня не провожал. По моей просьбе.

– И такой парень смог тебе понравиться?

– Почему бы нет? Он очень интеллигентный и разумный.

– Ну-ну. Настолько интеллигентный, что не поинтересовался, почему нельзя проводить тебя до дома, не спросил, не обижает ли тебя уличная шпана? Нетрудно же догадаться, что такая девушка, как ты, не может не привлечь внимание этих «рыцарей»!

Щеки Мари вспыхнули, но девушка ничего не ответила. До ее дома мы дошли в молчании. Я был прав: калитку открыла мадам Сильвия с сигаретой в руке.

– О, Давид! Рада снова видеть тебя. Зайди, сегодня без угощения не отпущу!

– Мадам Сильвия, а согласие Мари обязательно?

Она засмеялась:

– Нет, конечно, но я знаю, она тоже рада, что ты здесь!

– Как-то очень глубоко она прячет свою радость... – вздохнул я.

В это время помощник торговца фруктами принес арбуз и дыню.

– Спасибо, сынок, за помощь. Это когда Азат успел заказать? – поинтересовалась мадам Сильвия.

– Мама, это не папа, это Давид купил.

Мари произнесла это небрежным тоном, но в ее голосе я

почувствовал некоторую гордость за меня.

– Спасибо, Давид! Заходи, у нас как раз гости: Аида, кузина Азата, и ее дочка Кристина. И Тереза дома.

Я поблагодарил мадам Сильвию и вошел. Гости сидели за большим столом под виноградными лозами и оживленно что-то обсуждали. С моим приходом они замолкли. По-видимому, Тереза успела что-то шепнуть женщинам, пока мы разговаривали у калитки.

– Давид, ты можешь зайти в дом, вымыть руки, – предложила мадам Сильвия. – Мари тебя проводит.

– Пусть Мари переоденется, а я покажу, где ванная, – вступила в разговор Тереза.

С первой же минуты я почувствовал, что в лице Терезы у меня появилась союзница в этом доме. Оставив рюкзак на крыльце, я пошел за девушкой.

Туалетная комната была просторной и чистой. Сверкающий унитаз, рядом – биде (большая редкость для тех лет), чугунная ванна, много полотенец, в верхней части окна – фрамуга, открывающаяся во двор. Я уже знал, что уборку в доме Мари делает домработница (тогда это тоже не часто встречалось), скромная женщина средних лет.

Вымыв руки, вышел в залитый солнцем двор. Стояли последние дни октября, летняя жара миновала, было тепло и приятно. Над моей головой висели сотни кистей желтого, черного и белого винограда в маленьких марлевых мешках. Чуть дальше раскинул ветви огромный грецкий орех с уже

созревшими плодами.

– Давид, это Кристина, дочь кузины Аиды. Она готовится стать артисткой, учится на первом курсе театрального училища. Кстати, Аида и ее муж Варужан, он инженер-химик, тоже приехали из Франции, только из города Лиона, – представила нас друг другу мадам Сильвия.

Подошла Мари в бело-красной спортивной форме, которая очень шла ей. Я с трудом оторвал от нее взгляд, почувствовав, что присутствующие за нами наблюдают.

– Мари, Давид, – продолжала мадам Сильвия, – мы только что поели летнюю долму¹⁰. Очень вкусно! Ну, что, будете?

– Да, будем, – решила за меня Мари.

– Вы где учитесь, Давид? – поинтересовалась смазливая подвижная Кристина.

– В университете, на юридическом.

– И на каком курсе?

– На втором, – с неохотой ответил я.

– А я подумала, что вы на четвертом или пятом.

– К сожалению, нет. Большинство друзей Мари – аспиранты... но иногда она опускает планку.

– Мари, а кто у тебя друг-аспирант? – спросила Кристина.

– Дети, долма готова! Тебе, Давид, сколько штук? – прервала наш разговор хозяйка дома.

– Спасибо, мадам Сильвия, по одной каждого вида.

¹⁰ Летняя долма – различные овощи (перцы, помидоры, баклажаны) или листья (капустные или виноградные), начиненные мясным фаршем.

– Так мало? Давай положу чуть побольше...

Тереза принесла сыр, лаваш, зелень, кувшин окрошки и, наконец, лимонад «тархун» и бутылку белого вина.

– Ой, что вы делаете! – с театральным ужасом воскликнула Мари. – Наш гость, будущий юрист, спортсмен-перво-разрядник – учтите, борец! – пьет только молоко. Не смейте портить невинного юношу!

Присутствующие дружно захохотали. Я проглотил обиду и широко улыбнулся:

– Кристина, видите, какие таланты открывает наш студен-ческий театр? Может, одну высокую блондинку возьмете в ваше училище?

– Дети, дети, хватит подтрунивать друг над другом, тоже мне, нашли интересное занятие, – вмешалась мама Мари.

Я чувствовал себя неловко в центре внимания стольких женщин, поэтому замолчал и принялся за долму. Уловив мое смущение, мадам Сильвия обратилась ко мне:

– Давид, ты не представляешь, как красив Париж в конце осени, особенно набережная Сены! Тысячи людей катаются по реке на лодках, пароходах. Всюду музыка, бесчисленные маленькие кафе и рестораны, полно морепродуктов – лоб-стеры, устрицы, крабы... И люди такие вежливые, любезные! Когда вспоминаю все это и думаю, что больше не увижу, мне становится очень грустно...

– Ну, мама, ты опять об одном и том же... – всплеснула руками Мари. – Наш гость не знает, что такое устрицы, и тем

более лобстеры.

– Я читал в книгах, но сам ни разу не пробовал, – честно признался я. – А вот ты, Мари, когда-нибудь пробовала лягушатины? Вот этого у нас в ущельях полно! Я лягушками брезгую, но ради тебя могу поймать и принести. Вот будет картина, когда ты их станешь есть!

– Давид, лягушки, которых едят французы, другие, здесь таких нет.

В дверь позвонили.

– Это папа, – воскликнула Тереза и помчалась открывать. Вошел высокий светловолосый мужчина лет пятидесяти, худощавый, с артистической внешностью, а с ним среднего роста полный брюнет в очках.

– Вот и Азат с Варужаном! – обрадовалась мадам Сильвия.

Как я понял, человек в очках был мужем Аиды.

– Здравствуйте, молодежь, – поздоровался папа Мари. – По-видимому, молодой человек – это Давид...

– Здравствуйте, мсье Азат, здравствуйте, Варужан, – я пожал руки вошедшим мужчинам.

– Хотел купить арбуз, но Геворг, продавец, сказал, что молодой человек, который приехал вместе с Мари, уже купил арбуз и дыню. Ну что ж, Давид, сейчас будем есть ваш арбуз и дыню, но сперва – что-нибудь более существенное. Что ты нам предложишь, Сильвия?

– Летняя долма очень вкусная получилась, как и все, что

ты видишь на столе. Могу принести красного вина. Мы все уже поели.

Часы показывали полседьмого вечера.

– Спасибо за угощение, – поднялся я. – Я уже больше часа здесь, пойду домой.

– Что вы, Давид! – запротестовал мсье Азат (в отличие от женщин, он произносил мое имя правильно, без замены буквы «а» на «ё»). – Садитесь, мы еще должны съесть ваш арбуз! Сильвия угостит вас кофе и сладостями. Задержитесь еще минут на сорок, максимум на час, не больше.

В глубине души я не хотел уходить. Эти люди были мне приятны, и, конечно, хотелось подольше оставаться с Мари, которая притихла и задумалась о чем-то своем. Но несколько раз я поймал на себе ее быстрый взгляд и догадался, что она изучает меня – ей явно было интересно мое поведение в кругу ее семьи.

Варужан от ужина отказался и обратился ко мне:

– Как я понимаю, Давид, вы учитесь с Мари. В каком языке специализируетесь? Тоже французский?

– Нет, я изучаю юриспруденцию.

– Юриспруденция – хорошая и прибыльная специальность за рубежом. А здесь какая юриспруденция? Наказание уже назначено в парторганах, прокурору и судье фактически остается лишь зачитать приговор. А адвокат... его роль в суде и вовсе смешная: кто его слушает? Впрочем, вам виднее... У вас в семье есть юристы?

– Да, папа по специальности юрист, но по профессии ни дня не работал. Он журналист, главный редактор журнала.

– Ага, – воскликнул Азат, – он большой человек! И, видимо, очень умный, раз ему доверена такая должность, – вежливо добавил он.

– Давид, – обратилась ко мне мадам Сильвия, – Мари не знала, кто ваши родители. Чем занимается ваша мама, есть ли у вас брат или сестра, в каком районе вы живете?

– Мы живем рядом с площадью Ленина. Мама сначала тоже училась на юридическом факультете, но потом перешла на педагогический – ее дядя был там ректором. Сейчас она руководит объединением из нескольких детских садов. У меня есть брат, ему пятнадцать лет, но он уже стал чемпионом страны среди юниоров во втором среднем весе.

Краем глаза я заметил, что Мари внимательно слушает мой рассказ.

– Кстати, Давид, а вы в курсе, в каком состоянии молодой человек, которого вы и ваши друзья так сильно наказали вчера? – спросил мсье Азат. – Между прочим, я только теперь узнал от Мари, что он уже долгое время преследовал ее и не давал нормально жить. Как-то дочка об этом особо не рассказывала. Мы думали: обычное дело, парень просто неинтеллигентный, потому так назойливо и даже, возможно, грубо выражает свои чувства.

– В Мари невозможно не влюбиться, – вмешалась Аида. – Она такая красивая, что ни один мужчина не устоит. Но она

очень гордая и хорошо знает себе цену.

– И все-таки, Давид, – продолжал мсье Азат, – если с этим парнем, как его...

– Жоко, – подсказал я.

– Да... если с ним случится беда и он, не дай Бог, умрет, вас же накажут. Вы думали об этом?

– Разумеется, думал. Но он мерзавец. Мари, должно быть, не рассказала, как он терроризировал ее, угрожая пистолетом и ножом.

– Что ты говоришь?! Вот подонок! – возмущались Аида и Варужан.

– Вот это новости, – удивился мсье Азат. – Дочь, почему ты об этом не говорила?

– Папа, он угрожал, что убьет тебя, если ты вмешаешься, и я решила как-нибудь самостоятельно уладить ситуацию...

– Но это же опасно! А если он выйдет из больницы и совершит что-то непоправимое? Тем более у него пистолет.

– Во-первых, – пояснил я, – он раньше чем через полгода из больницы не выйдет, во-вторых, собака боится бьющей руки, и, наконец, пистолет – у меня.

– Как это у вас, Давид? – подняла брови мадам Сильвия. – Пистолет сейчас у вас? А почему?

– Ну, разумеется, чтобы защитить Мари, потому что такую девушку в нашем городе без пистолета защитить невозможно.

– Это он дурачится, – покраснела Мари.

– А если всерьез, – продолжал я, – то пистолет в штабе, мы составили протокол о его изъятии. Если с этой мразью что-нибудь случится и встанет вопрос о нашей ответственности, мы предъявим пистолет как вещественное доказательство и отметим, что по-другому было невозможно изъять его из рук бандита. Если же он выйдет из больницы и будет вести себя тише воды ниже травы, мы пистолет сдадим в милицию, как будто нашли его на улице. Думаю, что этот жестокий урок пойдет Жоко на пользу и он больше не осмелится так обращаться с людьми – не только с Мари, но и с другими. Честно говоря, мне кажется, что так наказать да еще и посадить – было бы чересчур. Ему еще долго придется лечиться, не исключая, что он останется инвалидом на всю жизнь.

– В самом деле, Давид, – задумчиво произнес Азат, – у вас большие задатки для того, чтобы стать хорошим прокурором или гэбэшником. Но какая жестокость сидит в советском человеке по отношению к другому! Видите ли, – продолжал он, – я – модельер, портной, приехал на родину, чтобы открыть свое дело, поставить его на рельсы и вернуться обратно. Но попал в западню. Какие тяжелые дни мы видели! Слава Богу, выжили, обустроились, посмотрим, что будет дальше. Но ваша психология – а вы юноша из интеллигентной семьи! – мне непонятна. Фактически то, что вы делали, это самосуд, суд Линча. А где же милиция, прокуратура, КГБ? Ведь полстраны их сотрудников! Неужели нельзя было все это решить законным путем? А если кто-то более сильный

поступит так по отношению к вам или вашим близким?

– Мсье Азат, теоретически вы правы, но реально этот механизм – милиция, прокуратура – занят другими делами. Поэтому и созданы дружины для борьбы с уличным хулиганством. Когда они перестанут быть необходимы, то сами собой исчезнут.

– Таким образом, – вступил в разговор Варужан, – государство, имеющее такое огромное количество карательных органов, не в состоянии защитить своих граждан от насилия и перекладывает их защиту на плечи другой части общества. Это же гражданская война в миниатюре! Узаконенное насилие одних граждан над другими!

– Я с вами не согласна, – звенящим голосом возразила Мари. – Вам бы надо хоть раз оказаться на месте жертвы, когда бандит крутит ножом возле вашего лица и с ухмылкой глумится: «А если носик отрежу? А если сиськи? А ну-ка, сучка, не двигайся, а то глаз выколю», – и так час, а то и два. И ты стоишь и дрожишь, гадая, что будет дальше... Люди проходят мимо, делают вид, что не замечают происходящего, а ты понимаешь, что совсем одна и неоткуда ждать помощи. Каждый мой выход из дома был мукой: поймает меня Жоко или нет? Удастся незаметно проскользнуть до троллейбусной остановки или нет? Папу подвергнуть опасности? Да шпана избивала бы его до смерти! Тысячу раз правы Давид и его друзья, что не оставили меня одну в беде! И ведь я их не просила, они буквально навязали мне помощь. Я очень бла-

годарна ему за доброту! Наедине мне трудно было это сказать... Давид настоящий мужчина, и теперь я чувствую себя в безопасности. Спасибо, Давид. Моя жизнь стала другой, я снова стала замечать красоту осени...

Я смущенно молчал, молчали и все сидящие за столом. Мадам Сильвия тихо плакала. Арбуз и дыня остались нетронутыми.

Вдруг тишину на улице нарушили громкий треск мотоциклетного мотора и мужские голоса: «Этот дом, не ошибаешься? – Да, звони». Все насторожились.

– Эй, Дав, ты здесь? – я узнал голос Рафы. – Отвечай!

Тереза открыла дверь. За ней стоял Рафаэль и еще двое парней из нашего отряда.

– Здравствуйте, Давид здесь? Ага, вот он. Меня зовут Рафа, я его друг. Извините, что побеспокоил, но в девять часов позвонила его мама и поинтересовалась, не с нами ли Давид, так как обычно он звонит домой, когда задерживается. Ребята сказали, что он пошел провожать Мари. Мать беспокоится, а он сидит, арбуз кушает. Друг мой, ты на часы смотрел? Знаешь, который час? Половина одиннадцатого! Давай отваливай!

Я встал из-за стола и попрощался со всеми. Мадам Сильвия поцеловала меня, еще больше смутив, и, невзирая на мое сопротивление, отдала мне всю большую тарелку с гато.

– Ты уже который раз не притрагиваешься к моему печеню! Давай, угости своих друзей. Мари, иди проводи Давида.

Мари вышла со мной на улицу, я раздал ребятам печенье, тарелку вернул Мари. Она протянула руку, не глядя на меня. Я пожал ее кисть и почувствовал, как дрожь от ее пальцев передалась моим.

– Спасибо за поддержку, Мари.

– Будь осторожен, Давид, я беспокоюсь о тебе.

– Ребята, – тихонько сказал Рафа, – этого парня за несколько дней охомутали! Мне кажется или он и вправду похож на жениха?

Дружинники расхохотались. Я и Мари сделали вид, что не расслышали слов Рафы.

Наконец я вернулся домой.

– Давид, зайди ко мне, – раздался голос отца. Он поджидал меня в своем кабинете, сидя за столом. Рядом с ним в кресле сидела мама. Стало ясно, что миновать серьезного разговора не удастся.

– Давид, который час? – строго начала мама. – Выходишь рано утром, появляешься в полночь, в течение всего дня ни звонка, ни вестей. Знаешь ведь, что мы будем беспокоиться, но никакого внимания не обращаешь. Это сегодня. А вчера, когда ты пришел весь в крови и соврал, что был на тренировке, что с тобой случилось? Почему ты так и не ответил, откуда взялась кровь на твоей одежде? Кто эта девушка, у которой тебя нашли друзья? Ты можешь нам объяснить разумно и честно? И потом, твоя дружба с Рафой. Мы знаем его родителей, они хорошие люди, но всем известно, что Рафа-

эль – крайне неуравновешенный парень, что у него уже были проблемы с законом, притом серьезные. Его взрывной характер и безответственное поведение могут довести до трагедии, убийства, до чего угодно!

– Давид, – поддержал ее отец, – пора взрослеть, один неверный шаг – и твоя дальнейшая жизнь будет под большим вопросом. Твою воинственность и вспыльчивость я объясняю возрастом, желанием молодого человека самоутвердиться. Запретить тебе дружить с Рафой я не могу, вы однокурсники, к тому же у него есть и хорошие черты, он может быть добрым, веселым парнем. Но знай: храбрость также требует ума. Можно напасть на слона или на десяток вооруженных людей – но это не храбрость, это идиотизм! Если судить по твоим восхищенным рассказам, ты ничего не боишься. Но разве это нормально? Как может человек с нормальной психикой ничего не бояться, будь он даже гладиатор? А сейчас ответь нам конкретно: откуда вчера взялась кровь на твоей одежде и что за девушка появилась в твоей жизни? Со слов матери я понял, что девушка – не то волейболистка, не то баскетболистка, что она красивая, даже очень красивая, и что она репатриантка. Советую тебе говорить правду, сын. Если будешь лгать, как вчера, я серьезно задумаюсь над возможностью отправить тебя в военное училище. Парень ты сильный, неглупый, там твоим воспитанием займутся более серьезные люди и более основательно, чем мы. Сделаешь военную карьеру – может, там твое будущее? В нашем роду,

как ты знаешь, было немало военных.

Все это время я лихорадочно обдумывал свой ответ, чтобы он прозвучал убедительно.

— Кровь на мою одежду, — начал я, — попала, когда в штабе утихомиривали избитого в уличной драке хулигана, а девушка — с французского отделения факультета иностранных языков нашего университета, она помогает мне с французским.

— Интересно, откуда так быстро появилась эта добрая девушка, знаток французского? И почему, Давид, эта прекрасная волейболистка так усердно принялась за репетиторство, что ты задерживаешься у нее до поздней ночи? Как я понимаю, она одновременно взяла на себя и вопрос твоего питания, — вступила мама. — Хотелось бы знать, как на такое, мягко говоря, отчаянное усердие смотрят ее родители?

— Послушайте, что вы цепляетесь к каждому его слову? — вмешался только что пришедший домой брат. — Подумаешь, задержался у девушки!

Брат учился в девятом классе. После того как он стал чемпионом СССР по боксу среди юниоров, его тренер, олимпийский чемпион и большой авторитет в республике, Владимир Енгибарян долго и упорно убеждал наших родителей согласиться на его перевод из дневной школы в вечернюю — это дало бы ему возможность более интенсивно заниматься спортом. Поначалу родители были против, но не смогли сломать брата и вынуждены были согласиться.

– А тебе полезно больше слушать, чем говорить, – воскликнула мама. – Что за семья! Школа боевых искусств! Когда же вы, как все нормальные ребята, своим первым делом будете считать учебу? Ну хорошо, Давид, а почему ты не позвонил от девушки – кажется, Мари? – и не предупредил, что задерживаешься?

– У них нет телефона, они многократно обращались во все инстанции, но им каждый раз отказывали под разными предложениями. Впрочем, может, тебе удастся им помочь, папа?

– Как я понимаю, это в качестве компенсации за твою языковую подготовку?

– Папа, я очень тебя прошу! Они интеллигентные, добрые люди. Отец Мари – прекрасный модельер и портной, мама – настоящая француженка, помогает мужу и сама очень хорошо шьет, у них большая клиентура, в том числе известные артисты, композиторы. Отсутствие телефона им очень мешает нормально организовать работу.

– А почему все эти известные артисты и композиторы не помогают интеллигентному портному и модельеру? Ждали, что появится отстающий по французскому языку студент и резво возьмется за добрые дела?

– Может, они никого об этом не просили? Я вот решил им помочь не по их просьбе, а по своей инициативе. Хочу что-то хорошее сделать для этих людей.

– Я так понимаю, в особенности ты это хочешь сделать для Мари.

– Почему бы нет? Это исключительно достойная девушка.

– Что ж, мне остается только радоваться, что ты так быстро и точно можешь определить достоинства людей, – закончил разговор отец.

Глава 5

Приближались ноябрьские праздники. Уже месяц на территории университета шли тренировки студентов: нашей задачей было промаршировать строевым шагом перед правительственной трибуной, хором, по возможности громко, декламируя лозунги. Особое внимание уделялось физкультурпа-раду. Девушки и юноши в короткой спортивной форме, фактически полуголые, хотя в это время года уже могло быть довольно холодно, шли через всю площадь, демонстрируя спортивные упражнения. По бокам колонны шли дружинники, которые следили за тем, чтобы люди из толпы не смешались с участниками парада.

Каждая организация должна была внести что-то новое и яркое в оформление «головняка» – разукрашенной флагами и транспарантами грузовой машины с гербом и символикой данной организации. Студентам и студенткам раздали новую спортивную форму, разноцветные бумажные цветы, маленькие транспаранты с какими-то лозунгами и фотографиями. Впереди колонны везли на машине или несли в руках огромные изображения Маркса, Энгельса, Ленина и портреты живых вождей – поменьше размером.

Еще в те годы некоторые из нас, несмотря на общую политическую неискренность, задавались вопросом: зачем небогатой стране, страдающей от дефицита всего и вся, тра-

тить такие огромные суммы на подобную безвкусицу, пшик? Зачем, в конце концов, отрывать миллионы людей от работы, от отдыха? Кроме того, весь праздничный реквизит еще надо было где-то хранить, содержать в порядке, но, как правило, через год все так или иначе приходило в абсолютную негодность. Таким образом, возникало широкое поле для «трудовой деятельности» хозяйственников, придумывавших все новые и новые схемы выколачивания огромных государственных средств.

Образовалось целое племя художников-оформителей, рисующих только Ленина, Маркса, Энгельса и действующих руководителей страны. Все знали, у кого хорошо получается Хрущев, а у кого – Маркс. Некоторые члены Союза художников всю жизнь рисовали одного и того же вождя, в лучшем случае нескольких вождей, получая за это бешеные деньги от государства.

Руководители разных рангов соревновались между собой, кто пышнее и ярче организует праздник Великого Октября. Если средств из бюджета не хватало, то расположенным на данной территории хозяйственным организациям, заводам и фабрикам приходилось «изыскивать резервы» у себя. Учебные заведения привлекали студентов, а школы – родителей. Все должны были помогать кто чем может, чтобы «поддержать марку» организации. Потом на партийных, профсоюзных и комсомольских комитетах обсуждали результаты проведения праздника, выявляли недостатки, наказывали нера-

дивых сотрудников. Наказания могли быть и по партийной, и по административной линии, кого-то даже снимали с должности. Сколько человеческих судеб было сломано из-за такой ерунды!

Наш университет соревновался с Политехническим институтом, вторым по величине вузом в Ереване, имевшим двадцать пять тысяч студентов. Соревновались внутри института – юристы, историки, филологи и другие факультеты. Города и республики соперничали между собой в массовости охвата населения, пышности и яркости проведенных парадов. Особенно старались Грузия, Азербайджан и республики Средней Азии: кто из них выведет больше людей? Кто вынесет самые большие и яркие портреты живых вождей? Кто наиболее убедительно докажет свою преданность Москве и коммунистической идеологии?

В народе ноябрьские праздники обычно отмечались широко: либо дома в кругу семьи и друзей, либо на природе, – у кого какие были возможности. Каждый из вариантов для нас, студентов второго курса, имел свои плюсы и минусы. В конце концов мы решили устроить вечеринку в доме нашего друга Сергея, студента филфака: его родители уехали отдыхать в Кисловодск и оставили их с сестрой, тоже студенткой, в трехкомнатной квартире недалеко от университета. Мы – то есть я, Рафа, Сергей, Георгий и еще десять – двенадцать наших друзей – в течение нескольких дней старательно занимались организацией этого мероприятия. Достали магни-

тофонные записи танцевальной музыки, купили сыра, колбасы, фруктов, лимонада, несколько бутылок шампанского, вина и ликера «Южный» (честно говоря, ужасное пойло, но ликеры тогда были в моде, да и стоили копейки), что-то из сладостей. Надо сказать, я готовился к своей первой студенческой вечеринке основательно: уж очень хотелось поразить нашим «размахом» Мари. После некоторой паузы, во время которой, по-видимому, состоялось бурное обсуждение у нее дома, девушка приняла мое приглашение.

После парада Мари ждала во дворе университета, пока я сдавал транспаранты и прочий инвентарь на хранение завхозу. Поехать домой она не могла: дороги еще были перекрыты, городской транспорт, в том числе такси, не работал, и надо было ждать почти до вечера, пока на улицах откроется движение. После долгого бесцельного хождения по городу мы с Мари оказались возле моего дома, и я, неожиданно даже для себя, предложил девушке зайти. Мне очень хотелось, чтобы мои родители ее увидели. Сначала Мари отказалась наотрез, но затем уступила моим просьбам – я был очень настойчив, к тому же ей тоже явно было интересно познакомиться с моими родителями. И все же она колебалась.

– Что подумают твои родители, Давид? – твердила она всю дорогу. – Пришла незнакомая девушка, без предупреждения, без приглашения... Нет, я все-таки не пойду. Не проси, это невозможно! Я не могу...

– Послушай, Мари, сейчас всего-то начало первого, что

нам делать на улице еще четыре часа? Все кафе закрыты, вокруг толпа, толкотня, куда нам деваться? Пойдем к нам, посидишь, отдохнешь. Мои родители – современные люди!

– Нет, ты иди, а я подожду.

– Тебе не кажется, что ты говоришь глупости?

– Не кажется.

– Пошли, пошли!..

За руку, почти насильно, я потащил Мари под удивленными взглядами прохожих через улицу. Минут пять пришлось уговаривать ее зайти в подъезд. И дальше, пока мы поднимались по лестнице, я снова и снова останавливался и убеждал упирающуюся Мари подняться к нам. Наконец мы добрались до четвертого этажа, где находилась наша квартира. Крепко схватив Мари за руку, я, удивляясь собственной смелости, позвонил в дверь. Надо сказать, что я впервые привел домой девушку и чувствовал себя как-то неестественно.

Дверь открыла мама и, пораженная, уставилась на нас. Однако она быстро справилась с удивлением, снова превратившись в гостеприимную хозяйку.

– Проходите, дети, проходите. Мари, я очень рада с тобой познакомиться. Какая ты красивая, высокая! Я-то думала, что самая высокая в этом городе женщина – я. Оказывается, ты мне не уступаешь!

– Здравствуйте! Это Давид меня заставил зайти, так неудобно, вы же не ждали гостей, – смущалась моя спутница.

Папа тоже вышел из кабинета, чтобы поприветствовать

нас:

– Здравствуйте, ребята! Давид, Мари красивее, чем ты описал, настоящая кинозвезда, сошедшая с обложки зарубежного журнала! И как только она обратила на тебя внимание?

– Здравствуйте! Ну что вы, Давид – очень уважаемый человек среди студентов.

– Как, Давид уважаемый?

– Его уважают ребята, и многим моим подругам он очень нравится.

– Вот чудеса! Ну, такую удивительную новость надо отметить!

Мама быстро накрыла праздничный стол, за который мы у ourselves вчетвером. Мари попыталась было отказаться от угощения, но мама была непреклонна. Постепенно, за сладостями и фруктами, завязался разговор.

– Вы помните Париж? – задала вопрос мама.

– Да, конечно! Когда мы приехали сюда, мне было семь лет, но я помню все очень отчетливо. Я тогда училась в третьем классе – во Франции дети ходят в школу с пяти лет.

– Ваша мама, насколько я знаю из рассказов Давида, не армянка?

– Да, она француженка. Выучила армянский язык самостоятельно, когда по воскресеньям ходила в церковь, общалась с людьми.

– Она что, религиозная?

– Религиозная, католичка. Молится здесь со всеми вместе – ведь, по ее словам, у нас один Бог – Христос, и одна Библия. Она не видит особой разницы между нашими конфессиями.

– А вы, Мари, тоже верующая? – спросил папа.

– Я еще не определилась. Хотя иногда молюсь.

– На каком языке?

– На французском. На армянском я молиться не умею, меня не учили.

– Так, что это мы ребенку есть совсем не даем! – вмешалась мама. – Мари, возьми пирожки, они очень вкусные, а это – торт «Микадо», сейчас положу тебе кусочек.

– Знаете, Мари, я много работал с эмигрантами, – продолжал папа. – А как случилось, что вы приехали сюда? У вашего отца не было собственного дела?

– У него было ателье мужской одежды, он думал создать на родине сеть ателье, расширить свое дело, а потом вернуться, но не получилось. Мы прошли трудный путь, но папа быстро себя нашел, он же прекрасный модельер и мастер. Сейчас он оформлен как работник государственного ателье, но там занят всего несколько часов в день, остальное время трудится дома, у него много клиентуры...

Я смотрел на Мари и думал: какая же она умница, как естественно и с достоинством держится... И какая она родная! А ведь я ее знаю всего месяц...

– Мари, а если бы появилась возможность, уехали бы вы

обратно в Париж? – спросила мама.

Такого вопроса Мари, по-видимому, не ждала. Она молча разрезала тортик на мелкие кусочки, один за другим отправила их в рот, потом положила вилку на тарелку и еще помолчала, опустив глаза.

– Еще месяц назад ответ на этот вопрос был для меня однозначным, и этот ответ был – безусловно, да, – произнесла она наконец. – Сейчас так же определенно я ответить не могу.

– И что же изменилось за этот месяц?

Мари не ответила. За столом повисло молчание.

– Ну что же, друзья, никто не кушает? – нарушил неловкую тишину отец. – Торт исключительно вкусный! Знаешь, Мари, я надеюсь потом как-то познакомиться с твоими родителями...

Внезапно Мари подняла голову, посмотрела на мою мать, потом на отца:

– Вы спросили, что изменилось за этот месяц?.. Появился Давид.

Простые слова Мари буквально оглушили всех. Никто не ожидал таких признаний от восемнадцатилетней девушки, впервые пришедшей в дом к фактически чужим людям с парнем, знакомым ей чуть больше месяца. Мой мудрый отец отреагировал, на мой взгляд, единственно правильным образом:

– Очень надеюсь, Мари, что дальнейшая дружба с моим

сыном вас не разочарует. У него много недостатков, но в одном я твердо уверен: он добрый юноша, и у него характер настоящего мужчины.

– Я тоже так думаю, – ответила Мари.

Разговор свернули на другие темы, и здесь уже беседа шла главным образом между Мари и моей мамой.

Я пошел переодеваться. Надел свой лучший темный костюм, белую сорочку, черные туфли, пригладил волосы бриолином, как было модно, и во всей красе появился в гостиной.

– Куда собираетесь, Давид, на вечеринку или на концерт? – поинтересовалась мама.

– На вечеринку, там будет много моих друзей. Кстати, придут и наши родственницы, Рина и Ирма.

Рина была дочерью маминой сестры, а отец Ирмы, Арам Ароян, приходился моей маме дядей. Обе девушки учились в консерватории, и в городе их знали многие. Ирма уже успела сняться в главной роли в кинофильме, Рина – начинающая певица – делала первые успешные шаги. Впоследствии она станет очень известной в нашей республике и во всей стране, получит звание народной артистки СССР.

Родители тепло попрощались с Мари. Было заметно, что она им очень понравилась.

– Мари, девочка моя, – обратилась к ней мама, – будешь в наших краях, заходи, буду рада!

Мы вышли из квартиры.

– Знаешь, Давид, приблизительно так я и представляла твоих родителей, – улыбнулась Мари. – Очень приятные, интеллигентные люди. И в кого ты уродился таким агрессивным и драчливым?

– Это ты на меня так плохо действуешь. В обычной жизни я пай-мальчик, – отшутился я.

* * *

Городской транспорт уже возобновил работу. Мы поймали первого попавшегося частника на «Москвиче», Мари устроилась на заднем сиденье, с трудом разместив свои длинные ноги, я сел рядом с шофером, и мы поехали на улицу Комитаса – Мари тоже нужно было переодеться. Дома у них были гости: Аида с мужем Варужаном и дочкой Кристиной и какая-то пожилая дама с сыном – неулыбчивым мужчиной лет тридцати, с уже наметившимся брюшком.

Все присутствующие были репатриантами – я их отличал от местных без труда. Да и вообще отличить их было нетрудно, даже тех, кто уже долгое время жил на родине, – выдавала манера говорить, одеваться, более европейский внешний вид. Местные выглядели попроще, одевались, может, и не беднее, но по-другому: в мешковатые плохо пошитые вещи темных, глухих тонов, купленные в обычных универмагах. Репатрианты, наоборот, предпочитали более модную, яркую и разноцветную одежду, скроенную по фигуре.

В каждом молодом человеке в окружении Мари я видел своего конкурента. Интуиция подсказывала, что в данном случае мои подозрения небеспочвенны. Мне показалось, что родители Мари меня не ждали, однако поздоровались они очень тепло.

– Познакомьтесь, это Давид, – представила меня мадам Сильвия, – учится в университете вместе с Мари.

– Ну как, сходили на парад? – спросил мсье Азат. – Успешно все прошло, интересно было?

– В общем, да, думаю, мы произвели хорошее впечатление. Телеоператоры нас все время снимали, университетская колонна всегда привлекает особое внимание. Так что в новостях обязательно увидите Мари! Она шагала в первом ряду и махала большим бумажным цветком, волосы у нее развевались на ветру, и ее было видно, наверное, за километр. Потом мы зашли ко мне домой, Мари познакомилась с моими родителями. Уверен, она им очень понравилась...

– Ах да, парад, – скривился Варужан. – Наша организация там тоже была, и мне с коллегами пришлось...

Я почувствовал, что он опять начнет критиковать всех и вся. И не ошибся:

– Народ отрывают от работы, отдыха, заставляют ходить по городу с дурацкими транспарантами, выкрикивать идиотские лозунги, – возмущался химик. – Я нес транспарант «Пятилетку – за четыре года!». Ну что тут скажешь? Вот ведь Франция, Англия, Америка и другие нормальные стра-

ны живут без пятилеток, и что? У них хуже, чем у нас? Да ничего подобного! Живут в сто раз лучше и по-человечески, не тратят впустую миллионы и не ходят толпами по улицам с плакатами. Вот люди приехали из Парижа, путешествуют по всему миру, наслаждаются жизнью, а мы? Делаем вид, что верим этим дурацким лозунгам, а руководству кажется, что они смогли нас обмануть. Впрочем, есть и немало искренне верящих идиотов: их каждый раз обманывают, а они снова и снова верят пустым заявлениям и никчемным руководителям.

Гости настороженно слушали. Они явно не ожидали, что на родине, где, по их представлению, свирепствует КГБ, возможны подобные разговоры.

– Послушай, Варужан, – вмешалась мадам Сильвия, – дай мальчику спокойно покушать, попить. Ты опять взялся за политику! И что бедный студент может тебе ответить?

Почему-то поддержка мадам Сильвии мне очень не понравилась. Может, причиной тому стало присутствие гостей из Франции – хоть и армян, но граждан другой страны. Выступление Варужана, подумал я, как-то укрепляет их уверенность в превосходстве над нами. А еще мне показалось, что эти люди неспроста оказались в доме Мари. С чего это, например, мадам Сильвия так расхваливала при мне этого пузатенького мсье Дашяна, пришедшего со своей мамой, успешного, сравнительно молодого ювелира? Конечно, в моих глазах он выглядел далеко не юношей – впрочем, несмотр-

ря на свой представительный вид, мсье Дашян и вправду относился к категории людей, которые ни в каком возрасте не бывают молодыми.

– Во Франции и других странах люди тоже ходят с плакатами, если они чего-то требуют, что-то одобряют или с чем-то не согласны, – нехотя отреагировал я.

Мои мысли были заняты предстоящей вечеринкой, и тема политики меня совсем не интересовала. Поэтому защищался я вяло, просто чтобы поддержать разговор.

– Давид, – поднялась с места мадам Сильвия, – я не хотела тебя обидеть, прости, если это так! Дай поцелую. Ты извини меня.

Подошла, обняла, поцеловала в щеку и в лоб.

– Давид хороший друг Мари, – обращаясь к гостям, продолжала Сильвия, – мы его очень любим.

«Что это она со мной обращается, как с ребенком?» – подумал я.

Пришла Мари. Она переоделась, наложила легкий макияж и сразу показалась мне странно чужой, не студенткой, а взрослой, недоступной для меня девушкой лет на пять старше. Села рядом, почему-то нарочито очень близко, почти прижавшись ко мне.

– Куда вы идете, Мари? – спросила Аида.

– Давид пригласил на вечеринку к своему другу Сергею, он тоже учится с нами, только на армянском филологическом. Уже пишет статьи, говорят, в будущем из него полу-

чится хороший журналист.

Все это время семейство Дашян – пожилая дама и ее важный представительный сын, которого я почему-то окрестил про себя «женихом», – молчали. Неожиданно мужчина обратился к Мари:

– Кажется, вы через два-три года заканчиваете университет? Какую профессию вы получите?

– Педагога, журналиста. Можно устроиться в «Интуристе» переводчицей, а может быть, продолжу учебу в аспирантуре.

– И какова будет предполагаемая зарплата?

– Здесь о таких вещах не думают, – вступил в разговор Варужан, – они идейные. А что касается зарплаты, они вам не скажут: стыдно.

– С голоду не умрем. Проживем, и даже очень весело, – отрезала Мари.

– Конечно, – язвительно заметил Варужан, – папа же известный портной, будет зарабатывать для тебя, а возможно, и для будущего мужа.

– Ничего, мсье Варужан, время еще есть. О том, как жить, мы подумаем потом, – Мари повернулась к матери. – Мама, я вернусь поздно, может, даже к утру. Не беспокойся, Давид со мной.

Все удивленно замолчали.

– Давид, Мари, может, вы и меня с собой возьмете? Мне с вами будет веселее, – попросила Кристина.

– Мари, а что? Может, возьмем и Кристину?

– А я? – обиделась Тереза. – Я что, одна останусь дома со взрослыми?

– Тогда никого не берем, – заявила Мари. – Пошли, Давид. Встали, попрощались. Мама Мари пошла проводить нас до калитки.

– Мари, – тихо попросила мадам Сильвия, – может, что-нибудь скажешь гостям на прощанье? Неудобно, люди проделали такой путь.

– Мама, я их не приглашала. Они ваши гости, вот и окажите им внимание. Свою часть я выполнила.

Мадам Сильвия, по-видимому, смущенная моим присутствием, промолчала. Подошел отец Мари.

– Давид, будьте осторожны, это ее первая вечеринка.

– Почему первая, папа? Я уже была на днях рождения.

– Ну что ты, дочь, то были родственники, знакомые. А с молодым человеком ты впервые уходишь куда-то вечером, да к тому же объявляешь, что придешь чуть ли не завтра. Постарайтесь вернуться до полуночи, мы будем ждать.

Мы направились к магистральной улице, чтобы поймать такси.

– Мари, почему ты так резко говорила? – спросил я. – Потом вдруг демонстративно подседа ко мне вплотную, чуть ли не в обнимку. С чего бы это? Когда мы одни, ты меня ближе, чем на метр, к себе не подпускаешь.

– Что, не понравилось? – огрызнулась она.

– Не глупи. Почему ты так агрессивно настроена?

Она не ответила. Я поймал такси, и минут через пятнадцать мы уже были на месте.

– Неужели ты не догадался? Ты же взрослый парень! – нарушила молчание Мари.

– О чем ты?

– Эти туристы из Парижа приехали специально, чтобы познакомиться со мной того молодого мужчину, уже достаточно богатого делового человека. Понял?

– Вот это да! Ну ты и артистка, Мари! После того, как ты себя вела, эти люди вряд ли еще захотят слышать твое имя.

– Не думаю.

Глава 6

Сергей жил в большом, облицованном гранитом доме напротив медицинского института. Уже в подъезде была слышна музыка, звучащая с последнего, пятого этажа. Гости еще только начинали собираться. Рафа и Сурен, его двоюродный брат, сидели у накрытого стола и о чем-то увлеченно разговаривали. Сестра Сергея Анжела и еще две девушки приятной наружности носили с кухни бутылки лимонада, виноград, салат «оливье», нарезанный сыр... Подошли мои кузины Рина и Ирма, потом Георгий со своим двоюродным братом Ованесом – это имя часто переименовывают на русский манер: Ваня. Ваник был известным мотоциклистом, многократным чемпионом республики. Он был старше нас лет на десять – двенадцать, симпатичный, разумный человек. Сергей стоял у магнитофона и выполнял роль диджея – правда, тогда этого слова никто из нас не знал. Было весело и оживленно. Мои родственницы окинули Мари оценивающими взглядами и через минуту уже общались с ней, как давние подружки.

Рина успела шепнуть мне на ухо:

– Дав, какая киношная девочка, прямо с обложки! Но она выглядит старше и слишком шикарна для тебя, мальчишка-студента.

– Вот дура, да что ты понимаешь!

Я любил Рину, мы были с ней очень дружны. Свои фортепианные уроки она практически всегда проводила у нас – в двухкомнатной квартире, где Рина жила вместе с бабушкой, не было ни инструмента, ни подходящих условий для занятий. Так что кухня прибегала к нам почти каждое утро и, когда мы расходились по своим делам, барабанила на нашем немецком пианино марки Rönisch. Дефицитный инструмент отец в свое время «достал» (тогда почти все приходилось «доставать») по настоянию матери – она надеялась, что когда-нибудь ее сыновья научатся играть. Но в наше время среди ребят моего возраста музицирование считалось занятием не почетным, если не сказать позорным. А вот спорт, особенно боевые искусства, которыми мы с братом так увлеченно и успешно занимались, – это было совсем другое дело: друзья уважали, улица боялась.

Собравшиеся знали, что Рина начала профессиональную карьеру певицы и ей сулят большое будущее. Что касается Ирмы, то после успешного дебюта в кино она думала продолжить карьеру киноактрисы, а пока училась в консерватории. Несколько раз ее портрет публиковали на обложках различных журналов, в том числе журнала «Советский Союз» – аналога «Америки».

Кроме мотоциклиста Ваника, все были студентами разных вузов, одногодками. Молодые люди с удовольствием общались между собой, шутили. По общей просьбе Рина собиралась спеть, как вдруг в дверь позвонили. Сергей пошел

открывать и через минуту появился с двумя взрослыми, лет тридцати пяти, ухоженными, модно одетыми мужчинами. В одном из вошедших все узнали Леонида Вартанова, популярного артиста Русского драматического театра, любимца «золотой молодежи», особенно женской ее части. Другого Сергей представил как своего старшего коллегу, журналиста, кино– и театрального критика Сергея Бабурына.

– Ну что, братья-студенты, не помешали? – обратился к нам Леонид. – О, и Ирма здесь? Наша молодая звезда!

Поглядев вокруг и остановившись взглядом на Мари, он добавил:

– Какие тут чувихи! А я-то идти не хотел. Молодец Серж, что насильно затащил меня сюда.

Мне показалось, что он где-то уже успел набраться спиртного.

– Рафа, что это значит – «чувиха»? Проститутка, что ли? – вполголоса спросил я.

– Да нет! Ты в своей армянской школе, конечно, таких слов не слышал. Это что-то вроде разбитной девушки, простой, веселой, не более того. В общем, уличный жаргон, не обидное слово.

– Ну что, давайте познакомимся, – громко, уверенно, как на сцене, продолжал Леонид.

Подходя к каждой девушке, он целовал ей руку, а парням кивал.

– Почему я тебя раньше не видел? – обратился он к Ма-

ри. – Ты не бываешь в Русском театре?

– Предпочитаю армянский.

– Ничего, увидишь меня на сцене – никуда больше не пойдешь. Вот, держи контрамарки и запиши мой телефон. Отныне двери театра для тебя всегда открыты.

– Давид, – повернулась ко мне Мари, – мне некуда положить билеты, возьми их, пожалуйста.

– Спрячь под бюстгальтер, если некуда положить! – похабно ухмыльнулся Леонид. – А это кто, твой помощник?

Мари покраснела до корней волос. Воцарилась неловкая тишина.

– Это мой близкий друг, а если точнее – мой парень.

– Вот тебе на, парень! Слушай, парень, тебе к семинару готовиться надо, а не вздыхать по взрослым девушкам.

От возмущения я чуть не потерял дар речи.

– Послушай, артист, – вмешался высокий, мускулистый Ваник, – ты в гостях, веди себя прилично. А лучше уходи!

Ваник был местной знаменитостью. По ночам, сделав стойку на руках, он с сумасшедшей скоростью гонял мотоцикл по центральным улицам города под восхищенные возгласы собравшихся ребят, выполнял различные цирковые номера. Конечно, рискованные трюки не давались легко – Ваник неоднократно разбивался, был тяжело травмирован. В городе его любили и уважали.

– А ты что, тоже студент? Заочник, видимо? Ты что вообще тут делаешь, мотоциклист?

– Я тебе еще раз говорю, как тебя там, Леонид! Ребята здесь собрались культурные, но, поверь, непростые. Мой тебе совет – уноси ноги, пока цел. Если и дальше будешь так себя вести, через пять минут в этом убедишься, но будет уже поздно.

– Серж, – артист повернулся к другу, – я не понял, он мне угрожает, что ли, этот велосипедист, мотоциклист, да хрен знает, кто он...

– Леня, посиди здесь пять минут, – показал Серж на стул рядом со столиком, – поздравим ребят с праздником и уйдем, пусть спокойно веселятся.

Так хорошо начавшийся вечер оказался под угрозой срыва. Сергей на правах хозяина попытался спасти ситуацию.

– Ребята, ставлю «белое» танго! Девочки приглашают мальчиков.

Девушки начали приглашать кавалеров. Мари подошла ко мне, сестра Сергея выбрала Сержа-кинокритика, одна моя кузина танцевала с Георгием, другая – с Суреном, двоюродным братом Рафы. Я пытался внушить себе, что не стоит обращать внимание на наглое поведение артиста. Остальные тоже делали вид, что веселятся и ничего особенного не случилось, однако было видно, что все напряжены. За столом остались сидеть Леонид, Рафа и Ваник. Последние налили себе немного вина, чокнулись и выпили.

– Хозяин, – громко обратился к Сергею Леонид, – а есть в этом доме какая-нибудь приличная выпивка? Коньяк, вод-

ка? А то на столе не пойми что. Какая-то вода для стирки.

Сергей достал из шкафа полбутылки коньяку. Леонид наполнил свою стопку до краев и разом выпил, закусив сыром и лимоном.

– Давид, не обращай внимания, человек выпил, – пыталась успокоить меня Мари, – мнит себя звездой. Ему кажется, что общаться с ним – большая радость для окружающих.

Я рассеянно слушал Мари и думал: «Если я сейчас не разобью этому артисту нос, не пущу ему кровь, то, наверное, неделю не смогу от обиды ни спать ни есть».

– Пусть идет своей дорогой, – продолжала девушка. – Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся.

Я заметил, что Рафа перестал беседовать с Ваником и, наклонившись, уставился на Леонида. Его большое, могучее тело пришло в движение, дергались плечи, мускулы щек, на лице застыла кривая улыбка. «Ох, кажется, будет беда, – насторожился я. – Рафа сейчас впадет в ярость и станет неконтролируемым».

– Эй, хозяин, включи какую-нибудь нормальную музыку: твист, рок-н-ролл! А то какая-то похоронная, – продолжал громко командовать Леонид.

– Пошли, Леня, пошли, – снова вмешался Серж, – а ребята пусть продолжают свой вечер. Спасибо, друзья, извините за вторжение.

– Станцую один рок, покажу, как это делают настоящие мужчины, и уйду, – упирался артист.

Минуту он танцевал один, свободно и упруго двигаясь в такт музыке. Леонид был высоким, красивым мужчиной, хорошо сложенным, с интеллигентной внешностью. В посвященных театру местных теле- и радиопередачах не раз говорили, что он прекрасно исполняет трагические роли, особенно Гамлета, за что был удостоен премии Ленинского комсомола.

Продолжая танцевать, Леонид схватил за руку Мари и потащил в центр комнаты. После минутного колебания девушка подхватила его па, и через минуту они уже танцевали слаженно и гармонично. Смотреть на них было приятно. «Да, надо бы и мне научиться хорошо танцевать, – подумал я. – С одним танго и фокстротом не будешь интересен девушкам».

Внезапно Леонид наклонил свою партнершу назад и крепко поцеловал в губы. Мари попыталась освободиться и чуть не упала на спину. Сзади ее поддерживали девушки, Леонид опять попытался вытащить Мари в центр комнаты, но вместо руки схватил за плечо ее тафтяного платья и порвал его.

Я уже не мог сдержаться. Схватив двумя руками Леонида за лацканы пиджака, я оторвал его от пола и потащил к выходу. Коленом он попытался двинуть мне в пах, тогда я резко дернул его на себя и отработанным движением сильно ударил головой в лицо. Звук ломающейся носовой перегородки подтвердил, что я попал в цель. Второй удар головой пришелся вхолостую – артист сперва обвис у меня в руках, а когда я его выпустил, грохнулся на пол.

– Вай, твою мать, ты мне нос сломал! – выговорил он окровавленными губами.

– А я тебе, пижон, еще и челюсть сломаю, чтобы тебе монолог Гамлета лучше удавался, – радостно воскликнул ожившийся Рафа. Он почувствовал, что пришло его время – а то сидит в забвении, никто его не замечает...

– Перестаньте, мальчики, перестаньте, – закричали девушки. – Ну он же известный артист, подумаешь, выпил, давайте его простим!

– Он себя вел не как артист, а как уличный хулиган и подонок, – вступила в разговор моя кузина Ирма, – но ему и так изрядно досталось, хватит с него, ребята.

Сестра Сергея отвела Мари в другую комнату зашить оторванное плечико на платье, Серж и Сергей с трудом подняли хнычущего и матерящегося артиста и повели его к выходу. Уже у самых дверей Леонид вдруг взбесился.

– Твою мать, это ты мне нос сломал! – взвизгнул он, повернувшись ко мне и выхватив из внутреннего кармана пиджака маленький дамский браунинг. – Я тебе сейчас голову продырявлю, студент! Подонок!

Из соседней комнаты вышла Мари. Моментально оценив обстановку, она обратилась к плачущему от боли Леониду:

– Леонид, пойдем! Я провожу тебя... Успокойся, парень здесь ни при чем! Он просто хотел меня защитить...

Леонид не обратил на нее внимания. Он явно с трудом соображал, что он делает и что происходит вокруг. Артист

стоял метрах в трех от меня, держа пистолет на уровне моей головы.

– Ну, пидор, конец тебе!

– Да брось, Леонид! – храбрился я. – Откуда я знаю, может, у тебя игрушка и ты хочешь просто напугать меня?! Ты же артист!

– Молчи, Давид, не говори с ним! Леонид, он мой родственник. Хватит, брат, прости его, пойдем со мной, – вступил в разговор хозяин дома Сергей.

Неожиданно Ваник изо всех сил дернул ведущую в коридор ковровую дорожку, на которой стоял Леонид. Тот сильно пошатнулся, но не упал. Одним прыжком Рафа подскочил к нему, выхватил из ножен на поясе охотничий кривой нож, с которым никогда не расставался, и полоснул Леонида по животу. От боли и неожиданности мужчина вскрикнул, инстинктивно наклонился вперед, и тут Рафа свалил его на спину апперкотом левой. Пистолет Леонид все еще держал в руке, но Ваник прижал его запястье ногой к полу и отобрал оружие. Хозяин квартиры Сергей и журналист Серж стали поднимать Леонида на ноги, а я развернулся и пошел к девушкам, на ходу поинтересовавшись у Ваника:

– Так это на самом деле пистолет или пугач? Ах, он даже заряжен? Тогда держи пока у себя и ни в коем случае не отдавай. Потом будет видно, как дальше поступить.

– Давид, иди сюда, – закричал из коридора Сергей, – у Леонида сильно течет кровь из живота!

– Ты уверен? А может, из носа?

Я прекрасно знал, какими бывают последствия удара головой. Ближайший месяц или даже два артисту предстояло ходить с синяками под глазами и бесформенной картошкой вместо носа. Вряд ли в таком виде его выпустят играть Гамлета. «Вероятно, придется кому-то уступить эту роль», – не без злорадства подумал я.

Ваник с Сержем положили Леонида на кушетку и расстегнули пиджак. Кожа по краям длинного пореза, протянувшегося поперек всего живота, словно вывернулась наизнанку, из раны торчал жир и маленькие кусочки мяса. Порез обильно кровоточил. Мы быстро нашли полотенце, простыню и обмотали Леониду живот.

– Слушай меня внимательно, – отчетливо проговорил я, глядя артисту в глаза. – Сейчас мы вызовем скорую. Врачам ты скажешь, что на тебя на улице напали хулиганы. Ты же, подлец, сам хулиганил, сам напал на нас!

– Твою мать, студентик, пока пистолет не отдадите, я отсюда никуда не уйду, – простонал Леонид.

Оставлять его и дальше без медицинской помощи мы опасались, он мог умереть от кровотечения, но и спорить с Леонидом было бесполезно. Посоветовавшись, решили вернуть ему пистолет, а обойму с патронами оставить у себя.

– Леонид, – сказал Ваник, – вот твой пистолет, сейчас давай спустимся, отойдем метров на сто от дома, чтобы не было очевидно, где тебя порезали, и по телефону-автомату вы-

зовем скорую.

– Если скажешь, что случилось, сам будешь расхлебывать свое дерьмо. Ты же напал на нас, в больницу тут же придет милиция, – добавил я. – У тебя найдут оружие, мы все будем свидетельствовать, и прощай, Гамлет, на долгие годы. Пистолет мы отдадим твоему другу Сержу, выйдешь из больницы, разберемся.

– Выйду из больницы, всех вас поставлю раком, подонки! Вы еще долго будете сожалеть, что со мной так поступили, сопляки!

– Ты молодец, храбрый парень, – заметил Ваник. – Я видел много аварий, смертей... У тебя, Леня, сейчас одна проблема – выжить. И не глупи.

Мы почти на руках несли его по лестнице вниз, потом подальше от дома. Подъехала скорая помощь, Леонида вместе с Сержем увезли в больницу.

Вернулись домой. Девушки тряпками, полотенцами, всем, что попало под руку, оттирали квартиру, лестницу, подъезд от крови артиста. Казалось, тут зарезали целую отару барашков.

– Рафа, дебил, ты зачем ударил артиста кинжалом? Чуть не убил его! Что, руками не мог его стукнуть? Боксер хренов! – накинулся я на друга.

– А ты – двойной дебил, фраер! А если бы он выстрелил тебе в голову? В такие моменты не церемонятся, пусть лучше он подохнет, чем ты! Ты мне друг, как-никак, а он ни-

кто! И вообще, идите вы все подальше, я пошел домой. Но помни, Давид: все началось из-за твоей куколки. Где она, там и кровь! Не для тебя она, парень. Тебе надо жить своей жизнью, готовиться к занятиям, штудировать право, а не хвататься за парижанку. Все равно она уедет, а ты останешься с фигой в кармане, – кричал в ответ Рафа.

– Если ты такой умный, зачем за нож хватался? На ровном месте создал такую проблему. Выбрось свой ятаган в помойку, только сначала рукоятку вычисти!

Отвернувшись от Рафы, я увидел, что Мари, вся в слезах, слушает наш разговор.

– Ребята, девочки, давайте немного посидим, успокоимся, чаю попьем, – обратилась ко всем сестра Сергея.

* * *

Уже за полночь мы с Мари и кузинами вышли на улицу. Стояла удивительно теплая для начала ноября, тихая погода. На улице было спокойно и очень приятно. Трудно было поверить, что совсем недавно мы стали участниками кровавой драмы.

– Мари, Ирма и Рина живут совсем близко, давай прогуляемся до их дома? Проводим их и сами немножко развеемся, а потом возьмем машину и я тебя отвезу домой.

Мари молча кивнула, и мы двинулись к дому девушек.

– Нехорошо получилось, – начал я. – Испортил, идиот,

наш праздник.

– Давид, а вдруг Леонид умрет? – обратилась ко мне Ирма.

– Будем надеяться, что этого не произойдет. Он, конечно, заслуживает наказания, но никак не смерти. Если это случится, Рафе не избежать срока, второй раз по статье «необходимая оборона» его не освободят. Возможно, меня тоже накажут. Может, дадут срок за превышение необходимой обороны – небольшой, год или два, – а может, нет. Но из университета точно отчислят. А могут и папу с работы снять: что за партийный идеолог, у которого сын замешан в убийстве, пусть и со смягчающими обстоятельствами? Придется переqualificироваться в историка, я же историю люблю, даже больше, чем юриспруденцию.

– Ты что, дурачишься?! Или все это серьезно? – заметила Мари.

– И то и другое.

– Подлец Леонид! Пижон, Гамлет проклятый, и откуда он только взялся!

– Знаешь, я верю в судьбу. Если у меня есть ангел-хранитель, он не позволит мне и моему безмозглому другу безвинно пострадать. Это наглец артист заварил всю кашу. Бедный Рафа вообще тут ни при чем! Дурак, конечно – обычную драку превратил в кровавую драму. Мне его так жаль, представляю, как он сейчас переживает. Но, девчонки, вы свидетели: мы защищались!

– Да, похоже на то, Давид. Но ты защищался как-то слиш-

ком агрессивно.

– Девушки, никому ни слова! Особенно ты, Рина, ты всегда была болтушкой. Держи язык за зубами, а то останешься без них. Смотри, это не шутка и не детская игра. Забудьте все, сестрички. Вы ничего не видели и не слышали и вообще были дома. Все, поехали, Мари.

Мы попрощались с сестрами и пошли искать такси.

– Давид, перед тем, как сядем в машину, я бы хотела поговорить с тобой, – придержала меня Мари.

– Не поздно? Твои не будут беспокоиться?

– Когда я с тобой, они не беспокоятся.

– Спасибо, что пользуюсь таким доверием. Значит, заслужил.

Мы стояли перед театром оперы и балета, напротив которого в старинном здании когда-то жила моя мама – в шестилетнем возрасте она осиротела, и ее взял к себе дядя, Арам Ароян. Сейчас там жила Ирма с родителями.

– Давид, мы с тобой знакомы почти два месяца. Столько событий произошло за это время, сколько крови пролилось, и все из-за меня.

– Ты меня в этом винишь? Я же старался отвести от тебя любую угрозу! – нахохлился я.

– Да, это так. Возможно, ты даже влюблен в меня. Сама я не постеснялась и фактически призналась в своих чувствах сегодня перед твоими родителями, – продолжала Мари.

– Честно говоря, я был поражен.

– Спасибо. Я о другом хочу сказать. Да, сначала ты рисковал фактически ради незнакомой девушки. Но сейчас ситуация изменилась, между нами возникло определенное чувство... большое чувство. Я с трудом представляю, что со мной будет дальше, если вдруг тебя не окажется рядом.

– Что ты хочешь услышать, Мари? Я навеки твой! Давай поженимся...

– Ах, Давид... Ну да, тебе всего восемнадцать. Поэтому, наверное, простительно, что ты так говоришь. Я о другом... но вряд ли ты меня поймешь.

Мимо шла группа ребят. Двое, увидев Мари, остановились:

– Вай, смотри, какая девушка!

Я шагнул вперед. Это был мой район, и здесь я знал почти всех.

– А, это ты, Давид, – узнал меня один из парней. – Пошли ребята, нечего рот разевать.

– Так что такого сверхсложного ты мне хотела сказать, Мари, что я не сумею понять?

– Видишь ли, Давид, у тебя и у твоих друзей слишком жесткое, даже жестокое отношение к людям. Вы, может, и не виноваты, у вас воспитание такое, но это меня пугает. Я не хочу тебя видеть таким. Тебе нужно пойти в церковь, молиться и просить прощения.

– Ты что, шутишь? Крестить меня собралась, что ли? Кажется, бабушка тайком от отца меня окрестила, но в церковь

я не хожу.

– Нет, я не шучу. Ладно, Жоко – мерзкий негодяй. Не успел выйти из тюрьмы, как начал терроризировать и меня, и всю улицу. Но это еще не повод так поступать с человеком! Ну, попугали бы его, наказали слегка, но выбивать ему глаз... Мне сказали, что этим глазом он больше не будет видеть. Он фактически стал инвалидом. А ты не думаешь, что он мог бы исправиться, жениться, иметь детей, жить нормальной жизнью? Как ему теперь жить? Сегодня вы могли этого наглого артиста обезоружить, просто отправить домой, но ты сломал ему нос, а твой товарищ чуть его не убил. И неизвестно еще, чем все закончится. Я давно заметила, что в этой стране люди не любят друг друга. Вы готовы ни за что лишиться человека жизни, покалечить, унижить. Не дай Бог, ты попадешь в тюрьму или в такую же ситуацию. Ведь с тобой поступят подобным же образом! Ты не допускаешь такой возможности?

– Ну хорошо, а если я, Рафа, другие мои друзья пойдем в церковь, помолимся и попросим у Бога прощения, думаешь, все исправится? Да нас просто примут за сумасшедших. И если я окажусь одновременно неправым и слабым, меня накажут, возможно, хлеще, чем мы Жоко. Если я слаб, я уязвим, Бог и закон тогда не на моей стороне. Здесь любят сильных, а удел слабых – молиться и жаловаться на несправедливую судьбу. В этой стране так было и так будет еще долго. Быть правым, безусловно, хорошо, но этого недостаточ-

но. Надо быть и правым, и сильным, вот тогда, возможно, ты будешь защищен. В случае с Жоко или с артистом мы поступили с ними, как с преступниками, и не сказать, чтобы очень жестоко. Ладно, артиста оставим, он сам напросился. Может, ему даже повезло. Да-да, повезло, не удивляйся! Если бы он успел выстрелить, мог бы меня убить. Тогда он на долгие годы сел бы в тюрьму. Но артист, так или иначе, нормальный член общества. Жоко – совсем другое дело. Кому он нужен? Есть он или нет, кого это волнует? Он же сорняк, человеческий отброс! Поверь, он еще многим попортит кровь и принесет страдания, пока в конце концов не подойдет или в тюрьме, как его папаша, или где-нибудь под забором, или его не убьет такой же подонок.

– Давид, ты сейчас говоришь, как чужой, злобный и жестокий человек! Я начинаю опасаться тебя. Тебе никто не давал права решать, кому жить, а кому умереть, кто преступник, а кто просто несчастный человек. Спасибо, что думаешь обо мне, не даешь в обиду, но не такой же ценой! Ведь есть и другие способы!

– Знаешь, если ты не изменишь своих взглядов на жизнь, на окружающий мир, тебе будет очень трудно, если не сказать невозможно, жить здесь, – парировал я. – Лучше тогда пакуй чемоданы и езжай в страну сердобольных и верующих людей. Или выходи за этого божьего одуванчика-ювелира, как его, Дашяна! Будешь примерной женой, все спокойно, все предсказуемо, улыбайся и ходи в церковь!

– Вот, именно об этом я и говорила! Теперь ты и мою судьбу хочешь решить... Все, поймай мне такси, я хочу домой...

Я остановил проезжающее такси, заплатил водителю, предупредил, что записываю его номер и через тридцать минут, если девушки не будет дома, позвоню в милицию. Пожилой таксист с удивлением посмотрел на меня и успокоил: «Все будет в порядке».

Не попрощавшись с Мари, развернулся и пошел домой. Вошел в подъезд, поднялся до второго этажа, постоял минут пять, потом быстро сбежал по лестнице, поймал первую попавшуюся машину и помчался к дому Мари. Она ждала у калитки. Ни слова не говоря, девушка пошла к себе, я последовал за ней...

* * *

Когда проснулся, было уже светло. В углу комнаты в кресле сидела Мари и делала вид, что перебирает свою одежду. Она не смотрела в мою сторону и явно была смущена.

– Который час?

– Уже одиннадцать. Иди в ванную, там все есть, умойся и спускайся в сад, наши уже там.

– А что я скажу твоим родителям? Может, смогу незаметно уйти?

– Нет, не сможешь, они знают, что ты здесь.

– Черт, а мои, наверное, сейчас с ума сходят!

– Все нормально. Рано утром приходил твой брат. Мама сказала, что мы поздно вернулись и ты остался переночевать у нас.

– Послушай, мне ужасно неудобно.

– Да, в общем, ничего особенного не случилось. Всего лишь остался ночевать у девушки.

– Что, у вас во Франции с этим так просто?

– У нас во Франции все просто. Это у вас тут за любую малость готовы убить друг друга.

– Твои родители подумают черт знает что.

– Ну, ты же взрослый парень. Совсем недавно ты мне предлагал жениться, а сейчас смущаешься. Когда-нибудь пора было повзрослеть. Вот ты и повзрослел.

– Нет, Мари, ты все-таки сумасшедшая. Сейчас я спущусь вниз – и как буду смотреть в глаза твоим родителям?

– Можешь извиниться или попросить моей руки. Впрочем, не советую. Я не собираюсь замуж за восемнадцатилетнего студента, который верит, что все проблемы в жизни решаются только силой.

– Думаешь, за эту ночь ты сильно поумнела?

Мне показалось, что Мари сейчас заплачет. Она помолчала минуту, потом спокойным голосом произнесла:

– Наши во дворе, давай спустимся, позавтракаем.

– Послушай, Мари, случилось то, что должно было когда-нибудь случиться, но у тебя это было со мной... с человеком, который любит тебя больше, чем собственную жизнь...

обожает тебя...

– Давид, поэт из тебя никудышный. Удары головой тебе удаются значительно лучше.

– Ишь, какая ехидная! Интересно, все полуфранцуженки-полуармянки такие?

– Ну все, умывайся и пошли.

В тот год стояла удивительно теплая и долгая осень, поэтому стол по-прежнему был накрыт во дворе.

– Давид, мой мальчик! – улыбнулась мне мадам Сильвия. – Как я рада, что ты остался переночевать у нас, ведь ночью на улице небезопасно! Позавтракаешь с нами?

Тереза смущенно смотрела то на Мари, то на меня. Мари, все в той же бело-красной спортивной форме, присела на краешек стула и машинально отвечала на вопросы матери и сестры. Вернулся с рынка загруженный продуктами мсье Азат.

– Ну, Давид, как вчера провели вечеринку? Весело было?

– Да, очень весело! Моя двоюродная сестра пела. Она вообще станет известной певицей. Я как-нибудь приглашу вас на ее концерт.

– Танцевали? – спросила Тереза.

– Конечно, а Мари больше всех.

Через несколько минут я поднялся.

– Спасибо, с праздником вас, пойду домой. Мари, до встречи завтра в университете. До свидания, мадам Сильвия, мсье Азат, Тереза!

– До свидания, Давид! Передай привет родителям.
Мари отрешенно сидела на своем месте, не глядя на меня.

Глава 7

– Не кажется ли тебе, что ты слишком рано начинаешь взрослую жизнь? – строго спросила мама, как только я вошел в дом.

Папа, как обычно, сидел в своем кабинете в большом кресле.

– Что это за люди, у которых ты пропадаешь ночами? Как быстро они переманили к себе такого умственно незрелого бычка! – продолжала мама. – Может, они знают, что твой папа – известный человек в республике, а ты – перспективный молодой человек, живущий в четырехкомнатной квартире в центре города? Ты не думал о последствиях? А если родится ребенок? Твоя белокурая волейболистка будет ухаживать за ним? А мне она показалась такой взвешенной, порядочной, искренней девушкой... Как все-таки обманчива внешность!

– Мама, Мари – исключительная девушка, ее родители – добрые, отзывчивые люди, и для них папина должность и наши жилищные условия ровным счетом ничего не значат. У них прекрасный собственный дом с садиком, который нам и не снился. А в Париже у них осталась большая квартира на набережной Сены, на проспекте маршала Фоша, и они мечтают когда-нибудь туда вернуться.

– Прихватив тебя в качестве трофея, – вставила мама.

– Да кому я там нужен со своим смешным школьным

французским, со своими амбициями? Я даже помощником портного не смогу работать, разве что сторожем или разносчиком готовой одежды.

– Зато будешь гулять по набережной Сены, о чем ты так мечтаешь, – вмешался в разговор папа, – возить на машине маму Мари, а может, и саму Мари, если она выкроит на это время между волейбольными тренировками. Ты ведь будешь уже человеком не ее круга – охранник, водитель, приживала.

Я уже готов был рассердиться, но вместо этого расхохотался в голос, живо представляя, как, встав на одно колено, по приказу мсье Азата снимаю мерку с клиента; как, посвистывая, иду по набережной Сены, как, сидя за рулем в шоферской фуражке, везу Мари и Сильвию по городу, выскакиваю, открываю дверцы машины, а Мари дает мне указания, глядя куда-то мимо. Все это я словами и жестами изобразил отцу и матери, не переставая смеяться. Через минуту родители уже хохотали вместе со мной. Мама пыталась сохранить рассерженный вид, но это у нее плохо получалось.

– Да, сынок, – продолжал папа, – главное, что ты понимаешь всю бесперспективность и комичность своей будущей жизни в Париже. Наши предки были храбрыми воинами, они сумели, отстреливаясь, перевезти своих жен, детей и скот из старого, занятого мусульманами-турками Баязида до холодного высокогорного озера Севан. У каждого из них на шее висел на веревке простой крест из меди или железа, они верили в Бога и надеялись на его справедливость. И вдруг

их далекий потомок – помощник портного в Париже! Ладно, Люсь, пусть мальчик отдохнет, по-видимому, у него была трудная ночь.

– Что за глупый разговор! Он должен учиться, а не сидеть возле детской коляски с соской и бутылочкой с молоком! А француженка заставит его поступить именно так.

– Перестань, Мари – девушка разумная, хорошая и, несомненно, красивая, неприлично красивая. У тебя, Давид, будут проблемы. Большие проблемы. Помни, мой мальчик, такая красота обычно становится общественным достоянием, или ты будешь вынужден охранять ее.

– Ты что, папа, хочешь сказать, что Мари станет проституткой?

– Неразумная, просто идиотская трактовка. Просто она должна понимать, что такая красота может иметь более эффективное применение – театр, телевидение и так далее. С такой внешностью глупо просто сидеть дома, растить детей и ждать, пока молодой муж сделает карьеру. А может, начальник мужа польстится на красоту жены и повысит подчиненного в должности? Если все пойдет успешно, к сорока годам молодой перспективный юрист, возможно, станет районным прокурором с официальной зарплатой двести – двести восемьдесят рублей, ну а неофициальная, как ты понимаешь, это взятки. Путем взяток можно заработать большие деньги, но такой путь может закончиться тюрьмой и позором, и тогда такая красивая жена на самом деле станет общественным

достоянием. Не ждать же мужа из заключения десять – пятнадцать лет, борясь за каждый кусок хлеба! Если пойдешь в науку, лет в тридцать – тридцать два, даже раньше, можешь стать кандидатом наук, доцентом, с зарплатой двести восемьдесят – триста двадцать рублей, ну, где-то сто – сто пятьдесят будет зарабатывать и твоя жена. Тогда спокойная, достойная жизнь обеспечена. К сорока – сорока пяти годам – профессор, четыреста – пятьсот рублей. Классный портной, каковым является Азат, – я навел справки, – за один сшитый костюм берет сто двадцать – сто пятьдесят рублей. Клиентов у него полно. Лично я себе этого не могу позволить, но его клиентуру в основном составляют люди, живущие не на честные деньги, а таких немало. В неделю он делает три, а то и четыре заказа, он ведь только мерки снимает, шьют за небольшие деньги другие, они же выполняют и всю остальную работу. Ты, Давид, ни там, ни здесь им не нужен. Вы с Мари еще молоды, вас переполняют чувства. Но потом, сынок, наступит время жестокой прозы жизни. Помни, репатрианты на чужбине прошли тяжелый путь, поэтому они более материалисты, чем мы, марксисты. Seriously подумай о своем будущем! Мозги у тебя есть, но длинный светлый хвостик волос на красивой головке этой девушки может завести тебя не туда, куда нужно. Тогда будет уже поздно что-то менять, годы улетят бесследно, и ты останешься неприка- янным неудачником.

Я понимал, что мой мудрый, начитанный отец говорит

правду – возможно, несколько утрируя, чтобы впечатлить меня, но правду. Однако сердце мое противилось тому, как он рассуждает о Мари.

– Мари – моя путеводная звезда, я хочу быть с ней и только с ней, никакую другую девушку я не могу представить своей женой. Этот вопрос для меня решен, – упрямо заявил я.

– А если твоя путеводная звезда родит ребенка? Кажется, она вполне земная женщина? Не рано ли для студента-второкурсника становиться отцом? – вмешалась мама.

– Ну что же, в конце концов, все дети от Бога, и этот ребенок может заменить на земле моего несчастного брата, погибшего на войне совсем юношей, – возразил ей отец. – Потерь и в нашей семье, и вообще у армян предостаточно, даже десять детей в каждой семье их не восполняют.

– То, что ты говоришь, папа, возможно, и правильно, но не имеет никакого отношения к Мари. Она совсем другая.

– Сынок, а то, что ты говоришь, естественно для влюбленного по уши парня восемнадцати лет. Дай Бог, чтобы мы оказались неправы, – закончила разговор мама.

* * *

До самого вечера я слонялся по квартире, пробовал листать какие-то книги, но все мысли были о Мари, о том, что произошло между нами этой ночью. Может, она себя плохо

чувствует, может, отец и мать наказали ее за вчерашнее, кто знает? Да нет, они же люди европейской культуры, не азиаты какие-нибудь...

– Папа, мама, вечер такой хороший! Пойду немного погуляю с ребятами.

Прямо у подъезда поймал такси и полетел к Мари. Дверь открыла домработница Айкануш, за ней стояла Тереза.

– Здравствуй, Давид!

– Привет, Тереза, где Мари?

– Сидят с мамой под ореховым деревом, разговаривают.

Ни Мари, ни ее мать мой приход ничуть не удивил:

– Добрый вечер, я... у меня тут неподалеку была встреча с друзьями, вот я и решил заглянуть, посмотреть, как выживаете, может, с Мари немножко позаниматься французским.

Мари выглядела заплаканной, во всяком случае, глаза у нее покраснели.

– Ладно, дети, пойду, займусь делами, – сказала, поднимаясь, ее мать, – а вы сидите, скоро мсье Азат подойдет, вместе поужинаем, попьем чаю.

– Что случилось, почему глаза красные? – спросил я, когда она ушла.

– Ничего не случилось, тебе показалось.

Я поднял с земли несколько упавших орехов. В это время года они уже поспевают. Для сбора урожая ветки грецкого ореха трясут длинными крепкими палками, иначе орешки

высохнут под солнцем, и вкус свежести будет потерян. Признаком мужской силы считалось взять два ореха и, не напрягаясь, расколоть их пальцами. Если скорлупа еще покрыта кожицей, от нее на пальцах останется черная краска, смыть которую удастся лишь через несколько дней... Я старался, чтобы Мари заметила, как легко я раскалываю орешки, очищая их для нее.

– Хорошо, хорошо, я знаю, что ты очень сильный, уже не раз в этом убедилась. Хватит, руки испачкаешь. Что сказали твои родители? Наверное, думают, что я испорченная парижская девица, которая применяет все возможные хитрости, перед которыми бледнеет даже Миледи из «Трех мушкетеров», чтобы заманить в свои сети наивного студента?

– Что за глупости ты говоришь! Я взрослый человек и сам решаю, что для меня хорошо.

– А конкретнее? Ты, конечно, с родителями согласен, ведь со мной у тебя перспектива может быть только за границей, а уехать туда ты не можешь и не хочешь.

– Да что вы все о перспективах! У нас все только начинается, давай думать, как нормально жить, веселиться, успешно окончить университет, стать хорошими специалистами.

– Папа научил? Ну, добавь еще: стать строителями коммунизма, успешно завершить пятилетку и прочую подобную чушь.

– Ты, Мари, повторяешь слова Варужана. Между прочим, люди верят в эту, как ты говоришь, чушь и живут нормально,

а ты не веришь. Думаешь, ты умнее других?

– Ты живешь во лжи, Давид. А я так жить не хочу.

– И что ты предлагаешь? Уехать? Это твоя правда? А как же мои папа, мама, брат, друзья? В конце концов, моя страна. Что я буду делать на чужбине?

– Может, ты и прав, Давид, просто я боюсь тебя потерять.

– Мари, давай оставим эту тему. В жизни много вариантов. Для меня ясно одно: я эмигрировать не хочу.

– А я, Давид, представляю свою жизнь только в Париже, где я родилась, где начала ходить в школу, где проучилась несколько лет. В конце концов, моя мама – француженка. Но туда я могу поехать только с тобой.

– Мари, хватит об этом! Два месяца знакомы, и уже начинаем решать, что будет через пять или десять лет?

Наши с Мари голоса звучали все громче и громче. Казалось, мы вот-вот поссоримся, но тут подошла Тереза.

– Мари, Давид, идите ужинать!

– Кстати, Мари, забыл спросить: когда я подъехал к вашему дому, от него отходила какая-то неопрятная женщина. Мне она показалась знакомой. Вроде бы она вышла из вашей калитки. Можешь напомнить, кто это?

– Ты ошибаешься. Должно быть, она просто проходила мимо.

– Нет, подожди, я вспомнил! Это была мать Жоко. Что она здесь делала? Угрожала, что ли? Так я сейчас отправлю ребят за этой воровкой, за свои угрозы загремит в милицию.

– Давид, она не угрожает, папа сам предложил ей деньги. Ведь Жоко нужно носить передачи, на одной больничной еде долго не протянешь. Я же говорила, у него сильно поврежден глаз, почти не видит, он фактически стал инвалидом, и во всем этом есть и моя вина.

– Что ты говоришь, Мари? Ты что, ему глазки строила, кокетничала? В чем твоя вина?

– Неостроумно. Он мерзавец, но мерзавец тоже имеет право на жизнь. За это не бьют, не пинают человека, не доводят до инвалидности. Папа и мама, как нормальные верующие христиане, оказали его семье небольшую помощь. Ведь эти люди одни, никто им не помогает, в том числе и твое любимое государство.

– Запомни, Мари, с каждым днем они будут все больше и больше требовать. Это люди без чести, они все сделают, лишь бы не работать. А помощь государства, между прочим, состоит в том, что злостный хулиган и садист бесплатно лечится в больнице.

– Ребята, чай стынет!

– Спасибо, мадам Сильвия. Извините, в другой раз, сейчас я тороплюсь. До завтра.

* * *

Выйдя из дома Мари, я прямиком зашагал в магазин, на место сбора уличной шпаны. Внутри никого не было.

– Женщина, вы меня помните? – обратился я к продавщице.

– Да, да, конечно, помню. Что случилось? Могу предложить свежее пиво.

– Позовите этого, Черныша... Геру или как там его? Пошлите за ним кого-нибудь, я на улице подожду.

Минут через двадцать приехал Черныш.

– Да, брат, что случилось? Мари никто не трогает.

– Молодец, вопрос в другом. Ты знаешь, что пистолет Жоко у меня, и если я отнесу его в милицию и свидетели, в том числе и ты, подтвердят, что нашли его у Жоко, парень будет лежать не в городской больнице, а в тюремной, так?

– Да, так.

– Тогда иди домой к Жоко и скажи его матери, что, если она сама или кто-нибудь от нее подойдет к дому Мари ближе, чем на сто метров, Жоко окажется в тюрьме. Если родители Мари сами предложат помощь, ни в коем случае не принимать. Понятно?

– Конечно, понятно.

Пожали друг другу руки и разошлись.

* * *

Утром я с трудом заставил себя проснуться.

– Вставай, Давид, опаздываешь на пробежку, – поторопил меня брат.

– Я сегодня не пойду бегать, ограничусь зарядкой.

– Как знаешь. Что-то ты в последнее время не ладишь со спортом.

Быстро привел себя в порядок и собрался уходить. Уже стоя в дверях, услышал голос мамы:

– Давид, возьми с собой завтрак в университет.

– Мам, дай лучше денег! Если я выну из кармана завтрак и начну есть, меня засмеют, как маменькиного сынка.

– Ну да, я и забыла, что все карманные деньги ты тратишь на такси. Надо это учесть в семейном бюджете...

* * *

В университет добрался без опозданий. Вся группа была уже в сборе.

– Привет, ребята, какие вы дисциплинированные!

– Привет, Давид, как провел праздники?

– Да ничего особенного, по большей части дома, с родными.

– А говорят, Рафа из-за твоей Мари какого-то известного артиста порезал, человек при смерти, в больнице.

– Кто сказал такую глупость?

– Девушка одна, подружка сестры Сергея с филологического факультета.

Я выбежал из аудитории и кинулся искать Сергея.

– Сережа, скорее отыщи свою сестру, она болтает глупо-

сти как заводной граммофон. Понимаешь, что это значит? Ты, как организатор вечеринки, соучастник произошедшего, и если дело дойдет до милиции, то если не Рафа, так я сам тебе кости переломаяю. А ты окажешься в тюрьме! Оставляй занятия и бегом за сестрой, пусть скажет подруге, что она пошутила. Не поймете по-хорошему, идиоты, болтуны, – пеняйте на себя.

Бедный интеллигентный Сергей, сконфуженный моим грубым напором, испуганно отошел.

Внизу меня остановил староста курса – как обычно, в светлом костюме и при галстуке.

– Ходят слухи, что Рафа чуть не убил какого-то артиста? Молодец, эти артисты себя ведут так развязно, что любому нормальному человеку хочется их наказать.

– Ах ты, провокатор! Вот кто про нас слухи распространяет!

Я резко ухватил Князя за галстук и прорычал ему в лицо:

– Я тебя сейчас в унитазе утоплю! Будешь знать, стукач несчастный, как провокациями заниматься!

– Отпусти, я пожалуюсь в комитет комсомола, в партком!

– Ребята, что там лопочет этот хлыщ? У нас что, комитет комсомола переместился в туалет? Разберитесь-ка с ним, только мягко, а то и так чахоточный, вдруг сдохнет.

Трое однокурсников, все моложе Князя на несколько лет и ненавидящие его за стукачество и тесную связь с деканатом, потащили старосту в туалет. Такое случилось с ним уже не

первый раз. Его трепали, пинали, иногда рвали сорочку, пиджак, галстук, но он все равно стучал, стучал сладострастно, аккуратно отмечал в журнале всех отсутствующих, особенно тех, кого недолюбливал, докладывал в деканат обо всем, что происходит в студенческой среде, что говорят, кого из преподавателей ругают. А ведь согласно студенческому кодексу подобные вещи могли закончиться лишением стипендии, которая для ребят из бедных семей значила очень многое – остаться без стипендии для них фактически означало лишиться возможности учиться дальше.

Вдалеке мелькнул светлый хвостик Мари. Рафы не было видно. А что если его арестовали, а потом придут за мной? Если артист умер, нас точно накажут. Вот подлец! Ворвался к нам, оскорблял, хулиганил, а виноватыми оказались мы! Мимо прошел Князь, весь растрепанный, без галстука, в распахнутом пиджаке с оторванными пуговицами. Один из потрепавших его в туалете однокурсников, тоже дружинник, под хохот других студентов чистил свою обувь его галстуком, предлагая последовать его примеру. Студенты других факультетов смотрели на происходящее молча, с показным одобрением. Членов оперативного отряда боялись, старались не вмешиваться в их грубые шутки и потасовки. Впрочем, студенты-юристы даже по внешности отличались от философов, филологов, историков. Будущие прокуроры, судьи и силовики были более резкими, грубыми и малокультурными. Многие из них уже отслужили в армии, у некоторых ро-

дители работали в правоохранительных органах. Сила и мускулы ценились здесь больше, чем на других факультетах. Мой собственный выбор был предопределен юридическим образованием отца и желанием матери увидеть сына в роли вершителя справедливости.

Уже подходил к концу последний лекционный час, когда дверь аудитории открылась, и Рафа, извинившись перед преподавателем, жестами вызвал меня в коридор.

– Ну что там, артист умер, что ли?

– Да нет, такие сволочи живучие. Пошли во двор, разговор есть.

Университет находился в зеленом районе города и с двух сторон был опоясан небольшими парками. Обычно студенты там встречались, общались, ели бутерброды. У каждого были свои излюбленные места, и, если нам кто-нибудь был нужен, мы знали, где его искать.

– Ребят, у нас небольшой разговор, если можно, освободите, пожалуйста, эту скамейку.

– Конечно, Рафа, пожалуйста! – несколько студентов тут же встали со скамейки и ушли. Рафу и меня знал весь корпус.

– Не тяни, Рафа, ну, что у тебя за информация?

– А тебе до фонаря, да? Сам даже не поинтересуешься! Я по уши в дерьме, а твоя голова занята только белокурой французской куколкой! Я из-за нее человека чуть не убил, и на этот раз никакое состояние аффекта меня не спасло бы!

– Молодец! Вот, значит, как ты объясняешь свой идиот-

ский поступок! Ты зачем вообще его порезал? У тебя же мускулы в рукава не вмещаются! Может, ты ненормальный или трус, если чуть что хватаешься за нож? Любой из нас укокошил бы этого артиста за секунду, голыми руками, а ты, стокилограммовый зверь, перворазрядник по боксу и вольной борьбе, вздумал бить ножом. Может, ты мясник? Ну скажи, зачем ты так поступил? Выпил, под мухой был?

– А если бы он продырявил твою влюбленную башку? Тогда твоя блондинка досталась бы другому! Ишь ты, как сладко поет о милосердии, а сам так башкой ударил, что чуть инвалидом не сделал человека! Влюбленный пингвин, вот ты кто!

– Что? Я влюбленный пингвин? Это ты мне говоришь, носорог безмозглый?

– Ну ладно, ладно, не злись, не хочешь быть пингвином – не будь им.

– Знаешь, Рафа, если я пингвин, то ты, я уже сказал – бешеный носорог. Может, даже сумасшедший. Но настроение у тебя вроде неплохое, как я погляжу?

– Мы с Ваником ходили в больницу. Вообще он молодец, опытный, классный мужик. Я внизу подождал, а Ваника там знают, поэтому пропустили. Он нашел знакомого врача и пошел к этому педику, артисту. Его уже прооперировали. Рана глубокая, порез обширный, много крови потерял, так что месяца три-четыре проваляется, но угрозы для жизни нет и, надемся, не будет. Он живет со старой полуслепой матерью,

есть старший брат, не то архитектор, не то чертежник. До-знаватель уже дважды был у него. В этом плане артист ока-зался мужиком, ничего лишнего не сказал, но если мы пи-столет ему не отдадим, он угрожает, что все расскажет. Это его требование.

– Да ладно пугать-то! Ему же будет хуже.

– Тут есть одна тонкость. Он говорит, что пистолет не его, мол, попросил у Миши, хотел покрасоваться в компании де-вушек.

– Байки для первоклашек!

– Подожди, не торопись. Миша – серьезный парень, авто-ритет.

– Это какой Миша? Тренер по дзюдо?

– Да нет, директор фабрики спортивных товаров, предсе-датель Федерации бокса республики, богатый мужик, близ-кий друг начальника уголовного розыска Сано Багдасаряна. А про Багдасаряна ты знаешь, он подонок и садист. Короче, это не уличные хулиганы, с которыми можно справиться с помощью дружины, лучше дело закончить миром.

– А артист им кто? Кто он такой для авторитета Миши и его милицейских бандюг?

– Ваник сам в почете и говорит, что, во-первых, Миша и Леонид – одноклассники, даже родственники. Во-вторых, Леонид всегда поставлял Мише и Сано девчонок: своих воз-дыхательниц и всякую театральную шушеру. В общем, так, студент, хоть ты и начальник оперотряда, но я лучше знаю

улицу. Эти ребята серьезные, они не играют в пионерские игры вроде уличных драк и ударов головой. Снесут башку, и будет твоя куколка пару недель ходить в черном платье. Ах, как романтично! Букетик роз положит на свежую могилку храброго дружинника... Дай платок, сейчас разревусь... Понял, влюбленный, чуть не сказал – пингвин?

– Ну ты, носорог, мясник, чего ругаешься? Меня уже похоронил, Мари рыдает в трауре... Кстати, она меня ищет, видишь, идет к нам.

– Привет, ребята! Давид, я тебя искала, хотела узнать, как Леонид себя чувствует.

– Рафа навел справки, опасность миновала, но артист месяца два-три, а то и больше, проведет в больнице. Есть моменты, связанные с законом, надо их уладить.

– Ребята, я рада, что все может закончиться благополучно. Жаль, конечно, что человек получил серьезную травму. Ты, Рафа, не должен был так поступать, так нельзя.

– Девочка, это не твое дело и к тебе никакого отношения не имеет.

– Что имеет отношение к Давиду, имеет прямое отношение и ко мне.

– Ого! Ну вы даете! Уже тайно обвенчались? Ну молодец, начальник! Вот ребята посмеются...

– Такой вариант нашей жизни тоже возможен, хотя и преждевременен, – сдержанно заметила Мари.

Я изумленно уставился на нее.

– Ты что, студент, глаза таращишь? – зубоскалил Рафа. – А может, вы сообща решили надо мной поиздеваться? Да нет, она вроде всерьез решает за тебя! Вах-вах-вах, как плохо! Я потерял боевого друга, начальника оперотряда, а вместо него нашел подкаблучника... Сперва просит разрешения у подружки, нет, невесты, нет, лучше – будущей жены, и потом только говорит!

– Хватит, юморист, ты сегодня в ударе. Давай, продолжай, Мари в курсе всех моих дел.

– В общем, так. Леонид по телефону вызвал брата, мы ждали внизу. Они долго совещались, вышел брат и сказал, что на мировую артист пойдет после выполнения двух условий. Первое – вернуть пистолет.

– Ладно, выйдет из больницы, вернем. Но без обоймы.

– Ты слушай, это еще не все. Что самое интересное – он требует, чтобы мы дали ему пять тысяч рублей, иначе он напишет в ЦК, в Москву. Вот здесь, мой влюбленный друг, надо хорошо подумать и быть очень осторожными. Брат артиста намекнул, что они даже наняли одного журналиста. Ты ведь понимаешь, какие могут быть последствия? Мой папа, член правительства, вылетит тут же, твой папа – главный редактор партийного журнала – тоже вылетает с треском. Я, однажды уже освобожденный решением суда, вылечу из университета, и ты, влюбленный пингвин, тоже вылетишь. Но самое печальное – ты лишишься перспективы стать большим руководителем. И что особенно печально – язык даже не по-

ворачивается говорить! – Мари не выйдет за тебя, такого бесперспективного, замуж.

Я молча слушал, ошеломленный чудовищностью суммы, которую требовал артист за свое молчание. За такие деньги можно было купить четырехкомнатную квартиру в Ереване, трехкомнатную квартиру в Москве, машину «Волга»...

– И тогда, – продолжал, задыхаясь от хохота, Рафа, – ты, не могу не сказать «пингвин», сойдешь с ума и станешь по-этом! Будешь петь свою любимую песню: «О, Мари! О, Мари!»

Его веселье было так заразительно, что я тоже захохотал, как безумный. У обычно сдержанной Мари слезы брызнули от смеха:

– Давид – сумасшедший поэт, дерется головой, а ты, Рафа, станешь учителем физкультуры для трудновоспитуемых детей, там тебе самое место. Давид, а почему он называет тебя пингином?

– Потому что debil, мясник, да еще и носорог!

Студенты, сидевшие на соседних скамейках, удивленно смотрели на нас, а потом тоже начали хохотать.

– Слушай, Рафа, а может, мы его напугаем? – сказал я, отсмеявшись. – Засвидетельствуем, что он начал хулиганить, насильно целовал девушку, угрожая пистолетом...

– Самое страшное обвинение из вышеперечисленных – то, что он насильно целовал девушку. Ох, какая девушка меня с ума свела, разбила сердце мне... – напел Рафа слова извест-

ного шлягера. Потом продолжил: – Пистолет, как он теперь говорит – ясно, что его научили, – он нашел на улице, думал, пугач. Когда ты его нокаутировал своей гениальной головой, он вспомнил, что у него есть пугач, и решил спасти свою жизнь в чужой враждебной компании. Вытащил ствол, а его чуть не убили. Есть результат, остальное – сказки. Если бы за мной не было еще одного эпизода, можно было бы побороться. Но бороться сейчас? Я – рецидивист, ты – зачинщик. Если за каждый поцелуй нокаутировать, да еще головой... Полмира окажется в нокауте. Нет, я понимаю, поцелуй Мари этого стоит! Правда, не у всех голова такая крепкая, как твоя.

– Да, ты сегодня явно в ударе. Ладно, но, может, сторгуемся?

– Он дал нам недельный срок. После этого деньги должны быть у брата, а сейчас он готовит письма, – возразил Рафа.

– А если мы дадим денег, а он отправит письма?

– Не думаю. Мы возьмем расписку, что он получил от нас деньги на лечение, и его брат тоже подпишет.

– Смотри-ка, мозги у тебя работают. Сколько лет дружим, а я и не думал, что ты такой мыслитель! Прямо Вышинский.

– Короче, в пятидесяти метрах от нас ресторан «Крунк»¹¹, там подают вкусные хинкали, между прочим, отлично укрепляют мозги, – заключил мой друг. – Приглашаю вас, почти семейную пару, в ресторан. Покушаем, подумаем, Аллах ве-

¹¹ Крунк – по-армянски «аист».

лик, может, найдется какой-нибудь выход для нас, правоверных. Вместе с тем действия артиста подтверждают мои опасения, что он готовится к ответному удару, поэтому надо торопиться. Эта мразь не забудет, как мы его наказали. Такие избалованные жизнью и вниманием эгоисты бывают очень мстительны. Ему кажется, что все должны им восхищаться и терпеть любые капризы.

– Но как мы достанем такую огромную сумму, Рафа? Если только я соберу свою стипендию за пятнадцать лет. Это же почти годовая зарплата отца, что я скажу родителям?

– Как что скажешь? Расскажи, как ты хорошо дерешься головой.

– А ты – как ловко режешь по живому.

– Итак, Давид, – Рафа посерьезнел. – Я понимаю, что банальную драку я превратил в серьезную поножовщину. Стрелял бы артист или нет – это второй вопрос. Скорее всего, стрелял бы, потому что трус. К тому же после полученного удара он был в состоянии глубокого грогги¹² и не вполне контролировал свои действия. Но все это предположения, а результат таков: человек с сотрясением мозга, с глубоким ранением живота находится в реанимационном отделении. Безутешные поклонницы, сорванные спектакли, ажиотажный интерес – за какую Офелию дрался наш Гамлет? Пойдут слухи по городу – всем хочется знать, что случилось с их любимым трагическим артистом. И выяснится, что сту-

¹² Грогги – состояние шока, оглушенности после сильного удара в подбородок.

дент-второкурсник с очень хорошо отработанной техникой нанесения удара головой защищает студентку, но не обычную, а блондинку, француженку, от любвеобильного Гамлета. А кто обидчики Гамлета? Представители «золотой молодежи», устроители голубых вечеринок, дети высокопоставленных функционеров. Чем не тема для Би-би-си, а?

– Ты все больше и больше поражаешь меня своим умом. Где же он был, когда ты схватился за кинжал? Ладно, не будем обвинять друг друга, факт есть факт: надо спастись...

* * *

Вечером я проводил Мари и быстро вернулся домой.

– Ты что такой мрачный, сынок? – забеспокоилась мама.

– Все в порядке, мам, просто забот много: учеба, дружина, занятия, спорт. В ближайшее время студенческие соревнования...

– Давид, иди сюда, – подозвал меня отец, услышав мой голос. – Какой точный адрес Мари?

– А тебе зачем?

– Как это зачем? Я поинтересовался насчет установки телефона у них дома. Мне сказали, что в этом районе, вероятно, только через год-два проведут кабель, но воздушную линию установить можно. Пусть завтра Мари напишет заявление от имени отца и укажет, что папа или мама – сердечники, серьезно болеют, необходима постоянная связь или что-

то в этом духе. Во всяком случае, так мне сказал председатель райисполкома. Как Мари? Видишься с ней?

– Да, на переменах.

– Давид, я повторяю то, что уже сказал: Мари – девушка, несомненно, хорошая, но она уже знает, чего хочет в этой жизни, а ты – нет. Твоя будущая жена сейчас учится в начальной школе. Вот твоя мама – на восемь лет моложе меня. Возраст и опыт придают мужу весомость, он несет ответственность за семью, в том числе и за жену. Ее дело – вести хозяйство, хранить семейный очаг, рожать детей и следить за их воспитанием. Это ее главная задача, получится работать – хорошо, нет – не трагедия, на то и муж, он должен просчитать все варианты. Мари твоя ровесница, но по жизни она гораздо старше и умнее тебя, минимум лет на пять – восемь. Ты можешь быть для нее любимым мужчиной, но никогда не будешь настоящим авторитетом. Встречайся с девушкой, дружи, если, конечно, возможна простая дружба с такой красавицей, но не глупи, не порть себе и ей жизнь.

– Хорошо, папа, тогда я отложу свою свадьбу на один день.

– Не дурачься. Я надеюсь, ты понял, о чем речь. Жду заявления от Мари. Кстати, как ее фамилия?

– Фамилия? Отца зовут Азат, мать – Сильвия, а вот фамилия...

– Да, вижу, ты и вправду готов хоть завтра жениться на девушке, даже фамилии ее не спросив... – усмехнулся отец.

На следующий день после занятий я спросил у Мари, как ее фамилия.

– Ты как начальник оперотряда спрашиваешь? – съязвила она. – Думаю, правильней сказать: «Гражданка, предъявите паспорт!»

– Ладно, черт с твоей фамилией, пиши заявление насчет установки телефона от имени отца, укажи, что дома есть сердечник и необходима постоянная связь с поликлиникой.

– Сердечника у нас нет, но сумасшедшая есть.

– Догадываюсь: это ты.

– Я имею все основания восхищаться твоей догадливостью!

– И все же ты забыла назвать свою фамилию. Я не могу подать заявление в загс, не указав фамилии невесты.

– Ну хорошо, товарищ начальник, вы меня уговорили. Только будьте добры, в свою очередь, предъявите мне паспорт: хочу убедиться, не ожидает ли меня уголовное наказание за соращение несовершеннолетних. Кажется, так это называется на вашем юридическом языке? Открываю страшный секрет – моя фамилия Тоникян.

– Что за странная фамилия? Впрочем, у тебя все получается странным.

– Это еще одна причина, чтобы ты задумался, с кем свя-

зался, Давид... Знаешь, мне очень неудобно перед твоими родителями. Я очень признательна, что ты и твой папа по собственной инициативе делаете для нас такую, безусловно, важную вещь. Но мне очень неудобно. Может, ты скажешь им, что я и мои родители тебя об этом не просили? Пожалуйста!

– Это очень трудная просьба, я подумаю. А что взамен?

– Пирожки, ром-баба в буфете и бесплатный урок французского для отстающего студента!

– Мало.

– Вот станешь прокурором, тогда и будешь, как твои коллеги, брать более весомые взятки.

Глава 8

Прошло несколько дней, резко похолодало. Город стал неопрятным, людей на улицах поубавилось, летние кафе закрылись. Начиная со второй половины ноября Ереван теряет свою прелесть. Бывают годы с холодной, бесснежной зимой, в другие, наоборот, выпадает немало снега. Но обычно зимой не очень холодно, идет снег с дождем.

В полупальто до колен, со спортивным рюкзаком на плече, я выходил утром из дома и до трех часов дня проводил время в университете. На переменах, особенно на большой, встречался с Мари, мы вместе ходили в буфет или общались с друзьями. Почти все знали, что мы с Мари – неразлучная пара. Я гордился, что самая красивая и экзотичная студентка встречается со мной, начал больше внимания уделять своей внешности. Вся моя одежда казалась мне устаревшей и немодной. Бедная мама изо всех сил старалась доставать в комиссионных магазинах или с рук у спекулянтов все, что отвечало тогдашним критериям шика. Она понимала, что я старался быть равным Мари, и в свои расходы отца особо не посвящала. Мой франтоватый вид многим, особенно старшекурсникам и комсомольским активистам – как правило, серым, невзрачным ребятам из провинции, – казался вызывающим. Мол, зазнался парнишка, на папины деньги одевается, да еще с француженкой ходит. Так думали некоторые,

но слава хорошего спортсмена, борца и боксера, да еще и друга Рафы, не позволяли моим завистникам эту внутреннюю неприязнь излить наружу. Малейшая попытка заканчивалась вызовом во двор для выяснения отношений, что доставляло Рафе безумное удовольствие.

– Если ты, француз, сейчас же не припечатаешь его к асфальту через бедро или не отправишь в нокдаун, мне придется это делать самому.

– Не горячись, Рафа! Ну, обменялись парой нелестных слов, но это же еще не повод для драки!

– Еще чего! Он оскорбил моего друга, ясно? Я этого так не оставлю. Может, вы с ним братья? Или из Общества защиты животных? Ты же мужик! Или уже в штаны наложил? Давай, французский жених, а то завтра появятся желающие отнять у тебя Мари.

Так что я был вынужден иногда проявлять агрессивность, чтобы оправдать свое реноме.

– Слушай, старик (или «колхозник», если парень был из деревни), – обращался я к своему противнику, – уходи, здесь тебе не рады. А если еще раз оскорбишь эту белокурую девушку своими идиотскими фразами и хихиканьем, твоя колхозница-мамочка будет очень опечалена, потому что тебе понадобится долгосрочное лечение с усиленным питанием. Так что отвали!.. Ладно, до свидания, без обид, дружище.

– Ты ему еще и «до свидания» говоришь? – кипятился Рафа. – Эй, ты, куда пошел? Вот этот высокий хочет перед

тобой извиниться, а может, и уступить свою француженку!

– Да пошел ты, Рафа, маньяк чокнутый! А ты, колхозник, быстро топай, пока я не передумал.

Из-за этих моих выходов кто-то из старых знакомых даже спустя много лет меня недолюбливал, кто-то ненавидел, а с некоторыми мы стали открытыми врагами. Бывало и другое: мы вместе вспоминали юношеские шалости, шутили и расходились, позабыв о былой неприязни. Приходилось мне и извиняться за глупое поведение перед теми, кого я серьезно обидел. Но особенно мстительные недруги продолжали враждовать со мной еще долгие годы. Я заметил, что злобные и завистливые люди, как правило, болели сильнее и умирали раньше, чем добрые и умеющие прощать. Злоба и зависть разъедают душу и тело, мешают нам жить легко и свободно.

Столичных ребят на юрфаке было немного, основную массу составляли провинциалы не только из Армении, но и из соседних республик, в том числе из Краснодарского края РСФСР. Более-менее обеспеченные семьи отправляли своих детей в Москву и Ленинград. Ереванский государственный университет находился в центре города, где родились и выросли мы с Рафой. С восьми лет мы занимались боксом и борьбой. Частые совместные тренировки, несмотря на разницу в возрасте, сблизили нас с большинством спортсменов, среди которых превалировали уличные ребята, предпочитавшие именно силовые виды спорта. Впоследствии многие были осуждены на различные сроки, кое-кто «поднялся»

и закрепился в криминальном мире. Немало их стало успешными дельцами теневой экономики, фактическими хозяевами государственных заводов и фабрик, хотя числились они простыми рабочими, мастерами или заместителями начальников цехов. Еще тогда, в шестидесятые годы прошлого века, весь полуторамиллионный город знал, кому принадлежит карамельный завод, кому – текстильная и пищевая фабрики, кто хозяин бензоколонки на одной улице, а кто – на другой. Разумеется, большие машиностроительные и оборонные заводы остались под контролем государства, но бытовое обслуживание и местная промышленность были полностью «приватизированы» задолго до перестройки.

Некоторые из старых знакомых стали вполне умеренными, добропорядочными гражданами и отцами семейств, строго державшимися моральных устоев и ценящими дружбу, и отношения, которые завязались у нас в детстве и юношестве, продолжались многие годы, несмотря на то что в своем общественном и социальном развитии мы пошли по совершенно различным путям.

Мы с Рафой знали законы улицы и были в приятельских отношениях с уважаемыми в городе и республике спортсменами, что придавало нам особую значимость в кругу соучеников.

Родители Мари шили для нее модную одежду, на переменах девушки подходили и спрашивали, как и откуда она достает такие платья, многие просили пошить такие же и

для них. Позже я понял, что это была своеобразная реклама их семейного мастерства, способ увеличения клиентуры. В университете училось немало детей обеспеченных – разумеется, по тогдашним меркам, – родителей.

Расслоение общества уже шло полным ходом. Появились первые подпольные миллионеры, скупщики золота, ювелирных украшений и антиквариата – все это привозили из Москвы, Ленинграда и других городов и перепродавали в республике по баснословным ценам. Многие из этого добра возвращалось в Москву в качестве взяток союзным чиновникам из правительства, прокуратуры, Госплана для получения даже законно выделяемых для республики металла, древесины, техники, медицинского оборудования. В этом плане Армения никак не могла соревноваться с соседними республиками – Грузией и Азербайджаном, богатыми сельскохозяйственными продуктами и природными ресурсами. К тому же традиционно сложившиеся в этих республиках взаимоотношения населения и элит позволяли руководству более широко использовать криминальные деньги для подкупа союзных чиновников.

Как известно, в этом особенно усердствовал бывший глава КГБ Азербайджана Гейдар Алиев. В один из приездов Леонида Брежнева в Азербайджан Алиев – бывший генерал, а впоследствии первый секретарь ЦК Компартии республики – подарил генсеку его бюст из чистого золота весом семнадцать килограммов и инкрустированную пятикартными

бриллиантами саблю. Все это служило наглядной демонстрацией сложившейся в обществе ситуации фактического сращивания криминала и власти. Процесс внутреннего гниения огромной страны усиливался с каждым годом. Мы это видели, что-то понимали, но такого позорного коллапса, который последовал спустя всего несколько десятилетий, естественно, не ожидали.

Должен заметить, что провинциальные ребята, которые учились со мной в университете, во многом отличались от городских и по характеру, и по поведению. Они легко подчинялись власти, силе, заслуженному или незаслуженному авторитету. Дети несвободы, зачастую прожившие сложное, бедное детство, они, порой неосознанно, завидовали нам, более удачливым уже по рождению, сравнительно более свободным и обеспеченным. Разумеется, ни меня, ни Рафу, ни некоторых наших друзей, детей из чиновничьих кругов, нельзя было назвать богачами, но тем, кому пришлось жить в общежитии, на стипендию, по пять-шесть человек в одной комнате, с утренними длинными очередями перед холодными грязными туалетами, мы казались чуть ли не классовыми врагами – еще бы, ведь мы жили с родителями в квартирах в центре города, и у нас каждый день был горячий завтрак и горячий душ. Еще одной причиной острого раздражения служило то, что я и многие мои друзья не служили в армии, не работали до поступления в университет в колхозе или на заводе, носили модную и добротную одежду и более

того – встречались с самыми красивыми девушками. Парни из провинции понимали, что им такие девушки вряд ли доступны. Как несправедливо устроен мир! У них отцы погибли на войне, а эти фраера наслаждаются жизнью, веселятся, ходят гоголем, гордые и независимые, и мало того – нагло себя ведут, готовы в любой момент без особых причин ударить, унижить. Они же враги, подлецы, возможно, ненавидят Советскую власть!

Все это я инстинктивно чувствовал. Как же эти середнячки обрадуются, если артист Леонид обратится в органы, если нас с Рафой посадят, выгонят из университета! С каким возмущением они выступят на собраниях с требованием исключить нас из комсомола, отчислить из университета, посадить, отправить в Сибирь! Убрать подальше этих благополучных и удачливых, чтобы самим не чувствовать свою ущербность, невезучесть...

* * *

Ванику с трудом удалось убедить Леонида и его брата продлить срок выплаты денег еще на две недели. Как мы и предполагали, артист рассказал авторитету Мише, своему однокласснику, при каких обстоятельствах он получил ранение и потерял пистолет. Миша через посредника требовал от Ваника вернуть пистолет с условием, что он после этого умывает руки и не вмешивается в наши с Леонидом отношения.

Леонид, в свою очередь, еще не знал, кто эти ребята, которые так жестоко с ним расправились. Он плохо помнил подробности того вечера, но мы понимали, что как только он чуть-чуть придет в себя, тут же все выложит Мише, а тот заставит журналиста Сержа рассказать, ничего не скрывая, где и когда произошел инцидент.

Меня особенно беспокоило, что Мари окажется в центре разборок – по всему выходило, что фактически драка произошла из-за нее. Посоветовавшись, решили пистолет не возвращать: он был весомой уликой в наших руках. Если вдруг Леонид начнет жаловаться на нас, нам придется использовать этот факт. К тому же, пока пистолет у нас, Леонид побоится возбуждать уголовное дело. Нам хотелось юридически безупречно оформить передачу артисту денег, чтобы в случае чего представить этот факт как шантаж и вымогательство. Это, по нашему мнению, заставило бы его молчать. Для авторитета Миши уголовное разбирательство тоже представляло опасность: неизбежно возник бы вопрос, откуда у Леонида пистолет.

Мы с Рафой многократно совещались, перелистали всю возможную криминальную литературу, имеющую хотя бы отдаленное сходство с нашим случаем, взвешивали все аргументы за и против, но все равно понимали, что придется отдать артисту требуемую сумму, чтобы выйти сухими из воды. Я ходил на занятия, тренировался, встречался с Мари, но в голове у меня бесконечно крутились всевозможные ва-

рианты развития событий. Мама не оставила без внимания мою озабоченность, но она все объясняла проблемами, связанными с Мари.

Мари принесла заявление об установке телефона, и через несколько дней было принято решение провести в их дом воздушную линию. Я был безмерно рад тому, что в любой момент смогу общаться с любимой.

– Давид, послезавтра воскресенье, мама собирается готовить вкусный обед. Приходи, пообедаем вместе, слушаем музыку, а если будет не очень холодно, можем поиграть во дворе в настольный теннис.

Все как будто складывалось нормально, но угроза, исходящая от Леонида, не давала успокоиться. Я лихорадочно размышлял, где взять денег, и никак пока не решался поговорить с родителями. Каждый день откладывал беседу по пустяковым причинам, но понимал, что в конце концов придется выложить правду.

Воскресный день начался как обычно: я пришел к Мари, принес торт «Птичье молоко». Терезы дома не было, мы сели за стол, заговорили о каких-то незначительных делах. Я почувствовал, что родители Мари напряжены и хотят что-то мне сказать.

– Давид, – обратился ко мне за чаем мсье Азат, – я узнал, что ты попал в сложную ситуацию и тебе необходимы деньги для выплаты потерпевшему. Ты нам не чужой человек, мы все переживаем за тебя, поэтому решили предложить тебе

нужную сумму. Она, конечно, немаленькая, но думаю, главное сейчас – выправить ситуацию. Если сможешь, когда-нибудь, лет через пять – десять, вернешь. Не сможешь – ничего страшного, переживем.

Мари, напряженная, покрасневшая, смотрела в одну точку у себя в чашке.

«Любимая моя девочка, – подумал я, – как она переживает, сколько нервов потратила, пока решилась рассказать об этом родителям! Интересно, как они восприняли подобную весть и как пришли к такому решению?» Я не знал, что и как ответить. Бедные люди, в какое дурацкое положение я поставил не только меня и мою семью, но и родителей Мари! На что они идут ради своей дочери! Имею ли я моральное право брать у них деньги? Не по-мужски, не по-честному получается. Я сам пригласил девушку на вечеринку, и кто мог подумать, что случится такой кровавый инцидент? А в конечном счете приходится расплачиваться этой семье... Я смотрел на побледневшую, взволнованную мадам Сильвию, напряженное лицо мсье Азата, готовую заплакать или взорваться Мари. Эти люди казались мне близкими и родными, но мне от этого было не легче. Я продолжал молчать. Интересно, как я выгляжу в их глазах?

– Знаешь, Давид, – начала Мари, – эти деньги тебя ни к чему не обязывают.

– То есть? Что ты хочешь сказать?

– То, что ты можешь не встречаться со мной.

– Это что, цена моего ухода? – мне показалось, что от обиды Мари сейчас заплачет. – Ну, если я получу миллион, нет, десять миллионов, тогда, возможно, соглашусь уйти, но это еще не предел моей фантазии.

Родители Мари облегченно рассмеялись.

– Ну и дурацкие у тебя шутки, Давид, – прошептала Мари.

– Послушай, умная девочка, не лучше ли дурацкие вещи сказать шутя, чем с таким скорбным видом, как у тебя, сообщить приятные новости?

– Давид, я поступаю так потому, что во всем этом есть и моя вина.

– Да в чем она состоит, Мари? Можешь объяснить?

– В том, что я согласилась танцевать с этим артистом.

– Мне показалось, что этим ты хотела разрядить обстановку. В общем, денег я от вас не возьму.

– Почему? – спросила Сильвия. – Разве мы чужие? Мы знаем, что ты не решаешься сказать родителям. В конце концов, не исключено, что найти такую сумму для вашей семьи довольно сложная задача.

– Должен признаться, что Мари была права. Надо было обо всем честно рассказать родителям. Я знаю, в какое затруднительное положение их ставлю, но это честнее, чем получить деньги от вас, никак не причастных к произошедшему. Мне придется нелегко, но совесть моя будет чиста.

– Тогда ни в коем случае не рассказывай родителям, что мы предложили тебе деньги, – попросила Мари.

– Почему? Это такой благородный шаг с вашей стороны!

– Нет-нет, не нужно им об этом знать. Вдруг они подумают, что я хочу еще теснее привязать тебя к себе.

– Куда уж теснее! Я и так каждый день у вас, за два месяца дома почти ни разу не обедал.

– Они могут подумать, что я хочу женить тебя на себе.

– Интересную мысль ты мне подала. А почему бы и нет? Я согласен! Как я могу отказаться от такого предложения?

– Папа, мама, я же говорила вам, что этот парень совсем зеленый, он еще мальчик, – вздохнула Мари. – Знай, Давид, какие бы чувства я к тебе ни испытывала, я за тебя не выйду никогда. Запомни мои слова: никогда.

– А ты знаешь известный афоризм: никогда не говори никогда?

– Ну все, дети, заканчивайте ваш дурацкий спор, – заявил мсье Азат. – Кто и когда выйдет замуж или женится, нам неинтересно. Жизнь у вас только начинается, вы еще много раз измените свое решение. Знай, Давид, – продолжал он, – эти деньги у меня, в любой момент ты их получишь, мы предложили их тебе без какой-либо задней мысли. Нам с Сильвией Бог не дал сына, и мы тебя искренне любим, как родного, а за себя пусть Мари сама решит.

* * *

Вечером я долго крутился на кухне, пока не привлёк вни-

мание мамы.

– Ты что-то хочешь сказать, Давид?

– Нет, мам, просто так.

– Папа скоро придет, тогда поужинаем. Чувствую, что-то тебя беспокоит.

– Мам, мне нужны две тысячи рублей, – выпалил я.

– Две тысячи! Ты хочешь машину купить?

– Нет. В общем... у меня долг.

– Ты что, в зары¹³ играл? С кем? И проиграл такую сумму? Кто этот бандит? Папа его посадит! Да нет, ты в такие игры играть не стал бы... Или это как-то связано с Мари?

– Ты что! – закричал я. – Не трогай Мари, она святая! Да они сами были готовы мне дать эти деньги, даже заставляли их взять!

– Заставляли? Что случилось, Давид, почему они заставляют тебя брать деньги? Вот сейчас отец придет, и мы во всем разберемся. Хотели людям помочь телефон установить, девушка показалась мне такой достойной, умной, а что получается на самом деле? Всего пара месяцев, как она появилась, и все пошло кувырком!

– Мама, эти люди к моим проблемам не имеют никакого отношения, они просто хотели помочь мне!

– Люди тебя знают два месяца, однажды ты у них переночевал. А потом они предлагают тебе такую сумму, почти двухлетнюю мою зарплату! Это что, так принято у францу-

¹³ Зары (араб.) – игральные кости.

зов? Должна я удивляться или нет? Или ты считаешь, что это абсолютно логично и естественно, да?

Вошел папа, открыв дверь своим ключом.

– Все дома? Где наш молодой боксер? А, свои талоны на усиленное питание расходует... Что-то случилось? У вас напряженные лица.

– Переодевайся, мой руки, я пока на стол накрою, – сдержанно произнесла мама.

– Что случилось, Люсь?

– Сущий пустяк, парню срочно нужны две тысячи рублей. А французы его заставляют взять эти деньги.

– Все не так, мам, дай мне сказать! – вспыхнул я.

– Люсь, а чего ты волнуешься? Что меня поражает – это та прыть, которую проявляют наши возможные будущие родственники.

Папа был в хорошем настроении, он вообще всегда шутил, и ему это, как правило, удавалось.

– По-видимому, – продолжал он, – они хотели купить для молодых небольшую квартиру, ну, предположим, однокомнатную, чтобы наш сын не мотался каждый день по всему городу. Чтобы они с девушкой вместе ходили на занятия, вместе возвращались... обед, понятное дело, они готовить не будут, в один день придут обедать к нам, во второй – к ним. Они же будут очень заняты созданием потомства... Чем плохая перспектива, Люсь?

– Папа, у меня нет настроения шутить. Я хочу, чтобы вы

знали: я попал в сложную ситуацию.

– Почему в сложную? Ты же не остался без крыши над головой. У нас четыре комнаты, одну возьмете вы, думаю, и на кухне место для нашей белокурой парижанки найдется. Понятно, что она там появится только для того, чтобы покушать. А я брошу английский и начну заниматься французским. Все очень даже интересно складывается.

– Папа, меня могут выгнать из университета, наказать, даже посадить!

– Что случилось? – отец моментально стал очень серьезным.

Я рассказал всю историю в общих чертах, стараясь поменьше упоминать о Мари.

– И этот артист сейчас в больнице? Есть угроза его жизни?

– Врачи говорят, рана серьезная, но опасность миновала.

– И он требует от вас пять тысяч рублей? Да, это, конечно, немалые деньги. Но опасность кроется в другом – в незаконном хранении огнестрельного оружия, это тоже чистый криминал.

– Знаю, но пистолет – наша единственная серьезная улика. Если дело примет другой оборот, артиста можно посадить именно за незаконное хранение оружия.

– Что вам с того, что артиста посадят? Начнем с того, что пока во всей этой истории он единственный потерпевший. Публика его любит, и этот случай – дополнительная реклама для него, как и для парижанки, за которую два стокило-

граммовых спортсмена набросились на подвыпившего артиста, еле стоящего на ногах. Один из них применяет излюбленный прием уличных хулиганов, кувалдой-головой ломает любимцу публики носовую перегородку, а другой, уже побывавший под следствием за убийство, правда, совершенное как будто в рамках необходимой самозащиты, наносит человеку глубокое ранение в живот. Дослушай, не делай резких движений. Все там присутствовавшие также подлежат наказанию за то, что не сообщили о преступлении. Но с учетом того, что они студенты и это было в первый раз, их ждет административное наказание, так как, повторяю, фактически они стали свидетелями преступления и никому не сообщили. Понял? Вот так, сын, выступают адвокаты, прокуроры, вот так преподносят газеты. Конечно, нам с отцом Рафы в этом случае на своих должностях не удержаться. Как я могу быть руководителем идеологического фронта, если мой сын, борец-хулиган, наносит трагическому герою, учтите, Русского театра, травму? Может быть, он вообще против того, чтобы в Армении действовали культурные заведения на русском языке? Да еще и родные дяди его отца отличились: один был армянским националистом, убил пристава, а другой, царский офицер, сражался против Советской власти. Не говоря уже о материнской линии, тоже далеко не пролетарской. И вот их потомок сегодня наносит травмы не кому-нибудь, а человеку – проводнику языка великого Ленина, в далекой, мечтающей о независимости и историческом

реванше Армении. Вот, мой мальчик, как можно объяснить происходящее. Первый же инструктор ЦК КПСС или Комитета партийного контроля из Москвы напишет такой доклад, что ты сам себя будешь презирать и требовать самого сурового наказания. А если к этому делу еще подключится КГБ, а они обязательно подключатся, им сейчас особо нечего делать, окажется, что Мари – это не Мари, а Мата Хари, засланная в нашу родную социалистическую страну шпионить и разлагать советскую молодежь. Она уже смогла с помощью своей исключительной красоты создать вокруг себя шпионскую сеть с привлечением двух идиотов-спортсменов, юристов, детей высокопоставленных чиновников. Вот так, сын мой. В прежние годы сосланные в Магадан и на Колыму люди имели в сто раз меньше улик против себя, чем вы сегодня.

– Папа, Жюль Верн и другие писатели-фантасты просто дети перед тобой. Ну и фантазия!

– Сынок, я партийный журналист, учти, заслуженный журналист, а вот фантасты, да еще какие, сидят в КГБ и КПК, и притом то, что я сказал, намного логичнее, чем все, за что в свое время увозили в Магадан собирать урожай винограда и бананов. Еще недавно людям предъявляли такие обвинения, которые только последнему дебилу могли показаться обоснованными и разумными.

– Тогда что мне делать? Может, уже не ждать суда и приговора, а сразу купить билет в Магадан и устроить там комсомольскую свадьбу с Мари?

– Не получится, для этого надо сперва принять ее в комсомол.

– Да, в комсомол она не хочет...

Прозвучал телефонный звонок. Я пошел снимать трубку – вдруг это ребята из штаба?

– Давид, это я, Мари, с нашего телефона, первый звонок вам! Поблагодари отца и маму от меня и от моих родителей, я очень рада и признательна! Позвоню сейчас Варужану и Аиде, другим знакомым и подругам. Запиши номер, я перезвоню через час. Еще раз спасибо!

– Мари благодарит за установку телефона от себя и от своих родителей.

– Хорошая девочка, – кивнул папа, – жаль, что не наша.

– Что значит – не наша? Советская гражданка, ну, полуармянка. Она же не виновата, что родилась там.

– Не национальность и не гражданство определяют внутреннее состояние человека, а его предпочтения. Мари и ее семья не нашли в этой стране того, что искали, – человечности и доброты. При первой же возможности они улетят. Попомни, сын, мои слова: они не останутся здесь. Сожалею, но послушайся моего совета, не связывай с этой девушкой свою судьбу, расставаться потом будет сложно. Придется всю оставшуюся жизнь жить со шрамом на сердце...

Папа и мама нашли необходимую сумму для покрытия моего долга. Собирали по частям у родственников и знакомых под предлогом покупки импортного мебельного гарнитура. Деньги Ваник передал брату артиста, взяв с обоих расписку, что претензий и жалоб они не имеют. Кроме того, братья подтвердили в милиции главную версию произошедшего: что незнакомые хулиганы напали на Леонида на улице и нанесли ему ножевое ранение, что он был пьян и потому не помнит подробностей. Ваник и Рафа пообещали вернуть пистолет, но, получив от Леонида расписку, Рафа внезапно передумал и решил оставить оружие у себя. Мои уговоры сдать пистолет в милицию как найденный на улице никак на него не действовали. Я знал, что маленький дамский браунинг ему очень понравился, и Рафа не расставался с ним – даже в жару он носил пистолет под сорочкой навывпуск или в кобуре на ноге. В общем, сколько я знал Рафу, без оружия он практически никогда не выходил из дома – до браунинга он постоянно носил тот самый охотничий нож, который чуть не превратил происшествие с Леонидом в непоправимую трагедию.

Постепенно частые встречи с Мари и оживленная студенческая жизнь отодвинули случившееся на дальний план. Лишь через полгода Леонид вернулся на сцену. Несколько

раз мы с Мари видели его на улице, потяжелевшего и какого-то несвежего. Он делал вид, что не замечает нас, мы, в свою очередь, проходили мимо, делая вид, что не замечаем его. Ваник, несмотря на свой уже солидный возраст – ему было тогда лет тридцать пять, – продолжал с нами дружить. Особенно тесно он общался с Рафой и постепенно превратил того в заядлого мотоциклиста. Когда я в последний раз по его просьбе попытался уговорить Рафу вернуть пистолет и забыть имя Леонида, предупредив, что пока мы это не сделаем, возможность подвохов со стороны Миши остается, разговор закончился острым спором.

– За этот пистолет мы с тобой заплатили бешеные деньги! – жестко заявил Рафа. – Раз ты его не хочешь, он мой. Можешь передать Мише, что пистолет именно у меня. Кто хочет вернуть пистолет, пусть попробует отнять его. Баста! Я свое слово сказал.

Больше мы к этому разговору не возвращались. Мои родители постепенно отдавали долги.

Глава 9

Приближались январские праздники. В дни моей молодости к этому главному событию года люди готовились особенно старательно. В течение предыдущих месяцев каждая семья, по мере своих возможностей, накапливала большое количество консервов, выпивки, сладостей, сухофруктов и многого другого. Люди обменивались излишками продуктов с таким расчетом, чтобы по возможности расширить имеющийся у них ассортимент.

В праздничные дни близкие или просто более-менее хорошо знакомые люди ходили друг к другу в гости. Если кто-то из друзей не появлялся, об этом помнили: «Такой-то и в прошлом году у нас не был, значит, не хочет с нами дружить». Особенно много гостей принимали люди, стоящие на более высокой социальной ступени. Порой новогодние поздравления принимали форму подхалимажа, когда утром первого января весь коллектив, вернее, руководящий состав коллектива, шел поздравлять своего начальника. Таковы были правила социальной жизни, начиная со школы и заканчивая ЦК и Совмином республики. Инструкторы райкомов, горкомов, ЦК утром шли поздравлять первого заместителя отдела, а потом вместе с ним – заведующего отделом. Последний со своими заместителями поздравлял отраслевого секретаря. Тот, уже с другими членами Бюро ЦК, отправлялся по-

здравить первого секретаря и выразить бесконечную благодарность судьбе за то, что он с самого рождения всей своей деятельностью отстаивал благо нации и народа, а подчиненным выпала великая честь и счастье быть его соратниками и солдатами. Здесь я ничего не приукрашиваю – скорее, даже смягчаю, потому что, например, в мусульманских республиках лесть и подхалимаж принимали совсем уже средневековые формы, напоминающие отношения вассалов с падишахом.

Хождение по гостям продолжалось до 13 января включительно. Тогда еще раз отмечали Старый Новый год, и праздники завершались. Замечу, что до советизации в народных традициях всего этого не было. Почему же небогатое население богатой страны так пышно отмечало новогодний праздник? Это был почти языческий обряд, можно сказать, гимн изобилию и сытости. Народ, видевший в своей жизни только постоянный голод и лишения, именно в эти праздники хотел оставить все негативные воспоминания в прошлом. Только в эти дни люди любого возраста пели, плясали и радовались самозабвенно, от души. По количеству коньячных бутылок – почетно было приносить с собой марочные коньяки – считали, сколько гостей в этот день было у хозяина дома. На улицах празднично одетые люди семьями ходили от одного знакомого или родственника к другому.

Наша семья во многом была нехарактерной. Во-первых, папа ходил только к бабушке, пока та была жива, и к сво-

им сестрам, причем без мамы – она оставалась дома. Во-вторых, он никогда не курил, а к спиртному еле притрагивался, и то только после произнесенного тоста. Мама иногда позволяла себе шампанское и легкие вина. Мой дед по материнской линии Арутюн, согласно народным традициям Зангезура, откуда он был родом, сам готовил сорокаградусную водку из тутовых ягод из собственного сада. Некоторое количество водки делалось еще более крепкой, выше шестидесяти градусов – дед называл ее «водородной». Такая водка обладала лечебными свойствами, в частности, широко применялась в народе при лечении язвы желудка и ряда других болезней. Несколько трехлитровых бутылок такой водки дед обязательно приносил нам в подарок. Папа с удовольствием угощал ею гостей, особенно приехавших из Москвы или из других республик, долго хвалил ее и рассказывал о ее целебных качествах. Было у этой водки еще одно чудесное свойство: очень быстро, буквально через час, чувство тяжести и опьянения полностью испарялось.

Дома у нас царил культ спорта, физической силы, мужественности, которую с раннего возраста прививал нам отец. Он часто напоминал, что мы – потомки храбрых воинов и добропорядочных христиан, но сам никогда в церковь не ходил и был нерелигиозным, впрочем, как и мама. Однако у мамы была на то другая причина. Если папа был партработником и партийным идеологом, то мама все время повторяла одно и то же: «Если Бог есть, почему на земле столько

жестокости и несправедливости, особенно по отношению к такому маленькому клочку земли, как Армения, и к такому маленькому христианскому народу?»

Первого января моя бабушка и тети всегда ходили в церковь молиться за ушедших близких – своих погибших мужей, сыновей и родственников. Мари, в черной одежде и с покрытой головой, тоже ходила вместе с родителями в церковь, но двадцать пятого декабря – по католической традиции. В следующий раз семья Тоникян отправлялась в церковь шестого января – в этот день армяне празднуют Рождество. Молились они с чувством, усердно.

Традиция обмениваться подарками не была еще распространена так широко, как сегодня. Конфеты, торты, вина, коньяк, духи и платки женщинам – вот и все, не более. Да и подарить было особо нечего, ведь страна жила в тотальном дефиците. Однако голод и нищета давно остались позади, на улицах можно было видеть немало полных людей, чего раньше не встречалось. Появились первые валютные магазины, как мы их тогда называли – «чековые». Первый же рейд моего оперотряда в такой магазин грубо и бесцеремонно сорвали переодетые в форму милиционеров чекисты, которые никому не разрешали вторгаться в их вотчину.

Мама, понимая, что я ищу подарок для Мари, достала через знакомую привезенную из Москвы большую куклу, очень похожую на мою девушку, а я приобрел по сходной цене у молодых фарцовщиков блок сигарет More для мадам

Сильвии – длинных черных, тогда они были очень модными – и несколько блоков жвачки для Мари и Терезы.

Приход Нового года мы отмечали два раза: по ереванскому времени, что на час раньше московского, и по московскому, с боем кремлевских курантов. По традиции встречать полночь полагалось дома, среди самых близких и родных, поэтому я сидел за столом вместе с мамой, отцом и братом. Первый телефонный звонок был от Мари, которая радостно и сердечно поздравила моих родителей с наступившим праздником. Через тридцать минут я уже был у нее. Наступил 1960 год – первый Новый год после моего знакомства с Мари.

Нам обоим стукнуло девятнадцать лет.

* * *

– Давид, сынок, ты не представляешь, как мы праздновали Новый год в Париже! Мы с Мари катались на карусели. Потом все вместе в кафе встречали полночь. Весь народ пел и танцевал.

Все они – мсье Азат, мадам Сильвия, Мари – взахлеб пересказывали мне какие-то памятные им эпизоды парижской новогодней жизни, показывали чудесные открытки, привезенные оттуда. Я старался делать вид, что мне интересно, но на самом деле мне становилось все грустнее и грустнее. Я понимал, что они все еще находятся в той жизни и втайне

мечтают вернуться туда. А у меня другая жизнь, и линии наших жизней как будто идут параллельно, не соединяясь, а потом одна вдруг сворачивает налево, а другая направо, и обе исчезают за горизонтом.

– Давид, сынок, почему ты загрустил, что случилось? – спросила мадам Сильвия.

– Ничего. Странные люди в нашем деканате, на третье января уже назначили экзамен по финансовому праву.

Мари долго и пристально смотрела на меня, не мигая и не отводя взгляда, как будто понимала, о чем я думал минуту назад.

– Кстати, Давид, – оживился мсье Азат, – у меня есть один клиент точно твоего размера и комплекции, но его почему-то нет в городе, а пальто для него я обещал сшить точно в срок. Давай я сниму мерку с тебя, посмотрим, что получится.

Я равнодушно согласился и вскоре, сославшись на необходимость готовиться к экзаменам, попрощался и уехал домой. Мари не вышла меня провожать, как она это обычно делала. На улице было сыро и неуютно. На душе у меня скребли кошки.

– Почему так рано? – удивилась мама, когда я открыл дверь. – Я думала, ты еще часа на два задержишься.

– Нет, мам, у них были гости, и я решил поскорей вернуться. Отдохну, чтобы утром успеть сходить к бабушке, к тетям, в общем, совершить все необходимые ви-

зиты.

— К дедушке мы пойдем вместе, а сейчас еще можно успеть к бабушке и тетям. Папа и твой брат уже там. Иди, они всегда радуются, когда ты их навещаешь. Не забудь взять шоколад и шампанское.

* * *

Сессионные экзамены мы сдавали по отлаженной схеме. Все курсовые я выполнял за себя и за Рафу. Оба варианта с рукописного черновика перепечатывала машинистка из редакции отца. Конечно, было слегка подозрительно, почему мы представляем работы в печатном виде. Но преподаватели знали, кто мой отец, многие печатались у него в журнале (это было почетно), так что особых проблем не возникало. На экзамен мы приходили или самыми первыми, или самыми последними, но всегда вместе. Рафа вслух читал вопросы, как бы сомневаясь, правильно ли он их понимает, я быстро писал для него ответы, разными путями передавал ему листки, и он зачитывал текст. Конечно, случались и казусы — например, когда Рафа забывал прочитать вопросы вслух. Тогда приходилось ему подсказывать. Удивленному преподавателю мы объясняли, что готовимся к экзамену вместе.

Конечно, Рафа был далеко не глупым парнем, довольно начитанным и остроумным, но предпочитал делать лишь то, что ему нравилось. Читал он, в основном, детективы, хо-

рошо разбирался в технике. Часто пропускал занятия. Он мог появиться в середине учебного дня, вздремнуть на лекции, но спортом занимался страстно и даже как-то ожесточенно. Для него, как во многом и для меня, спорт был способом самоутверждения, выходом накопившейся энергии, возможностью встречаться с друзьями вне университетского круга. Я входил в сборную университета по вольной борьбе, Рафа – по боксу, так как был перворазрядником по обоим видам спорта. В отличие от него я боялся сломать нос, повредить лицо и обращал повышенное внимание на свой внешний вид. Старался быть отличником, выполнять общественную работу начальника оперотряда, чтобы на третьем или, в крайнем случае, четвертом курсе вступить в члены КПСС. Это было необходимым условием для будущей удачной карьеры: открывалась возможность получить хорошее назначение – скажем, в прокуратуру, районную партийную или комсомольскую организацию, райсовет, райисполком или КГБ. В противном случае меня ждала милиция, какая-нибудь юридическая контора, юротдел завода или фабрики, в конце концов адвокатура или нотариат.

Разумеется, я не собирался надолго задерживаться в любой из этих организаций, так как главной целью была очная аспирантура в Москве, но три или четыре года было желательно поработать. Как я уже сказал, вступление в КПСС предусматривалось в основном на третьем или четвертом курсе, редко – на втором, только если кандидат имел трудо-

вой стаж или прошел службу в армии. Университетский партийный комитет каждому факультету выделял в год по три – пять мест. На них претендовали отличники учебы, аспиранты, студенты вторых – пятых курсов, молодые сотрудники учебно-вспомогательного состава. Конкуренция была сильнейшая и ожесточенная, так как каждый уже с этого возраста боролся за свое место в обществе.

Первыми кандидатами в члены КПСС стали староста Князь и еще двое взрослых ребят, служивших в армии, серьезных и неплохо учившихся. Это было нормально: у них за плечами было несколько лет трудового стажа, и мне с моими данными претендовать на вступление в партию на втором курсе было преждевременно.

Комсомольская организация рассматривала кандидатуры нескольких студентов нашего факультета. Серьезность вопроса была всем известна, все в душе хотели пройти отбор, хоть и по разным причинам, а вот реальная возможность имелась у очень немногих. Первое условие – высокая успеваемость, второе – активная общественная работа и, наконец, поддержка курса. Я был уверен, что удовлетворяю всем этим условиям.

В тот год мы получили всего два места. Князь поддерживал и хвалил мою кандидатуру: мол, я хорошо учусь, занимаюсь саморазвитием, выполняю общественную работу да еще представляю университет на межвузовских спортивных соревнованиях. Но я еще молод, а другие ребята – с большим

трудовым стажем, прошли армию, из рабочих трудовых семей, что тоже считалось плюсом. Поэтому он отдает предпочтение им и считает целесообразным обсудить мою кандидатуру в следующем году. Вероятно, он был прав, но его главная мотивация ни для кого не была секретом.

Собрание проводил бесхребетный легковесный доцент, секретарь парторганизации факультета. Начались выступления. Ребята из провинции с трудовым и армейским стажем составляли большинство учащихся курса, и чаша весов постепенно склонялась в сторону их общей кандидатуры. Все они меня хвалили, но поддерживали других. Видно было, что в этот раз Князь сумел сколотить группу из нескольких человек, которые, впрочем, все были членами моего оперотряда. Рафа, до этого сидевший молча, обернулся к залу и поднялся с места:

– Я согласен, что у этого парня за плечами армия, но чем он себя проявил уже здесь, в университете? Учится неплохо, но ведь уступает Давиду, это факт, да и никакой общественной работы не ведет. Поэтому хватит, кончайте базар! Я сам проведу голосование. Кто за Давида? Начинаю с первого ряда. Ты? Ты?.. Кто против? Против нет? Молодцы, умные ребята, сделали правильный выбор, продолжайте собрание, – и сел на свое место.

Все понимали, что даже если я обижусь, то не стану ни к кому применять физическое принуждение. К тому же подобные отношения были характерны на первом курсе, ред-

ко – на втором, когда все уже хорошо познакомились друг с другом. Сейчас все уже успели подружиться, и решать такие вопросы с позиции силы никому и в голову не приходило. А Рафа другой, с ним что-либо обсуждать сложно, конец мог быть самым непредсказуемым. Перед его бешеной агрессивностью трепетали все. Подавленный, обиженный, несмотря на успех, я покинул собрание. «Вот как, – думал я, – ребята меня любят, но как только доходит до столкновения интересов, все хорошее и объективное забывается». Мари с нетерпением ждала меня в коридоре.

– Получай, подруга, своего партийца! – обратился к ней Рафа. – Давайте отметим нашу удачу! А я должен еще встретиться с Юлей.

Пришли в наше излюбленное место рядом с университетом, заказали, как обычно, куриный кебаб, овощной салат, хинкали, тархуновый лимонад, сыр, мацони. Подошла новая подруга Рафа, русская девушка Юлия из Нижнего Новгорода. Юля училась на третьем курсе Института физкультуры и уже имела звание мастера спорта по метанию диска, жила в общежитии в сравнительно неплохих условиях, и Рафа был у нее частым гостем. Девушка она была видная, одного роста с Рафой, и могла без труда свалить двух крепких парней, при этом была удивительно стройна, даже изящна. Как часто бывает, когда встречаются две противоположности, они легко сходятся. Крепкая и мужественная Юлия и женственная, артистичная Мари быстро нашли общий язык и даже подру-

жились.

– Мари, ты почему такая невеселая? И какая-то задумчивая. Что-нибудь случилось?

– Нет, Давид, все в порядке.

Вскоре мы тепло распрощались с Рафой и Юлей и поехали домой к Мари.

* * *

– Может, чаю попьешь, Давид? У меня сегодня вкусные пирожки, – предложила мадам Сильвия, – а потом пойдешь домой.

– Мама, он вступил в партию.

– В какую партию?

– Какая еще есть партия в этой мрачной стране? – воскликнула Мари со слезами в голосе. – Давид, и на кой черт тебе партия? Ты что, до конца своих дней решил жить в этой жестокой, несправедливой империи, где все люди – враги друг другу?

– Мари, мы с тобой по-разному воспринимаем окружающий мир. У тебя обостренное и гипертрофированное восприятие негативных сторон нашей жизни.

– Да, конечно, для тебя, сына партработника, уже партийца, открылась дорога к хорошей по вашим меркам государственной службе. А вот скажи, репатриант может вступить в партию?

– Исключительно редко, только если это известный артист или врач.

– А есть ли среди парработников, чекистов, милицеских чинов хоть один репатриант?

– Нет, конечно, и ты это хорошо знаешь.

– А ты сам знаешь, кто твой участковый милиционер? Фининспектор? Вряд ли. А ведь их надо кормить, этих людей с мизерными зарплатами, государство же их не кормит, государство в вашей стране все перекладывает на плечи своего народа. Их кормит частный, индивидуально работающий ремесленник, стоматолог, врач, портной, сапожник, торговый работник, да тот же спекулянт. И, в конце концов, криминал. Я сужу по моему отцу. Не хочу, чтобы он вечно дрожал от страха перед этими людьми. Не хочу вечно быть человеком второго сорта у себя на родине. В капиталистической Франции мы были абсолютно равны, все мы: партийцы, не партийцы, французы, евреи, хоть черти, неважно, все были равны во всем. А здесь даже среди представителей одной нации такое различие – местные и приезжие, русские и все остальные, основная нация в республиках и национальные меньшинства. Так, Давид, вы когда-нибудь дойдете до новой гражданской войны. Я никак не чувствую себя ниже других и в корне отвергаю то, что мы ниже русских, что я ниже тебя, потому что ты местный и партиец.

– Ну вот, новая Роза Люксембург появилась. Очевидно, Варужан перестарался. Ты же повторяешь его слова.

– Можешь донести на Варужана, так должен поступить настоящий партиец. Чем ты хуже Павлика Морозова? Возможно, это тебе зачтется.

– Не уверен, что зачтется, поэтому не донесу. Такая версия тебя устраивает? Интересно другое. Почему ты всю эту чушь говоришь мне сегодня? Как-никак день для меня такой удачный, и ты с таким нетерпением ждала результатов голосования. Неужели ты не рада моему успеху?

– Нет, не рада.

– И почему же?

– Боюсь, что все это, Давид, отдаляет нас друг от друга. Это для меня важнее, чем твой мнимый успех.

– Не хочу спорить. Может, куда-нибудь сходим? Или останемся дома?

– Завтра у нас концерт Стравинского по абонементу. Давай лучше сегодня немного позанимаемся.

В университете нам раздавали абонементы на симфонические концерты, и мы, по настоянию Мари, два раза в месяц присутствовали на них. Постепенно я тоже увлекся классической музыкой и с удовольствием ходил почти на все концерты. Сперва эта новость сразила Рафу и некоторых моих друзей своей дикостью и необычностью. А потом они пришли к общему выводу, что я просто хочу быть с Мари, так как «нормальный» парень моего склада не может любить симфоническую музыку, тем более по собственной воле ходить на такие концерты.

Пятого января, перед православным Рождеством, как правило, проводился молодежный вечер. Обычно все мероприятия подобного плана организовывал наш друг Георгий, Голубоглазый Джордж, как мы его называли. Он получал истинное удовольствие от таких встреч, имел много друзей в разных институтах, особенно в театральном и в консерватории, из-за возможности завести там новые интересные знакомства. Девушки с большим удовольствием принимали его приглашения. Георгий умел найти общий язык со всеми, искал и находил новых интересных людей, в том числе артистов, певцов, литераторов. У него была отдельная трехкомнатная квартира, которую он превратил, как он выразился, в оазис ненормальной еды и ненормальной выпивки, куда приходят сплошные педики – имея в виду длинноволосых музыкантов, артистов и писателей, среди которых и впрямь иной раз трудно было с первого взгляда отличить юношу от девушки. Георгий был любителем живописи и имел большую коллекцию работ отличных мастеров. А еще он скрывал, что это его квартира, и всем говорил, что она принадлежит мифическому дяде Георгия, которого мы ни разу не видели. Такая осторожность объяснялась тем, что отец Георгия был членом Верховного Суда Армении и, по всей видимости, старался держать в тайне свои реальные финансовые

возможности. К тому же он знал, что его сын дружит с нами, был знаком с нашими родителями и явно не хотел, чтобы мы рассказывали дома об их квартире, серебряной посуде и коллекции картин.

Гости на вечеринке собрались в основном из медицинского института, консерватории и театрального института, все интеллигентные и все, как на подбор, русскоговорящие, выпускники русских школ и учащиеся факультетов, где преподавание велось на русском. В консерватории, политехническом и медицинском институтах русский язык использовался чаще, чем в Ереванском университете: у нас занятия проводились на армянском, за исключением только одного факультета – русской филологии.

Пришла Иветта – моя давнишняя знакомая. Она была удивительно похожа на Элизабет Тейлор: невысокого роста, прекрасного телосложения, с большущими миндалевидными глазами, гладкой матовой кожей, красивым, даже несоответствующим ее изящной комплекции пышным бюстом, роскошными черными волосами и тонкими, очень густыми бровями. Иветта безумно нравилась всем ребятам – в том числе за веселый характер и свободный нрав. Родом она была из Баку и жила в доме родителей Лили. Я знал, что отец Иветты – профессор Бакинского института экономики и финансов и что с родителями осталась старшая дочь – не то разведенная, не то в процессе развода женщина с двумя детьми. Иветта одной из первых обратилась в оперотряд, чтобы мы

помогли ей отвалить назойливых «женихов», и мы быстро разобрались с ними – в отличие от Мари девушка жила в благополучном центральном районе, где рядом были дома известных людей, и местная шпана там фактически отсутствовала. Какое-то время я общался с ее компанией, между нами существовала взаимная симпатия, но появление Мари заставило меня забыть обо всем вокруг.

С виду казалось, что ничего особенного не произошло. Иветта всегда была окружена повышенным вниманием, но Мари она недолюбливала – прежде всего, за ее характер, за холодную непроницаемую вежливость и нежелание близко общаться. Конкурсы красоты тогда еще не проводились, но, по общему мнению, в соревновании двух типов женской внешности, североевропейского и южноевропейского, выиграла бы сверкающая белокурая Мари.

– Ну что, мой мальчик, парижанка так тебя заколдовала, что ты уже никого рядом не замечаешь?

– Если ты имеешь в виду себя, то к тебе очередь, как в Мавзолей – не пробьешься.

– А ты попробуй! Ты же у нас герой, защитник слабых и обиженных.

– Но ведь, как известно, ты к их числу не относишься.

– Этого еще не хватало!

– Тогда зачем тебе мое внимание?

– Для спортивного интереса. Твоя парижанка думает, что она одна на этом свете и любого может охмурить и окрутить.

Хочу тебя порадовать: у нас появился московский аспирант, сын директора «Интуриста» Генрих. Вчера он так развеселил твою парижанку, она так искренне хохотала в коридоре, что не замечала никого вокруг. К тому же у нее в руках была большая коробка – по-видимому, подарок из Москвы.

– Спасибо за информацию. Но, знаешь, Мари вольна поступать по своему усмотрению.

– Поэтому ты сейчас так побледнел? Может, принести тебе таблеточку? Вдруг инсульт случится.

– Спасибо, не нужно.

– Бедный мальчик, у тебя даже голос изменился! Не думала, что ты такой чувствительный, а строишь из себя отважного рыцаря... Можно узнать, почему ты сегодня один? Как она вдруг отпустила тебя?

– У Мари сегодня домашний праздник, поэтому я и один. И она может быть одна, когда захочет.

– Что-то не заметно. Вы, как сиамские близнецы, все время вместе. Такое впечатление, что она охраняет все подступы к тебе.

– Ты сегодня как-то язвительно настроена. Может, завидуешь ей?

– Я завидую? Да я могу в любой момент заманить к себе и тебя, и любого, кого захочу.

– Ну ладно, Иветка, сегодня ты меня заинтриговала. С французенкой я объяснюсь – возможно, в последний раз.

– Погоди. А как же этот коварный аспирантик, интелли-

гент в очках? Вот кому врезать надо! Он у тебя девушку уводит и не боится! Даже Рафы не боится, а ведь знает, что вы друзья.

– Так-так, подруга, я сейчас только понял: ты хочешь, чтобы я по-дружески похлопал аспиранта по бокам, пристыдил. «Ай-яй-яй, как неблагородно уводить девушку у студента». А тебе-то что с того?

– Мне тебя жаль.

– О да, твой аргумент меня сразил. Тем не менее, спасибо за сочувствие.

– Я добрая, могу утешить...

– Эх, Иветка. Тобою движет только чувство неприязни к Мари, больше ничего. А я-то думал, ты славная девушка.

* * *

С трудом отвязавшись от Иветты, я подошел к телефону и позвонил Мари. Трубку сняла ее мать.

– Алло, мадам Сильвия, добрый вечер, это Давид. Могу я поговорить с Мари?

– Давид, два часа назад она поехала к вам домой поздравить твою маму и отца с Новым годом. Что-нибудь случилось, сынок?

– Нет-нет, мадам Сильвия, все в порядке, спасибо.

Быстро вышел на улицу, поймал такси и поехал домой. Открыл дверь ключом. Из комнаты доносились голоса мамы

и Мари.

– А вот и Давид! – воскликнула мама, выходя мне навстречу. – Мы с Мари очень интересно беседовали. Недавно заходили Ирма и Рина, посидели с нами час и ушли. А почему ты пошел на вечеринку без Мари?

– Я узнал, что ее должен поздравить один аспирант, который учится в Москве.

– Ну что же, очень благородно со стороны этого аспиранта.

Мама принесла для нас с кухни еще чая и пахлавы, после чего ушла в свою комнату, оставив нас с Мари наедине.

– Думаешь, ты остроумен? – тихо спросила Мари.

– Нет, я думаю, что я обманутый идиот.

– Идиот – возможно. Но кто тебя обманул – я не знаю. Ты думаешь, я не поняла, почему в Новый год ты загрустил и поспешно ушел?

– И почему?

– Потому что ты подумал, что когда-нибудь я уеду в Париж и мы расстанемся.

– Да, я так и подумал. А как ты догадалась?

– Это было нетрудно. У тебя на лице все написано.

– Но Мари, ты же знаешь, что это когда-нибудь случится.

– Нам с тобой пока надо готовиться к экзаменам.

– Ладно, нянюшка. А как насчет того аспиранта, с которым ты так громко хохотала, будто хочешь спящего в Мавзолее разбудить?

– Во-первых, тот, который «живее всех живых», не спит, и будить его не надо. Во-вторых, Генрих пришел вручить мне подарок. И знаешь, что он принес? Точно такую же куклу, какую подарил мне ты. Я сказала, что уже получила такой же подарок от любимого человека, и наши давно прерванные отношения окончательно завершились.

– Он не поинтересовался, кто твой так называемый любимый человек?

– Он сказал, что Иветта была права.

– Молодец, Иветта, настоящая подруга. А я-то ее ругал. А что с куклой?

– Я ее вернула, а он забрал. Это так похоже на него...

Глава 10

– Давид, – подбежала ко мне покрасневшая от удовольствия Иветта, – если, конечно, это тебе интересно, то Мари сегодня, как и вчера, на больших переменах чересчур радостно и оживленно общалась с Аресом Атояном!

Доцент Атоян, сравнительно молодой, красивый мужчина с артистической внешностью, уже несколько лет вел на республиканском телевидении уроки английского языка, которые пользовались бешеной популярностью, особенно у дам бальзаковского возраста и юных студенток. Его популярность возросла еще больше после громкого скандала, связанного с его романом с одной красивой телеведущей ереванского телевидения. Доцент Атоян, тоже приезжий, но из Великобритании, развелся с женой, оставив ее с двумя малолетними детьми, и вел довольно бурную холостяцкую жизнь. Своей последней эскападой он как бы обозначил готовность к свершению других подвигов такого же плана, что резко повысило его рейтинг среди любительниц английского. Его знала буквально вся республика. Образ жизни Атояна, его манера одеваться и причесываться тут же копировались многочисленными поклонниками, в основном молодыми людьми из артистической и научной среды.

Обида душила меня. Вот сволочь! Нашел себе беззащитную куклу, хочет вскружить голову бедной девушке, ищущей

щей свой путь в жизни. А что я могу ему противопоставить? Свою молодость? Бицепсы? Возможность безнаказанно побить уличную шпану? Что я могу предложить? Достать билеты в кино, в театр? Угостить, и то не всегда, хинкали, куриным кебабом, мороженым? Даже модный, плотно облегающий костюм и ратиновое пальто, которое бесплатно сшил для меня мсье Азат, я не мог надеть: Рафа и ребята сразу начинали хохотать, говоря, что в этом наряде я похож на учителя танцев или артиста оперетты. Мари и еще несколько девушек уверяли меня, что я прекрасно выгляжу в модной одежде, но этого мне было недостаточно, и я, во избежание насмешек со стороны друзей, быстро вернулся к своим спортивным свитерам, твидовым пиджакам и узким брюкам.

«Мари скоро заканчивает учебу, рвется в Париж, – вернулся я к своим раздумьям, – к западной жизни, а кто ты? Обычный парнишка без достаточного знания иностранных языков, если не считать русский как иностранный, с неопределенным будущим. Ну, станешь следователем прокуратуры с зарплатой в сто двадцать рублей¹⁴. Взятки брать по мелочам? На большее у тебя не хватит ни должности, ни возможностей. Замарать руки и, если не загреметь в тюрьму, то дискредитировать себя, лишиться будущего? Нет, Давид, тебе не стать мсье Дёвидом, у тебя другая жизнь. И не мешай бедной девушке, пусть найдет свой путь, устроит свою жизнь, как может. Как ни поступай, жизнь нас все равно разводит».

¹⁴ Сегодня это десять – двенадцать тысяч.

Я стоял в углу коридора на своем этаже, машинально отвечал на приветствия и думал. Не могу в таком душевном состоянии слушать лекции, пойду, посижу в садике, немножко успокоюсь. «Вот, значит, какая ты, Мари! Бесконечно клянешься в любви: “Ты мой первый и единственный мужчина, ты – самое главное, что есть у меня”, – и тут же предаешь с первой попавшейся знаменитостью, с этим пожилым прожигателем жизни!» Доценту было лет тридцать семь, но мне он тогда казался пожилым. «Да я за полсекунды припечатаю его к асфальту и оторву руки и ноги, как цыпленку!»

– Эй, друг, угости сигаретой!

Проходивший мимо взрослый студент, видимо, отслуживший в армии, со смутно знакомым лицом, вынул пачку «Авроры»:

– Извини, Давид, других не имею. Но ты же не куришь?

– Брат, прости, не хочу разговаривать.

– Что-нибудь случилось? Может, я чем помогу?

– Спасибо, не надо...

Отвратительный дым дешевых сигарет попал в горло, и я долго кашлял до слез в глазах.

– Что за новость, Давид? – услышал я голос Мари. – Ты начал курить?

– Что тебе нужно?

– Тебя ищу.

– Зачем?

– Понятно, доброжелатели уже передали. Послушай, Ато-

ян сделал мне интересное предложение: вести по телевидению, правда, не в час пик, но в довольно удобное время, где-то в пять-шесть вечера, занятия по французскому языку, ведь французский – мой родной, и у меня отличное произношение. Ну и внешность, кажется, подходящая, – закончила она не без кокетства. – Завтра первые пробные съемки, очень хочется, чтобы они прошли успешно.

– Сперва постель, а потом пробы? Или наоборот?

– Не считаю нужным отвечать на такую глупость. У меня есть любимый молодой человек, и, кажется, ты догадываешься, кто он. Между прочим, Атоян просил, чтобы я передала, как он сказал, воинственным спартанцам, что у него ко мне только деловое предложение.

– Что-то я не верю такому развратному типу, как Атоян. Вряд ли ему не хочется переспать с такой девушкой, как ты. – Прав был мой папа – у этой девушки необычная внешность и это затруднит мою с ней совместную жизнь.

– И что ты предлагаешь? Может, мне следует изуродовать лицо, и ты мне в этом поможешь? Послушай, юрист-коммунист, ты же думаешь о своем будущем. А как мне быть? После университета устроиться учительницей иностранного языка в средней школе? Затемно впопыхах мчаться на занятия, стоять в очереди на остановке, впихиваться в троллейбус, с раннего утра до трех-четырёх часов дня торчать в школе, тайком, чтобы ученики не заметили, пользоваться грязными, отвратительно пахнущими туалетами, есть что-то

невкусное и несвежее в школьном буфете, и потом уже дома вечером проверять домашние работы – и все это за восемьдесят рублей в месяц? Спасибо коммунистической партии и советскому правительству за их заботу об учителях, которые растят в подобных условиях будущее страны! И такая каторжная работа до конца жизни – без интереса, без вдохновения. Годам к пятидесяти, если повезет, буду получать на двадцать – тридцать рублей больше... Покажи, Давид, хоть одну область жизни в вашей светлой стране, которая была бы организована по-человечески? Да такой просто нет! Поэтому все любыми путями убегают отсюда, десять дней пребывания по туристической путевке за рубежом считаются великой наградой. Не так ли? Ты такую жизнь и перспективу хочешь для своей жены, матери твоих детей? Любовь любовью, мой дорогой, но голова для того, чтобы думать, а не только волосы расчесывать. Второй вариант, слушай, слушай: стать помощницей отца, шить его заказы, занимать клиентов разговорами, листать с ними модные журналы и целыми днями пить кофе. И наконец, лучший вариант, о котором я мечтала всю жизнь: некий молодой юрист с блестящим будущим следователя, по натуре Отелло – с пистолетом, между прочим, – делает мне предложение. Я таким образом реализую свою голубую, нет, розовую, нет, лучше красную – ты же коммунист! – мечту. После нескольких лет жизни в съемной квартире в Черемушках¹⁵ мы наконец получаем двухкомнатные

¹⁵ Район с таким названием, причем непрестижный, был и в Ереване.

хоромы. Мой муж – не забуду сказать: следовательно, – достает плитку, чешский унитаз, болгарскую мебель, и мы счастливо живем до глубокой старости на его сто двадцать рублей. Да, забыла сказать: если он не берет взятки, то прощай, чешский унитаз и болгарская мебель. А, еще чуть не забыла: я толстею от хорошей жизни до ста десяти килограммов, слава Богу, рост позволяет, ведь в Черемушках худым женщинам не место, немодно там быть худой. Ну что, юрист, первый претендент на мою руку, о чем задумался?

– Что сказать, Мари, реалистичную картину рисуешь. Фантазии у тебя на большее не хватает. Как я понимаю, если ты становишься дикторшей, то открывается еще более чудесная перспектива. Каждый день муж-следователь, он же еще и Отелло, заряжает пистолет и приходит на телестудию. «Эй, вы, всякие там артисты и операторы! – кричит он страшным зычным голосом. – Кто ближе метра подойдет к дикторше-француженке – уложу, ох, как уложу!» – и они счастливо рука об руку идут домой, в свою двухкомнатную квартиру в Черемушках. А еще весь миллионный город знает этого следователя – еще бы, он ведь молодец, какую француженку заарканил! Почему бы его не сделать прокурором района? Нет, лучше прокурором города!

И мы оба начали хохотать, как сумасшедшие.

– Ладно, куда уж нам... В Париже и не такие телеведущие есть, и с французским, и с русским языками...

– Значит, решено. Иди завтра на свои пробы. Я согласен.

Но если что, я доценту Атояну челюсть сломаю. У него от этого, знаешь, английский акцент только улучшится. Пойдем сегодня к нам, посмотрим, что скажут на этот счет папа и мама.

* * *

Приходя домой вместе с Мари, я всегда звонил в дверь, несмотря на наличие у меня ключей. Это для того, чтобы родители знали, что пришли гости. Как обычно, дверь открыла мама. Увидев нас, радушно пригласила за стол:

– Хорошо, что вы пришли, дети, у меня как раз вкусный обед – летняя долма.

Это было излюбленное блюдо отца, и мама готовила его как минимум раз в неделю.

– Давайте накроем стол в гостиной. Не будем же мы есть на кухне, у нас такая гостья!

– Какая же я гостья, мадам Люси? Вот Давид у нас настолько освоился, что иногда самостоятельно идет отдохнуть в моей комнате перед уроком французского.

– Да что ты? Ну, Мари, это скорее говорит о его плохом воспитании, если не сказать – о наглости.

– Мама, папа, можете радоваться! – вступил я в разговор. – Скоро вы сможете видеть Мари каждый день.

Родители многозначительно посмотрели друг на друга.

– Я думала, – осторожно сказала мама, – вы подождете до

окончания университета, но рано или поздно это должно было случиться. Поздравляю вас, дети! Сколько недель, Мари?

Мари недоуменно посмотрела на маму, потом на папу, потом опять на меня и, поняв о чем идет речь, вспыхнула:

– Что вы, мадам Люси! Это совсем не то, что вы думаете!

– Ну, мам, ты даешь, – наконец понял и я. – Речь совсем о другом. Мари каждый день, кроме субботы и воскресенья, будет вести телепередачу на французском языке. Придется, папа, тебе оставить английский и переключиться на французский.

– Работа на телевидении наверняка очень интересна, но она отнимает много времени, а для Мари, как мне казалось, предпочтительнее аспирантура или преподавательская работа, – заметил папа. – Кроме того, – продолжал он, – работа Мари на телевидении означает дополнительную временную нагрузку и для тебя, Давид. Если она охватит еще и вечернее время, то нагрузка увеличится вдвойне. А у тебя начинается преддипломная стажировка в Москве. В общем, друзья, подумайте. Приходит время каждому определиться, как жить дальше...

По дороге на улицу Комитаса мы молча доехали до остановки, молча вышли из троллейбуса, и каждый думал о своем. Первой начала разговор Мари:

– Тебе не кажется, Давид, что твои родители как будто не совсем одобрили мою возможную работу на телевидении?

– Окончательный выбор за тобой, Мари. Тебе решать, они

всего лишь высказали свое мнение.

Через несколько дней получасовой урок французского языка вышел в эфир. Мари держалась хоть и не совсем свободно, но очень естественно. На экране она почему-то казалась не такой яркой красавицей, как в жизни. Интеллигентная, привлекательная, пышноволосая, голубоглазая девушка с хорошими манерами и прекрасным французским языком. На телевидении решили – на мой взгляд, правильно, – что с макияжем она будет резко выделяться среди других ведущих и внесет некоторый раздражающий диссонанс в их отношения. Постепенно ее новая работа стала для нас обыденной, но на улице и в общественных местах многие начали узнавать Мари, что не всегда радовало меня.

* * *

– Давид, тебя вызывают к декану!

Интересно, зачем? Событий особых как будто не произошло, оперативный штаб работает нормально, во всяком случае, никаких масштабных побоищ не было...

Деканом факультета был пожилой солидный профессор, специалист по международному праву. Умный, знающий, он оставался ученым провинциального ранга, так как публиковался только на армянском и цитировал исключительно русскоязычных авторов. Он не владел никакими иностранными языками, что ограничивало его возможности выйти на более

широкую аудиторию.

В то время иностранная литература, особенно по юриспруденции, была почти недоступна. Несмотря на мое армянское школьное образование, я пользовался только учебниками, изданными в Москве. Обычно за месяц-два я переводил и конспектировал отдельные фрагменты, а иногда и значительную часть всего учебника. Интересно, что тексты этих конспектов, взятых прямо из оригинала, получались лучше, богаче и разнообразнее, чем длинные изыски и квазиновые трактовки наших преподавателей, которые старались добавить что-то свое, как правило, неудачно. Так поступали во всех провинциальных вузах – хоть в Тбилиси, хоть в Алма-Ате. Более-менее серьезная наука создавалась в Москве, отчасти – в Ленинграде и редко – в Киеве. Но даже студенты-старшекурсники вроде меня понимали, что идеологическая зашоренность и однобокость не дает нормально развиваться обществоведческим наукам, особенно праву. Каждый раз, когда критиковали ту или иную буржуазную концепцию, притом приведенную или процитированную с искажениями, критикуемый материал даже в таком виде выглядел более логичным, аргументированным и разумным, чем сама критика. Она через минуту улетучивалась, а буржуазная теория крепко укоренялась в голове. Этими своими размышлениями по поводу учебников – столичных и наших, представляющих так называемую национальную юридическую школу, – я часто делился с однокурсниками, иной раз не без хвастов-

ства, чтобы подчеркнуть свои знания и самостоятельную работу.

Конечно, ребята понимали, что мои рассуждения во многом позаимствованы или, точнее, сверены со знаниями моего отца, который слыл признанным авторитетом во всей республике в области обществоведческих наук. В его журнале часто печатались серьезные и глубокие исследования. Разумеется, многие однокурсники об этом знали, но предпочитали даже мою небольшую самостоятельность объяснить простым повтором отцовских слов. Интересно, что дома я критиковал официальную идеологию, сопротивлялся отцу, но при этом понимал его правоту и в кругу друзей начинал приводить его аргументы и был значительно более осторожным в высказываниях.

Я был студентом в академическом плане одним из лучших, а если без лишней скромности, то, может, и лучшим. Учился прилежно, но не всегда держал язык за зубами. Во время дебатов горячился, часто говорил лишнее. Зачастую возмущался, критикуя национальную политику Ленина, особенно то, как он и его команда проиграли туркам дипломатически, уступив им исконные армянские земли, более ста пятидесяти лет входившие в состав Российской империи, а Карабах и Нахичевань передали в состав вновь созданной Республики Азербайджан. Конечно, эта истина была известна всем, но высказывать ее вслух было опасно, могли возникнуть проблемы. Князь старался вызвать нас на откровен-

ность и тотчас сообщал декану или в партком о нездоровых националистических настроениях среди студентов. Несдержанный, взрывной характер в дальнейшем принес мне немало осложнений, создавал иногда конфликтные ситуации.

Все это так или иначе доходило до чекистов, которым очень хотелось обезвредить какую-нибудь националистическую или диссидентскую группу, еще лучше – с выходом за рубеж. Кроме того, отец каждодневно внушал мне, что я очень удобный объект для доблестных чекистов. Все признаки налицо: отец идеолог, дед по материнской линии – недобитый враг, сосланный на пятнадцать лет, сам я крепко дружу с девушкой, родители которой официально обратились с просьбой выпустить их из советского «рая»... Все это я прокрутил в голове, пока шел к декану.

В приемной рядом с секретарем сидел молодой голубоглазый русский парень, в котором я узнал одного из прикрепленных к университету оперативников КГБ. Мы были знакомы, поздоровались за руку. Его присутствие меня обеспокоило, но особых причин я не находил. Может, во время дискуссий допустил грубую идеологическую ошибку? Маловероятно, да и не докажешь. Никто такие показания не даст, даже Стукач (так мы между собой называли Князя). А может, это что-то связанное с Мари? Тоже маловероятно. Хотят меня завербовать? Версия не выдерживает критики: все знают, что я импульсивный, резкий, не избегаю конфликтов и чересчур высокого мнения о себе. Все эти качества про-

тивопоказаны для такой тихой, неблагородной, прямо сказать, подлой работы. Да и стукачей, таких как Князь, и без меня полно, они с таким энтузиазмом возьмутся за дело, что их еще надо будет утихомиривать, предадут всех – и Ленина, и Христа. Тогда что? Все мы с детства были наслышаны о представителях органов госбезопасности, так что любая встреча с ними вызывала бурные эмоции, и я снова и снова обдумывал всевозможные версии.

Секретарь, девушка по имени Аида, была моей соседкой по дому и хорошей знакомой – я учился вместе с ней и ее мужем на первом курсе на вечернем отделении. Иногда она тайно давала списать мне и Рафе хорошие курсовые работы, поступившие в деканат, – разумеется, не все, потому что по любимым мною дисциплинам я выполнял курсовые сам, но были и такие разделы, которые я не жаловал, например колхозное, семейное или финансовое право. На мой немой вопрос, почему я здесь, Аида пожала плечами. В кабинете декана за столиком сидел незнакомый человек лет пятидесяти, армянской внешности. Декан представил меня и вышел.

– Как рука, сухожилие не сильно повреждено?

Месяц назад я действительно получил травму во время рейда оперотряда. Интересно, откуда он знает об этом мало-значительном инциденте?

– Все нормально. Сухожилие, к счастью, пострадало лишь частично, но пришлось сделать двухчасовую операцию и наложить несколько швов.

– Покажи руку. Пальцы нормально работают?

– Не жалуюсь. Все уже восстанавливается, только большой палец пока не сгибается.

– Мешает писать?

– Ничуть.

– А как твоя подруга-француженка перенесла твое ранение?

– Я сказал, что повредил руку на тренировке, поэтому наложили лангет.

– Дело еще рассматривается?

– Да, но уже предъявлено обвинение в нанесении легких телесных повреждений и меня признали потерпевшим.

– Что-то новое известно об обвиняемом?

– Обычный уличный хулиган, в рукавице держал хирургический ланцет. К сожалению, я его не заметил. Думаю, это случайность.

– Но твои друзья перестарались. У парня тяжелое сотрясение мозга, перелом ребер.

– Сочувствую, но после случившегося у него, думаю, пропадет охота орудовать на улице острыми предметами.

– Почему не спрашиваете, кто я такой?

– Мне и так ясно.

– А более конкретно?

– Вы – в кабинете нашего декана, он, бывший заместитель министра иностранных дел республики, скромно удалился, это уже говорит о многом. К тому же в прихожей сидит опе-

ративник КГБ Виктор Луценко, которого я знаю. Значит, вы из известной организации. Только сомневаюсь, что такой маленький инцидент привлек ваше внимание.

– Вы догадливый молодой человек. Не исключаю, что при определенных обстоятельствах вас может ждать неплохая карьера и интересная служба. Советую оставить оперотряд и уличные драки. Понимаю, для вас это азарт, высокое место в молодежной иерархии, да еще и продолжение спорта, только уже на улице. Но однажды, друг мой, удар ножом или ланцетом попадет в другое место, и вы останетесь инвалидом или все кончится еще хуже. К тому же скоро вы закончите университет. Пора подумать о дальнейшей жизни.

«Все-таки, чего хочет этот мужик и куда он клонит?» – подумал я.

– Вам интересно, кто я и чего хочу от вас? – собеседник словно читал мои мысли. – По словам декана, для вас, как одного из лучших студентов, предусмотрена дипломная работа в Московском университете и стажировка в Генеральной прокуратуре. Возможно, мы предложим вам другую, более интересную схему: полугодовую ознакомительную стажировку в Москве, но в другом учреждении, не менее почетном, чем Генпрокуратура.

– Можно узнать, что это за учреждение?

– Скажем так – почти военное. Мы учли, что по академическим показателям вы хороший студент, если не сказать – лучший, член КПСС, общественник, родители – интелли-

гентные, известные люди. Ну, драки, спорт, шалости, ореол бесстрашного рыцаря в глазах студентов и особенно студентов – будущих филологов оставим позади. Когда-нибудь мы все вырастем. Пора вам, дружище, оставить оперотряд, провести преддипломную работу, пройти стажировку и начать взрослую жизнь. Кем вы себя видите? Какую область деятельности предпочитаете?

– Я бы предпочел заниматься наукой, возможно, преподаванием...

– А как же правоохранительная деятельность? Ведь вы с таким рвением занимались оперотрядом!

– И такую работу не исключаю, если учесть, что для поступления в очную аспирантуру необходим трехлетний стаж по специальности. Но все же предпочитаю гражданские правоохранительные органы. На то у меня есть некоторые причины.

– Что ж, будем считать, что наше знакомство состоялось. Я – полковник КГБ, начальник управления внешней разведки Григорий Аршакович Оганезов. Да, кстати, как я понимаю, у вас серьезные отношения с девушкой – диктором с телевидения. Во всяком случае, вы, по-моему, дружите уже более трех лет?

– Да, ваша информация верна, но она вряд ли имеет какое-то отношение к нашему разговору.

– Давид, о нашей беседе пока никому ничего не говорите, ни отцу, ни декану. Впрочем, мы только познакомились,

и неизвестно, будет это знакомство иметь продолжение или нет. Но тем не менее.

Через день-два я забыл об этом разговоре, хотя иногда с какой-то внутренней тревогой вспоминал о нем. Но прямо перед летними каникулами, когда я только что сдал последний сессионный экзамен и через несколько минут должен был встретиться с Мари, меня вызвали в комитет комсомола университета.

– Давид, – обратился ко мне первый секретарь комитета Альберт Сагикян, худощавый, симпатичный человек, к сожалению, рано ушедший из жизни, – спасибо за хорошую работу. Конечно, были перегибы, и немало, но в основном вокруг университета установилась спокойная обстановка. Хулиганье и уличная шпана теперь на пушечный выстрел к нему не подходят. Хорошая работа оперотряда и лично твоя очевидны. Мы представили тебя к награждению грамотой ЦК комсомола республики.

«Интересно, это полковник дал такое указание или причина в том, что я скоро получу диплом?» – подумал я. По-видимому, второй вариант более логичен, ведь мне предстоит провести в университете еще только пару месяцев, а потом стажировка, преддипломная работа, и все – завершаю учебу.

А ведь в самом деле, Мари – уже ведущая на телевидении, я тоже взрослый человек. Неудобно как-то до сих пор сражаться с хулиганами, ходить с перебинтованными руками...

Действительно, пора становиться серьезным.

* * *

Разумеется, я тут же со всеми подробностями рассказал о состоявшейся беседе отцу. Через некоторое время к разговору присоединилась мама:

– Давид, человек такого уровня – а это серьезная должность, он же одновременно заместитель председателя КГБ республики и член коллегии КГБ, – не стал бы беседовать целый час со студентом просто с целью знакомства. Из его вопросов видно, что они имеют о тебе подробную информацию. Но при чем здесь Мари? И почему внешняя разведка? Больше всего мне не нравится именно эта часть вашей встречи.

– Может, просто чтобы дать ему знать об их осведомленности? Возможно, предусмотреть переход к ним на работу, – предположил папа. – Впрочем, нет, не думаю. Не хотел бы я, чтобы эту бедную, ни в чем не повинную девушку вмешивали во что-то связанное с КГБ.

– Но, папа, после меня он говорил еще с одним студентом с нашего курса. Нет, прости, не с нашего, а с пятого, и, кажется, с этим студентом он встречается второй раз.

– Ну, значит, идет подбор кадров. Они к этому вопросу относятся очень серьезно.

– Давид, – подхватила эстафету мама, – пойми, это под-

лая служба. Я никогда не забуду, как они арестовали моего отца и старших братьев. Как нас, маленьких детей – мне было восемь лет, пять лет сестре и два годика младшему брату, – оставили в доме совсем одних. Всю ночь соседи боялись зайти к нам, лишь к утру нас разобрали по домам. Иначе через день нас распределили бы по детским приемникам в разных концах страны, и больше мы никогда не увидели бы друг друга. Я потеряла бы все, даже память о семье. Ты знаешь, после этого мой бедный папа отсидел пятнадцать лет, его освободили только в 1948 году. Старших братьев я потеряла. А сама я, моя сестра и младший брат чего только не перенесли! Мы выросли у родственников, встали на ноги, но никак не можем избавиться от комплекса сирот. А твой папа, который молчит и не рассказывает тебе, при каких обстоятельствах мы поженились? После того как стало известно, что мы зарегистрировались в загсе, его вызвали в ЧК и спросили, знает ли он, что женился на дочери врага народа, отец и братья которой сидят в тюрьме? Фактически предупредили, что не одобряют его выбор. Это мой отец – враг народа? Человек, у которого все отняли – землю, дом, все имущество, – который защищал свою семью и родину от мусульманских погромщиков! После этого партийная карьера твоего отца по сути остановилась. Именно его, единственного с высшим образованием, кандидата наук, бесспорно, самого грамотного человека среди партработников района, отправили на учебу. И кого назначили первым секретарем рай-

кома вместо него? Бывшего машиниста паровоза, закончившего лишь техникум. Смешно! Нет, сын мой, такая служба не для нашей семьи. Гражданские правоохранительные органы – возможно. Но и этот вариант не для тебя. Вообще все эти органы не для интеллигентных людей. Тебя, конечно, с натяжкой можно отнести к интеллигенции, но ты парень думающий, много читаешь, выбрал себе в подруги безусловно интеллигентную девушку, которую я никак не могу представить в роли жены следователя или прокурора. Может, сынок, я много говорю, но это нужный разговор, ты уже взрослый, твой выбор затрагивает дальнейшую жизнь нашей семьи, будущее твоего брата, который также выбрал юриспруденцию. И наконец, я твоя мать и знаю тебя лучше, чем кто-либо еще. Ты не сможешь беспрекословно подчиняться кому-то, характер не позволит.

– Ты – врожденный диссидент, – добавил папа, – спорщик, критикуешь все вокруг: большевиков, Ленина, марксистскую идеологию – между нами, рассчитанную на примитивов, лживую и антигуманную. Хорошо, что ты не имеешь трибуны и ограничиваешься домашней аудиторией и Мари. Кстати, хочу тебя попросить: не забивай ей мозги. Она – филолог, у нее все на импульсивной, эмоциональной основе. Где-нибудь повторит твои дурацкие выступления и испортит себе жизнь, а она у нее и так несладкая. Эти люди сломлены, они приехали из другой страны, такие трудности преодолели! Понимаешь, идеология и политика не для этой девуш-

ки, и эти разговоры ты при ней заканчивай. Пусть занимается своим французским, телевидением, пусть родит троих детей. Позже придет в себя, увидит, что молодость прошла, пышная шевелюра поредела, красота увяла, и очень пожалеет, что вышла замуж за ровесника, не вполне еще взрослого. Между мужчиной и женщиной, как я уже говорил и скажу еще не раз, должно быть минимум семь лет разницы в возрасте. Пойми, сын, – уже более шутливым тоном продолжал отец, – женщина – скоропортящийся продукт.

– Не отошел ли ты от темы, уважаемый глава семьи? – обратилась к нему мама. – Я понимаю, что последняя часть разговора своей животрепещущей актуальности для тебя не теряет. Но сейчас речь идет о нашем сыне, не вполне зрелом молодом человеке, чуть не заработавшем себе сухорукость всего месяц назад. Итак, сынок, мой тебе совет: мягко и, по возможности, вежливо отказывайся от службы в КГБ. Огромные просторы России – не для нас. Отправят в Хабаровск, Монголию, Карелию или, если очень повезет, в Венгрию, Чехословакию и так далее. Тогда прощай, Мари, прощай, родительский дом и вкусная еда, полетел орел служить. Столько грязи и подлости, пьянства и нечисти ты там увидишь – захлебнешься и забудешь песню «О, Мари, о, Мари», которую ты орешь по утрам под душем.

Я понимал, что родители сгущают краски. Судя по нескольким старшекурсникам, перешедшим на работу в КГБ, дела у них обстояли совсем неплохо, кроме того, и

служба, и окружение были гораздо цивилизованнее, чем в прокуратуре, а тем более в бандитской милиции. Но эти парни были детьми работников КГБ и военных, людьми совсем иного склада, чем я: сдержанные, осторожные, замкнутые, свято чтущие субординацию и, откровенно говоря, неяркие. Но самое главное – о каком КГБ может идти речь, если Мари не будет со мной?

– Запомни, Давид, если последует конкретное предложение, откажешь мягко и вежливо. Скажи, что мечтаешь быть ученым. Так, чтобы они не думали, что ты отказываешься по идеологическим соображениям, а то испортят тебе жизнь. И не забудь: ни в коем случае не вмешивай Мари ни во что.

* * *

– Шеф, слух пошел, что ты идешь на работу в КГБ...

– Кто тебе сказал такую глупость, Рафа?

– Брось темнить, французский жених! К декану пригласили человек пять, но дольше всех задержался ты. Стукач стучит во всю мощь, злорадствует, хочет свою гнусную рожу обелить, мол, смотрите, кто готовится стать настоящим стукачом – лихой парень, сердцеед!

– И ты, Рафа, веришь в этот идиотизм? Мало ли кто и на какую тему может со мной беседовать, это же не означает, что вопрос решен именно так.

– Вот видишь, ты уже признался, что разговор состоялся.

Значит, Стукач хотя бы на пятьдесят процентов прав.

– Ты что, хочешь, чтобы я заставил Стукача сожрать его мятый красный галстук? Вот будет хохма.

– Сегодня у него желтый галстук, ну прямо химически желтый. А потом, вы же братья по партии. Разве ты можешь себе позволить так относиться к своему товарищу?

Стукачу было уже под тридцать. Сухой, черно-желтый, сутулый и нескладный, он весь излучал злость и зависть.

– Слушай, крыса, – подошел я к нему. – Я старался не замечать твое гнусное существование, но ты, сукин сын, опять путаешься у меня под ногами. Перед девушкой не хочу продолжать, поэтому выходи из аудитории, обменяемся комплиментами.

– Давид, если ты на Князя руку поднимешь, я обращусь в милицию, к декану, к ректору! – заверещала его подруга, невзрачная, болезненная с виду девица.

Возле нас уже собрались несколько однокурсников.

– Видите, ребята, Давид в присутствии моей девушки меня оскорбляет, обзывает разными неинтеллигентными словами...

– Ах ты тварь!

– Брось, Давид, скоро мы закончим университет, разлетимся в разные стороны. Замараешь сейчас руки, а что толку? Родился он змеей, таким и помрет, – урезонивал меня наш однокурсник Арташес, рассудительный парень с крестьянской внешностью, отслуживший на флоте и прошед-

ший после этого еще и рабочую школу. Родом он был из сурового края Ахалкалаки, что на территории Южной Грузии, рядом с Арменией. Этот район с холодным климатом и скудными природными ресурсами почти на девяносто процентов был заселен армянами, а его жители слыли храбрым и воинственным народом.

Я понял, что Стукач хочет, чтобы я вслух признался насчет предложения работать в КГБ. Если скажу, что не пойду туда, тут же донесет, да еще и вывернет все по-своему – что я дискредитирую такой уважаемый орган, что человек я незрелый, оглашаю разговор с ответственным чекистом. Сколько невинных людей посадил бы такой подлец в 1937 году или в годы послевоенных сталинских репрессий? Страх перед органами сидел в нас так глубоко, что любой боялся сказать о них вслух что-то плохое. Как я ни старался, ребята уже знали о моем разговоре с чекистом. Конечно, вряд ли они одобряют мое решение, хотя это не значит, что, появившись такой выбор у них, они отказались бы. Когда дело касается себя или других, моральные оценки всегда сильно отличаются. А вот кто искренне сожалел, что такое предложение ему не сделали, так это, конечно, Князь. Вот тогда бы он точно показал мне, где раки зимуют, обвинил бы в самых немыслимых грехах, например, что я внук Троцкого или незаконнорожденный сын Бери... О, как бы мне хотелось пустить его черную кровь, вышибить его кривые желтые зубы!

– Ты что застыл в позе мыслителя? – Рафа встряхнул ме-

ня за плечо. Ненависть к Князю так захватила меня, что я не заметил, как мой друг вошел в аудиторию. – Не знаешь разве, что это кобра? Хотя нет, кобра – красивая змея, а этот – гадюка, если не выплюнет свой яд, сам сдохнет. Его мозги работают только в одном направлении – кому бы причинить зло. А ты, француз, возможно, и прав был, что даже мне не говорил о сделанном тебе предложении. Лишняя информация и для меня, и для других. Но там работа не для тебя. Может, и не совсем подходящее время и место, но я тебе так скажу: ты парень искренний в любви и дружбе, сильный духом, потому и доверчивый. Вот тут у тебя в жизни будут проблемы. Я твой друг, мы с тобой многое повидали, и я знаю: как только кто-нибудь унижается и распускает сопли, ты сразу же его прощаешь. Вот только тот, кто унижался, не простит своего унижения и обязательно найдет возможность унизить тебя еще больше.

Через минуту Стукач уже рассказывал о чем-то своей подруге и так шумно радовался при этом, будто только что взял золотую медаль на Олимпийских играх (в те годы это было мое самое сокровенное желание). А мне стало ясно: даже ребята, которые готовятся идти на работу в правоохранительные органы, остерегаются этого зловещего КГБ. Благодаря совету и одобрению родителей свое решение я уже принял, но сегодняшний ерундовый инцидент лишь подтвердил правильность выбора. Мудрые мои мама и папа повторяли многократно: «Не иди против сердца. Даже разум может подска-

зять неправильно, сердце – никогда».

Но я и представить не мог, какие трудности ждут меня
впереди...

Глава 11

– Мари, скоро ты получаешь диплом. В деканате ничего не говорят насчет распределения?

– Пока ничего конкретного. Очень сложно с трудоустройством: одним предлагают работу в пригороде Еревана, другим и вовсе на окраинах республики. Исключение лишь для замужних и беременных.

– Ну, если ситуация станет совсем уж критической, придется пойти на жертвы и жениться на тебе – лишь бы ты осталась в городе. Не могу же я оставить подругу в беде!

– Надо же, я знала, что ты великодушный, но такого отчаянного порыва даже от тебя не ожидала! Но почему-то не чувствую в тебе искренности, так что вынуждена отказаться... А если серьезно, Давид, у меня же есть моя телепередача. Ну а получится остаться в университете – тоже хорошо. Зарплата преподавателя маленькая, но вместе с зарплатой на телевидении, пожалуй, поможет содержать мужа-следователя. Нам, мой молодой друг, пора серьезно подумать о прозе жизни. Я женщина европейская и не считаю, что материальные проблемы – дело одного лишь мужа. Кстати, ты ничего не замечаешь?

– Да, только сейчас обратил внимание... Очень красивые серьги! Неужели бриллиантовые? С виду и впрямь как дорогие камни блестят. Что-то я их раньше на тебе не видел...

– Ну, ты же знаешь мою требовательность! Я ношу только бриллианты. А эти серьги ты не видел, потому что раньше их у меня не было.

– И откуда они взялись?

– Подарок.

– Эй, ты что, серьезно? Кто тебе дарит такие дорогие подарки? Неужели этот лохотонный Атоян?

– Да что ты! У Ареса столько проблем с женщинами, что ему не до бриллиантовых серег. Он еле успевает платить своим многочисленным женам алименты.

– Тогда, наверное, ты их вчера нашла на улице у мусорного бака?

– Парень, я всегда говорила, что у тебя большие задатки сыщика! Со временем ты даже Шерлока Холмса затмишь!

– Ладно, несостоявшаяся телезвезда, не тужи!.. Ну хорошо, думаю, это твои родители по случаю скорого окончания университета купили тебе дорогие безделушки, чтобы ты себя чувствовала настоящей звездой. Но почему-то они мне кажутся старинными. Не похоже, что они из «Ювелирторга».

– Ты прав в одном: я их получила по случаю окончания университета. А кто подарил, ты не догадался... Ну же, коммунист, пошевели мозгами, если они у тебя есть! Серьги мне подарила мадам Люси. Вчера она была у нас дома.

– Вот это да! Прямо тайны мадридского двора...

Какая молодец мама! Восстановила равновесие. Как-никак, уже больше трех лет я встречаюсь с Мари, она и ее ро-

дители так внимательны ко мне: подарили три костюма, прекрасное пальто, дорогие часы «Картье». А с моей стороны – ни одного серьезного подарка... И в самом деле – что может подарить студент? Ну, доставал импортные сигареты для мадам Сильвии или жвачки для Мари, покупал билеты в кино-театр – разве это подарки? А как хочется порадовать Мари чем-нибудь существенным, скажем, шубой или дубленкой... Ничего, успею, еще вся жизнь впереди.

* * *

– Мари, можешь меня поздравить! На весь наш курс выделили всего два места на стажировку в МГУ, а параллельно – в Генеральной прокуратуре СССР. Заявителей было много, но утвердили меня и еще одного парня с курса. Я буду стажироваться в Главном следственном управлении, а он – в Центральной лаборатории криминалистики.

– И сколько же времени продлится твоя стажировка?

– Три с половиной месяца. Ты рада?

– Так долго... В Москве я не бывала, но знаю, что там много красивых девушек и они себя очень свободно ведут. Три с половиной месяца – большой срок.

– Ну а если я что-нибудь придумаю и ты приедешь ко мне – хотя бы на месяц?

– Ты серьезно? А где я буду жить? Тебе же предоставят общежитие. И потом, как я оставлю телевидение, стажиров-

ку в школе? Тем более что скоро январь, в Москве холодно, а у меня нет подходящей одежды.

– Надо подумать... В любом случае, не представляю, как я смогу так долго жить без тебя. Сколько лет уже знакомы, но ведь дня почти не было, чтобы мы не виделись, даже когда болели! Время еще есть, что-нибудь придумаю.

В тот же день я начал действовать.

– Папа, по твоему совету я обратился в деканат и мне дали направление на стажировку в Москву. Это очень интересно и почетно, но я бы не хотел на такой большой срок расставаться с Мари.

– А предложения из КГБ не было?

– Слава Богу, они обо мне забыли. А может, поняли, что я откажусь – во-первых, из-за Мари, а во-вторых, я уже говорил, что предпочитаю спокойную жизнь ученого. Пусть это менее почетно, но зато дает больше свободы и самостоятельности – ни служебных командировок, ни жесткого режима, ни многочисленных начальников...

– Начальников, сынок, в нашей жизни везде хватает, и в науке в том числе. И люди это, как правило, не самые умные. Где думаешь приютить Мари? В гостинице дорого, и туда страшно трудно устроиться. Кроме того, вы не расписаны, так что вместе вас не поселят. Следовательно, этот вариант отпадает.

– Давид, – вступила в разговор мама, – я понимаю, что вы с Мари давно перешагнули границы дозволенного. Удивля-

юсь, как девушка до сих пор не забеременела. Может, ее мама-француженка знает какие-то секреты, неизвестные нам, простым советским труженицам?

– Чего ты хочешь, мам? Помочь или раскрыть тайну физиологии Мари и ее матери?

– Без грубостей, пожалуйста. Мнение нашего окружения о девушке для тебя хоть что-нибудь значит? Что скажут люди, если завтра вы вступите в законный брак? Или все это тебе неинтересно? Я против этой поездки. Или Мари останется здесь, или регистрируйтесь и поезжайте хоть в Антарктиду.

– Подожди, подожди, Люсь, – успокоил ее папа. – По форме, как говорил наш великий вождь, ты права, но по сути получается издевательство. Для тебя ведь давно не секрет, что наш бравый дружинник большую часть дня совершенствует свой французский. Если родители девушки это терпят, ты тем более должна смириться со свершившимся фактом. Девушка, слава Богу, отличная по всем статьям. Правда, для сотрудника КГБ женитьба на репатриантке, большинство родственников которой живет во Франции, – неприемлемый вариант. Но, к счастью, наш сын не собирается там работать.

– Да, с такой женой в КГБ не возьмут, – согласилась мама.

– Папа, мама, вы о чем? Вы что, предлагаете нам с Мари расписаться, чтобы меня не взяли в КГБ? Да если я сейчас женюсь, то всех друзей насмешу. Через несколько лет, годам к двадцати шести – пожалуйста. Тебе, пап, сколько было, когда ты женился? Двадцать семь? А маме двадцать?

– Что же получается, Давид, – ты думаешь только о себе? Ведь девушка – твоя ровесница. И она еще года три или больше должна ходить обрученной?

– Граждане родители, я не хочу вдаваться в теоретические дебаты. Мои задачи четкие и ясные: я еду в славную столицу нашей родины стажироваться и набираться опыта, но с условием, что Мари поживет там со мной хотя бы месяц. Поэтому мне нужны деньги – желательно, конечно, побольше. Думаю, родители Мари тоже не оставят ее без средств. Но самое главное – крыша над головой, остальное решаемо.

– Да, Люсь, парень, конечно, обнаглел и потерял чувство меры... Однако его предложение не лишено здравого смысла. Во-первых, один в Москве он заскучает и начнет искать утешения... знаешь, у кого? Хорошо, что знаешь. Во-вторых, красавица Мари без конвоя в лице бравого борца-дружинника тоже окажется в центре повышенного внимания. Так что мы еще больше будем беспокоиться и о нем, и о ней. Ну что ж, я подумаю, какие еще есть варианты.

Я обрадовался. Если отец сказал «подумаю», то обязательно поможет.

Почти аналогичный по содержанию разговор состоялся у меня вечером с родителями Мари. Главный вопрос был тем же самым – что подумает окружение? Ну хорошо, встречаются ребята уже более трех лет, это понятно. Но вместе поехать в далекую Москву и жить в этом чужом, холодном и суровом городе под одной крышей? Это было уже чересчур.

Мари слушала спокойно, не вмешиваясь в мой разговор с мадам Сильвией, и вдруг сказала:

– А что если я на недельку-две возьму с собой Терезу? У нее ведь тоже каникулы.

Тереза уже училась на втором курсе, на факультете архитектуры.

Таким образом, задача усложнилась. Главный вопрос – удастся ли мне решить «квартирный вопрос»? Ведь, как известно, с этим в Москве всегда было чрезвычайно тяжело.

Вся первая половина января нового, 1963 года прошла в лихорадочной подготовке к поездке. Девушки возбужденно обсуждали, какие наряды будут носить в столице, куда ходить, что смотреть. А я думал, как найти приличное жилье и успешно пройти стажировку, от которой во многом зависели перспективы будущего трудоустройства.

В конце января мы втроем вылетели в Москву утренним рейсом на «Ту-134». Эту поездку я помню в мельчайших подробностях – ведь в определении нашей дальнейшей судьбы она сыграла решающую роль.

* * *

Москва встретила нас легким морозцем и нервно-беспорядочной суматохой – как я потом убедился, постоянной. Долго, больше двух часов, ждали багажа, потом носильщика. Затем женщина-таксист, похожая на мужчину-зека, при-

везла нас на улицу Чехова, в самый центр города. Там жила машинистка журнала «Партийная жизнь» – по просьбе своего главного редактора, коллеги отца, она согласилась сдать нам на три месяца свою квартиру, а сама перебралась к сестре. Всю дорогу девушки с любопытством разглядывали город через грязные, запотевшие окна, а таксистка беспрерывно переругивалась с другими водителями. Зашли в подъезд, на старом решетчатом лифте поднялись на пятый этаж, взяли ключи у соседки – пожилой женщины в потрепанном ватнике, встретившей нас с подозрением.

– Иностранки, что ли? – спросила она. – Нужна прописка. Я, как ответственная по подъезду, должна в течение трех дней доложить участковому о новых жильцах. А вы им кем приходитесь?

– Понимаете, бабушка...

– Какая я вам бабушка? Зовите меня Вероникой Васильевной и покажите ваши паспорта. А может, вы вовсе не советские граждане?

– Вероника Васильевна, я покажу паспорта и вам, и кому угодно. Дайте только нам ключи, мы устроимся, и я представлю все документы.

После повторных переговоров по телефону с квартирной хозяйкой и сверки моей фамилии с паспортом старуха отдала мне ключи, предупредив:

– В десять вечера подъезд закрывается. Чужих людей не приглашать, гулянки и танцы не устраивать. Через три дня

представить документы о прописке. Всё! – и захлопнула дверь.

– Да, – обратился я к ошеломленным девушкам, – пока что столица встречает нас неприветливо. Но все будет хорошо!

Беспричинная злоба старой москвички показалась нам странной. Уже много позже, повзрослев и приобретя жизненный опыт, я понял причину агрессивности несчастной женщины – ее, потерявшую на войне или в годы сталинских репрессий мужа, а возможно, и других близких и живущую в одиночестве на мизерную пенсию, должно было невыносимо раздражать любое счастливое лицо, да к тому же еще молодое и чужое.

Квартирка, довольно чистенькая, но бедная, давно требующая ремонта, с двумя смежными комнатами и крошечной кухней, узким длинным коридором, отдельной ванной и отдельным крошечным туалетом, тесно заставленная мебелью и пахнущая старьем, никак не соответствовала нашим представлениям о столичной жизни.

– Не вижу восторга, девушки! Посмотрите – есть горячая вода, маленький телевизор, холодильник хоть и старый, но работает хорошо, и притом без шума. В одной комнате две кровати, в другой одна – как раз чтобы Тереза могла читать по ночам. Чистая постель. Хозяйка оставила для нас все!

– Я в такой постели спать не буду, – объявила Мари. – Хорошо, что мама положила на всякий случай пару комплектов

для меня и Терезы.

– Ну а что касается меня, Мари, придется тебе делить белье со мной или принять в гости, другого выхода я не вижу... Пошли, пошли, девушки, погуляем! Мы же рядом с кинотеатром «Россия»! Там же памятник Пушкину!

* * *

Это была моя вторая поездка в Москву. Первый раз мы останавливались в столице на два дня проездом в Польшу по комсомольской путевке – было это два года назад. Тогда было лето, я приехал с друзьями, город, утопающий в зелени, казался нам чудесным. К тому же поселили нас в гостинице «Юность» недалеко от станции метро «Спортивная». Новое, только что построенное здание выглядело модным и нарядным.

С возрастом я понял, как сильно влияют бытовые условия на наше восприятие окружающей действительности. Чистая гостиница, хорошая постель и удобная сантехника, горячий душ, уютный ресторан и кафе внизу – и город становится красивым и дружелюбным. Помню одну из моих первых командировок за рубеж, в Лондон. Это было в 1971 году, только что двенадцать сотрудников нашего посольства были с позором изгнаны из Великобритании за шпионаж: их действия не оставляли места для сомнений, отличаясь при этом крайней топорностью – замечу, как и многие другие действия на-

шей внешней разведки. Отдельные удачи были заслугой в основном местных научных и разведывательных кадров, переходивших на нашу сторону по идеологическим или материальным соображениям. Предвижу возмущение патриотов разведслужбы. Не торопитесь меня линчевать! Лучше успокойтесь и с холодной головой взгляните на «славную» историю нашей внешней разведки – от перебежчика Шевченко до новой «мученицы» Анны Чапман.

Так вот, где-то в недрах Лубянки в головах неких полуграмотных сотрудников (готовых, как показала история, за небольшие деньги продать всю нашу агентурную сеть вместе с кремлевскими звездами) родилась мысль о вероятной провокации по отношению к нам. Во избежание этого членов делегации на один день поселили в полуподвальном помещении в советском посольстве, причем какие-либо удобства там были не предусмотрены, за исключением самых элементарных. Не успев умыться и переодеться, мы вышли на улицу вместе с двумя сотрудниками посольства, которые боялись всего и в первую очередь нас. К вечеру я уже возненавидел Лондон. Однако через день мы переехали в нормальную гостиницу, утром перед зеркалом я остался доволен своей физиономией, днем общался с нормальными людьми, которые нормально выглядели и нормально себя вели, и город начал мне нравиться все больше и больше.

Зимняя Москва показалась нам сумрачной и суровой, плохо убранной от снега и недостаточно освещенной. Движение в центре было хаотичным и неорганизованным, отовсюду раздавались гудки клаксонов: водители изо всех сил старались обратить на себя внимание соседей.

Увидев огромную вывеску магазина «Армения», я вспомнил, что его директор приходится дядей одному из наших оперотрядовцев. Приятель рассказал мне об этом, узнав о моей поездке в Москву, и предложил обязательно зайти к дяде Араму – по его словам, тот имел в городе обширнейшие связи и мог быть полезен в решении многих вопросов.

– Смотрите, девушки, магазин «Армения». Зайдем, посмотрим, что там продают? Может, найдем что-нибудь на ужин.

Мы сделали кое-какие покупки, и на всякий случай я спросил у девушки-продавщицы, здесь ли Арам. Она пообещала узнать и удалилась. Уже у кассы к нам подошел симпатичный мужчина лет сорока – грузный, краснощекий, очень похожий на грузина.

– Вы спрашивали меня? – обратился он ко мне на русском.

– Здравствуйте, я друг вашего племянника Геворга. Он мне сказал, что вы работаете здесь.

– Здравствуй, здравствуй! Могу быть чем-нибудь поле-

зен? Геворг мне звонил и настойчиво просил оказать тебе всяческую помощь. В какой гостинице остановился?

– Не в гостинице, а у знакомой женщины. Спасибо, все более-менее сносно.

– Ну смотри, если будет нужен армянский коньяк (тогда он был большим дефицитом) – для тебя всегда найдется, ну и всякое другое: колбаса копченая, пиво чешское, суджук, бастурма... Знаешь, я как раз хотел перекусить в кафе «Лира», вон там, напротив. Давай зайдем вместе, посидим, поговорим. Расскажешь, что нового происходит в нашем городе, а я посоветую, как хорошо провести время в Москве.

– С удовольствием, но в другой раз, я не один, – я показал в сторону девушек.

– Что, эта девушка с тобой? Она же иностранка! Ну ты даешь! Только прилетел и успел подцепить такую девушку? Молодец! Геворг мне сказал, что ты парень уважаемый, но что такой шустрый, я и предположить не мог.

– Арам, неудобно. Они понимают, что вы говорите.

– Откуда она знает армянский?

– Она армянка. Наполовину.

– Здравствуйте, – обратилась к нам Мари на армянском с таким видом, будто и не слышала наш разговор.

– Здравствуйте, я и представить не мог, что вы – армянки! Очень рад знакомству! Ребята, я приглашаю вас в кафе. Всего несколько дней назад вышел из больницы, аппендикс удалили. Не откажите в компании – хочу отметить.

– Мари, Тереза, пойдёмте! Немного посидим, потом сходим на вечерний сеанс в кино. Рано ещё домой.

– Давид, может, не нужно? Мы с дороги, не успели привести себя в порядок.

– Ребята, ну надо же что-нибудь покушать! Уже пять часов. Пусть это у вас будет ранний ужин или поздний обед. Пошли, пошли, – настаивал Арам.

Мы последовали за ним. Пересекли Бульварное кольцо напротив магазина «Армения» и зашли в очень модное тогда кафе «Лира». Красивый по тогдашним меркам дизайн, большой зал, лаконичное, редкое для того времени современное оформление. Кафе только готовилось принимать вечерних посетителей, и зал был почти пуст.

Обслуживающий персонал знал Арама – он был здесь частым и желанным гостем. Подошел директор кафе, еще довольно молодой лысеющий мужчина. Ни о чем не спрашивая, официанты усадили нас за большой круглый стол, и буквально через несколько минут перед нами уже стояли многочисленные закуски, рыбное и мясное ассорти, икра. Меня несколько смутило такое неожиданное, теплое и богатое угощение, особенно внушительного размера ваза с апельсинами и бананами – тогда эти фрукты считались экзотикой и редко были доступны. Чувствовалось, что Арам – добрый и щедрый человек, и я от всей души был благодарен ему за столь замечательный прием. Он оказался еще и прекрасным рассказчиком, знал много хороших анекдотов, одним словом,

мы искренне наслаждались прекрасным вечером.

* * *

В разгар нашей оживленной беседы в зал вошли семеро высоких, плечистых, модно одетых молодых ребят – грузин, судя по внешности, – а с ними девушка, с виду легкого поведения. Нетрудно было догадаться, что парни уже выпили. Не обращая никакого внимания на окружающих, они веселились настолько шумно, что слышно их, пожалуй, было даже на улице. Уселись через стол от нас, вызвали официантку и, перебивая друг друга, стали делать заказ. Я напрягся, почувствовав исходящую от них агрессию, и постарался сделать вид, что не замечаю эту чересчур оживленную компанию. «Ничего, пошумят и успокоятся», – вполголоса проговорил Арам, и мы попытались продолжить разговор.

Я был наслышан, что грузины в Москве очень популярны и пользуются большим успехом у русских девушек, поскольку они богаты и, как правило, внешне привлекательны. Знал я и то, что зачастую они ведут себя шумно и вызывающе, поэтому происходящее не было для меня такой уж неожиданностью.

Не обращать внимания на молодых людей за соседним столом было уже невозможно. Спор с официанткой и с подошедшим метрдотелем шел на повышенных тонах и привлекал внимание появившихся уже в зале немногочисленных

посетителей. Главный спорщик (из разговора я понял, что его зовут Арчи), симпатичный молодой человек лет двадцати пяти, светловолосый, с крупными и четкими чертами лица, возмущался, показывая на наш стол:

– Почему для них есть бананы и апельсины, а для нас нет? Вот, возьми пятьдесят рублей и принеси нам тоже!

Отмечу, что пятьдесят рублей считались по тем временам неплохими деньгами – я уже говорил, что мои соученики умудрялись жить месяц на вдвое меньшую сумму, выплачиваемую им в качестве стипендии.

– Нету, ребята, нету фруктов, это были последние, – отмахивалась сконфуженная официантка.

Тогда Арчи встал и нетвердым шагом подошел к нам. Рост у него был за метр девяносто.

– Друзья, мы из сборной команды Грузии по гандболу. Сегодня победили москвичей. Не хотите поздравить нас?

– Искренне поздравляю, – улыбнулся Арам.

– Тогда, дядя, вазу с фруктами я забираю – это и будет поздравление, от вашего стола нашему столу.

С этими словами парень взял своими огромными ручищами тяжеленную вазу и собрался отойти.

– Ладно, возьмите, – вынужденно согласился Арам.

– погоди, Арчи, – как можно более мирно обратился я к грузину, – я возьму по банану и по апельсину для девушек, остальное забирай. Поздравляем с победой, – я взял несколько фруктов.

Вечер был, несомненно, испорчен. Я чувствовал себя оскорбленным наглостью и бесцеремонностью гандболистов, то же самое, по-видимому, ощущали девушки и Арам. Он пригласил официантку и попросил рассчитать нас. Я кипел от возмущения, но понимал, что благоразумнее спокойно уйти. Мари делала вид, что ничего не произошло. Только Тереза выглядела страшно сконфуженной и чуть не плакала. Девушка, пришедшая с грузинами, показывала на нас пальцем и хохотала в голос, передразнивая наши обиженные физиономии. Официантка принесла счет, Арам уже собирался расплатиться, и вдруг под хохот товарищей Арчи опять подошел к нам.

– Ты сказал, твои девушки любят бананы? Да, девушки? Вы любите бананы? У нас такие бананы! Мы вас угостим. Сочные, большие, свежие... Вам очень понравится, уверяю!

Гандболисты чуть не падали со стульев от хохота. Мы сидели молча, бледные и униженные. Почему эти ребята с таким наслаждением оскорбляют нас, чувствуя свою безнаказанность? Если бы у меня был пистолет, я бы не задумываясь застрелил Арчи, и будь что будет. Такой бесчеловечный гаденьш не должен гулять под солнцем и радоваться жизни.

– Что, гандболист, может, выйдем к гардеробу? – не выдержал я. – Обсудим тему бананов?

– Перестань, Давид, пошли! – вмешался Арам. – Ребята навеселе, не обращай внимания. Таня, – обратился он к официантке, – я заплачу завтра, сейчас мы торопимся...

– Да-да, Арам Арсенович, не беспокойтесь.

Это уже было похоже на бегство.

– Ты хотел мне что-то сказать? – высокомерно и вызывающе, с оскорбительной ухмылкой бросил Арчи. Не дожидаясь ответа, он схватил меня за лацкан пиджака и со всех сил потащил в сторону гардероба. Грузин был на полголовы выше меня, и освободиться от его ручищ было невозможно. На миг я представил, насколько комично и жалко выгляжу со стороны – словно равнодушное могучее животное треплет от скуки маленького слабого щенка. Моя гордость, мое мужское достоинство ничего не значили для Арчи, он рад был втоптать меня в грязь, насладиться своей силой и моей беспомощностью. И все это – на глазах у моей девушки и хохочущих гандболистов. Я изо всех сил старался держаться достойно и при этом не вступать в схватку, понимая, что в этом случае на выручку Арчи тут же подоспеют друзья – тогда достанется и больному Араму, а возможно, и Мари с Терезой.

– Оставь человека, Арчи! Он гость, – попытался вмешаться Арам, – мы уходим!

– Да сядь ты, мешок! – гандболист сильно толкнул Арама, и мужчина тяжело плюхнулся на стул.

– Не трогай его, – резко сказал я, – он только что из больницы, у него швы на животе не зажили. Давай поговорим и разойдемся. Я не хочу ссоры, со мной девушки. Отпусти.

Арчи, раззадоренный хохотом и улюлюканьем друзей, наглед все больше и больше.

– Таня, – воскликнул Арам, – вызывай милицию!

– Что? – левой рукой Арчи опять отпихнул Арама, не отпуская моего пиджака. – Пошли! – и сильно дернул меня к выходу. Дорогу ему преградила Мари:

– Молодой человек, отпустите его, пожалуйста, мы против вас ничего не имеем!

– Мари, уходи!

– Мэри? Мэри, я сейчас с твоим парнем поговорю, займись его воспитанием, потом с тобой потанцую, – он сделал неприличный жест. – А ну дай дорогу, – и грузин небрежно толкнул Мари в грудь.

В глазах у меня потемнело. Я попытался ударить его в лицо, но удар не получился – пиджак сковывал мои руки. Арчи обхватил меня обеими руками и прижал к стене. Я все еще пытался найти какие-то слова, способные погасить конфликт, но по глазам парня понял, что он уже ничего не слышит, только ищет удобную позицию для удара. Продолжая крепко держать меня, Арчи сам повернулся спиной к стене – видимо, опасаясь покалечить руку, если вдруг не попадет мне в лицо.

Правой, свободной рукой я сумел в это время достать из внутреннего кармана пиджака автоматический раскладной нож. От хлесткого звука открывающегося лезвия и его холодного блеска гандболист отпрянул и ударился затылком о стену. Я моментально упер острие ножа ему под подбородок, лишив возможности шевелиться, даже свободно дышать. От

любого резкого движения лезвие вошло бы ему в горло.

Я почувствовал, как острый кончик ножа на миллиметр, а то и больше, углубился в кожу. Тонкая струйка крови потекла по шее Арчи, спустилась по лезвию ножа и медленно заструилась по моей руке. Моментально протрезвевший гандболист замер, стоя на цыпочках и стараясь не шевелиться. Ни подвинуться хоть на миллиметр, ни даже говорить он уже не мог.

Вокруг стояла звенящая тишина, только глухой шум улицы доносился через окно. Через несколько секунд моя сорочка, рукав моего пиджака и одежда на груди Арчи промокли от крови. Со стороны могло показаться, что его серьезно порезали. Драматичность момента чувствовали все, даже хохотушка девка.

– Давид, не убивай его! Он скотина, достойная наказания, но не бери грех на душу. Пойдем, – испуганно проговорила Мари по-армянски.

– Вы что, армяне? Я тоже армянин! У Арчила мама – армянка. Не убивай его, – глухим дрожащим голосом обратился ко мне один из парней, только что задышавшихся от хохота. – Мы просто хотели пошутить!

Они понимали, что любое их движение спровоцирует меня, и тогда инцидент закончится трагедией. Я тяжело дышал. Острая жгучая ненависть к Арчи неудержимо требовала пригвоздить его к стене, воткнуть в его мерзкое горло все десять сантиметров лезвия ножа до самой рукоятки, выпу-

стить кровь наглой мрази, оскорбившей меня беспричинной насмешкой в присутствии любимой девушки.

«А почему я должен его жалеть? – думал я. – Это всего лишь большое, красивое животное, которое боится только силы... Но стоит ли его жизнь моей жизни?» На мгновение я вспомнил лица родителей, посмотрел в искаженное от страха лицо Мари и чуть отодвинул нож от горла Арчи.

– Ты что, обоссался, тварь? Мать твою! Давай, тихо опускайся, мразь. Опускайся, педик, на колени. Одно резкое движение – в гробу полетишь в Тбилиси. Арам, уведи девушек, я сейчас выйду. Возьмите мое пальто.

– Я не пойду! Я с тобой, Давид! Не губи нашу жизнь, он этого не стоит, – взмолилась Мари.

– Мари, уходи! Дай нам поговорить с этим трусливым шакалом о его любви к бананам! Ссыкун несчастный! Эй, вы, гандболисты, ваш друг-педик со страху лужу сделал. Кто придет вытирать? Ну, что замерли, трусы?

– Стоять! Стоять на месте! Милиция! – к нам бежал старший лейтенант, придерживая на ходу спадающую фуражку, за ним – двое рядовых.

– Володя! Володя, сюда! – закричал Арам. – Вон того, что на коленях, арестуйте, этот молодой человек у него нож отнял.

– Записать свидетелей, Арам Арсенович? – засуетился лейтенант.

– Не надо. Только его заберите. Он напился, хулиганил,

ножом пугал людей. А этот молодой человек молодец, настоящий гражданин! Нож отнял у мерзавца, даже сам поранился. Слышите, вы, гандболисты, это мой район! – разошелся Арам. – Чтобы я вас больше здесь не видел, наглые сопляки! – и выругался по-грузински матерными словами.

Парни молча проглотили обиду и суетливо, испуганно удалились. Двое или трое пошли с милиционерами, пытаясь уговорить их отпустить Арчи. Рядовые вели его в наручниках, еле волочащего ноги – опозоренного, испачканного кровью, в мокрых брюках, с искаженным от пережитого ужаса лицом.

– Арам Арсенович, нож я заберу у гражданина, чтобы составить протокол.

– Забирайте, разбирайтесь, он ваш.

На улице шел снег. От блестящих в свете фонарей хлопьев вокруг сразу стало весело и светло. Мы попрощались с Арамом как-то неловко, оба ощущали смутную вину.

– Прости, Давид, черт дернул меня пригласить вас сюда. Хотя – я ведь здесь почти каждый день обедаю или ужинаю, такого ни разу не случилось... Но ты молодец, не потерял самообладание, а то бы кровь пролилась. Спасибо, что побеспокоился обо мне.

– Арам, будь осторожен! Эти парни уже знают, кто ты и где работаешь.

– Да ну, ерунда. А вот тому, которого забрали в отделение, придется откупиться. Так легко московская милиция прови-

нившегося грузина не отпустит, большой штраф потребуют и точно еще добавят статью за сопротивление властям. Если родители окажутся богатыми – штраф утяжелят, дотянет до цены хорошей квартиры. С грузинами в таких случаях не церемонятся, это тебе не русский пьянчуга рабочий или провинциал из Рязани. Здесь, друг, за все надо платить – и за хулиганство, и за национальность. В этом плане грузины в особом «почете», да и армяне и азербайджанцы иногда удостоиваются. В общем, мы крупный подарок сделали ребятам из милиции.

– А если гандболист расскажет, что ножом его поранил Давид? Это же может быть опасно, – заволновалась Мари.

– Тогда ему придется рассказать обо всем. А свидетелями выступим не только мы, но и официантка, и метрдотель, и кое-кто из посетителей. Схлопочет статью не только за хулиганство и сопротивление милиции, но еще и за ношение холодного оружия.

– Арам, это же был мой нож...

– Был твой, а сейчас уже принадлежит ему. Рана у него пустяковая, он сам нанес ее себе при сопротивлении, к тому же был пьян, о чем свидетельствуют его мокрые штаны. Что еще? Да, есть еще в запасе вариант, что у него в кармане найдут наркотики, а если его родители нашим друзьям из милиции очень «понравятся», то и несколько долларов или фунтов. Окажется еще и валютчиком. Так что как минимум лет пять отдыха ему обеспечено. О гандболе придется забыть...

а жаль, по-видимому, спортсмен был перспективный. Сейчас его задержат, оставят в «обезьяннике», пока не прилетят родные из Тбилиси, а потом уже по возбужденному уголовному делу переведут в камеру следственного изолятора.

— Черт с ним, Арам, из-за этого наглого подонка у нас весь вечер пошел насмарку. Еще и мой любимый нож достался милиционерам, а ведь я с ним уже несколько лет не расставался... Хотя, если честно, после твоего рассказа мне как-то стало жаль гандболиста. Он подлец, конечно, но уж больно строгое получается наказание. Десять минут назад я был готов его убить, а сейчас думаю, что случившегося для него вполне достаточно. Арам, прошу, если можно – не нагнетай, не дави на милицию, пусть наглец выкручивается сам, может, у него получится. А мы, если нас вызовут в свидетели, пожалуйста, дадим более мягкие показания.

— Вас не вызовут, я скажу, что в кафе случайно познакомился с земляками, вот и все. Ты, Давид, зайди ко мне завтра, попробую найти для вас билеты в Большой театр или еще куда-нибудь на новые постановки. А может, в кино на зарубежный фильм, на закрытый просмотр... Я из больницы только вышел, не успел пока узнать, что где идет. Видишь, – улыбнулся Арам, – какая у меня обширная клиентура: я им – дефицитный коньяк, хорошее вино, колбасные изделия, а они мне – билеты, концерты, модную одежду, в общем, обмениваемся любезностями...

Домой приехали молча, придавленные грузом впечатлений, и быстро легли спать.

– Давид, ты не спишь? Не притворяйся, я знаю, что не спишь.

– Что, Мари?

– Меня словно какой-то рок преследует. Может, я приношу несчастье? Сколько уже драк! Сколько крови! Я боюсь, что однажды с тобой что-нибудь случится. Этого я себе не прощу.

– Ну что ты, Мари, стычка произошла не из-за тебя, а из-за фруктов.

– Нет, Давид, мы с тем парнем случайно встретились взглядами. Он на миг пристально посмотрел на меня, а потом разыграл всю эту трагикомедию.

– Ты мнительная и воображала.

– Хотела бы я оказаться неправой... Давид?

– Что еще, Мари? Поздно, давай спать!

– Не могу... Нервы разыгрались. Почему люди такие жестокие, почему наслаждаются, унижая и оскорбляя других?

– Ты думаешь, такие люди только у нас? А во Франции совсем нет жестоких и бессердечных?

– Разумеется, есть, но это же подонки, криминал! А те ребята были успешными, красивыми, хорошо одетыми, к тому

же их было семеро! Неужели ни в ком не заговорила совесть, чувство справедливости, желание остановить своего друга, прекратить унижение других, ни в чем не повинных людей? Не любят они ближнего, нет у них в душе сострадания, вот что страшно. Как дальше жить среди жестоких и неверующих людей?

– Ты, конечно, и меня имеешь в виду. Но что я должен был делать? Позволить, чтобы меня избили, унизили перед тобой? Неужели ты не понимаешь, что, если бы это случилось, мы не смогли бы больше встречаться? Что в моей душе появилась бы обида не на конкретного человека, а на все человечество в целом? Возможно, на сей раз уже мне из-за своей ненависти пришлось бы найти и унижить слабого, чтобы только успокоиться. Или найти этого парня и наказать его, убить, покалечить. Иначе как бы я смог жить дальше – оскорбленным и опущенным?

– Вот видишь! Бог есть, и он помог тебе.

– Не Бог помог мне, а мой нож. Силе надо противопоставлять силу, мир держится на равновесии добра и зла. Спи, моя девочка. Мне очень жаль, что жизнь показывает нам не только улыбающуюся половину своего лица. Это слова моего отца. И я благодарен ему за то, что, вопреки моему детскому желанию играть в футбол, он отвел меня в зал спортивных единоборств.

– Давид... тебе не кажется, что Бог против нашего союза?

– Я не верю в Бога, Мари. Наша судьба в наших руках.

Глава 12

На следующий день, оставив еще спящих девушек дома, я пешком добрался до Генпрокуратуры СССР, где в Главном следственном управлении должен был проходить стажировку. На проходной дежурный сверил заявку на пропуск с моим паспортом и направил меня в кабинет заместителя начальника Следственного управления. Краснощекий, молодой замначальника с двумя большими звездами на погонах собрал стажеров, прибывших из разных районов и республик – было нас человек сорок, – в небольшом зале для приветствия, затем нас распределили по отделам или закрепили за следователями по особо важным делам, которых в обиходе звали «важняками». Вместе со мной стажировку у следователя должны были проходить парень из Волгограда Иван Фоменко и москвич Марк Тумаркин. Следователя звали Аркадий Венедиктович – фамилия его со временем стерлась из моей памяти. Это был худой неулыбчивый человек лет пятидесяти, умный, жесткий профессионал.

С понедельника по среду я должен был стажироваться в прокуратуре. Оставшиеся два дня были свободными – так называемые библиотечные. Координационным центром стажировки являлась кафедра уголовного права и процесса Московского государственного университета.

Мари и Тереза обычно выходили из дома не раньше де-

сяти утра и по составленной заранее программе посещали московские музеи, выставочные залы, магазины. Вместе мы ужинали после моей работы в каком-нибудь кафе, редко – дома, а потом опять отправлялись на улицу. Часто ходили в кино или театр, потом обсуждали наши впечатления. Надо заметить, что каждый раз мы с Мари воспринимали увиденное по-разному, порой совершенно противоположным образом. Не скажу, что мне часто удавалось убедить ее в своей правоте. Иногда к нам присоединялся Арам, временами – с супругой, молодой, красивой, полной москвичкой по имени Надежда. Несколько раз я приглашал поучаствовать в культпоходах моих новых друзей – Ивана и Марка, отец которого был профессором гражданского права и имел довольно активную частную адвокатскую практику.

После кафе «Лира» и московских музеев Мари и Тереза, как и все приезжающие в столицу, продолжили знакомство с городом в ГУМе, ЦУМе и универмаге «Москва». В последнем был с ними и я. В поисках нижнего белья и косметики девушки посещали и другие магазины – и везде была толкотня и очереди. Иной раз люди выстраивались к прилавку, не зная, какой товар продают: надо было покупать, если была такая возможность, потом можно было обменять «добычу» на нужный товар у счастливиц из другой очереди. Было очевидно, что денег у людей значительно больше, чем пользующихся спросом товаров в магазинах, а спрос был только на импорт, хотя бы из социалистических стран. Луч-

шими из них считались югославские товары, но они попадали в страну в очень небольшом количестве – отношения между СССР и СФРЮ были напряженными. Изделия советского производства, неудобные, неэстетичные и непрестижные, направлялись преимущественно в провинцию, в сельские магазины. В Ереване продавался более-менее сносный польский трикотаж, труднее было достать немецкий, производства ГДР, но с переплатой – вполне возможно. Впрочем, и местное трикотажное производство, нелегально находившееся в руках частников, по уровню особо не уступало социалистическим странам.

В Москве нас особенно впечатлила откровенная кипучая озлобленность и грубость людей на улицах как по отношению к чужакам, так и друг к другу. Разумеется, и у нас в Ереване были свои хулиганы, бандиты, но в целом все относились друг к другу несравнимо терпимее, если не сказать – доброжелательнее. По-видимому, сказывалось то, что безумная централизация всего, в том числе товаров и продовольствия, превратила столицу в огромный проходной двор, гигантский рынок, вещевой базар, где каждый видел в другом соперника, претендующего на катастрофически дефицитные социальные блага. Иногда нам казалось, что гражданская война еще не закончилась. Теперь, по прошествии времени, я еще отчетливее вижу, что в Москве тех лет царил ожесточенный дух именно базара и базарных отношений.

Мари и Тереза пришли к выводу, что им удобнее будет

выдавать себя за француженок. В этой роли им все удавалось без труда – благодаря отличному знанию языка, эффектной внешности и модной одежде, сшитой их родителями, девушки легко открывали двери центральных ресторанов: «Метрополя», «Будапешта», «Пекина», – кафе, музеев и выставок. Люди уже привыкали считать иностранцев привилегированной категорией, в отличие от советских граждан – совков, как мы сами себя презрительно называли.

Вечером, в театре или на концерте, оставив пальто в гардеробе, мы оказывались в другой Москве – интеллигентной, думающей, ищущей духовности и эстетических удовольствий. К моему удивлению, многие москвичи посещали театры или концерты исключительно редко и зачастую только слышали о существовании таких мероприятий, как закрытые просмотры зарубежных фильмов, немногие из которых потом демонстрировались в кинотеатрах. Эти же фильмы по несколько сокращенному списку отправлялись в большие города республиканского значения и областные центры для просмотра уже местной элитой. Сопровождался закрытый показ синхронным переводом. Такие показы пользовались ажиотажной популярностью. Посмотреть иностранный фильм, приобщиться к зарубежной культуре считалось особой привилегией, подтверждавшей статус человека, его принадлежность к элите. Я на всю жизнь остался благодарен Араму за чудесную возможность расширить наш кругозор, другими глазами посмотреть на окружающий мир.

Единственным не решенным до конца вопросом, омрачающим наше праздничное настроение, оставалась квартира. Даже не квартира – там все было более-менее терпимо, – а проблема доступа к ней. Ключ от подъезда я без особого труда, за небольшие деньги добыл в домоуправлении. Мы спокойно возвращались домой в любое время, когда нам было удобно, однако приходилось бесшумно подниматься по неосвещенным лестницам и ни в коем случае не пользоваться лифтом: он гроыхал так, что мог разбудить всех жильцов не только нашего подъезда, но и соседнего.

Хватало, впрочем, и чисто бытовых неудобств. Кровати шатались, сантехника вызывала отвращение. Единственный крошечный гардероб в квартире мог вместить только мою одежду: несколько сорочек, два костюма, две пары брюк, свитеры. Одежду девушек приходилось складывать прямо на полу. Это было неудобно, и перед каждым выходом приходилось долго орудовать старым утюгом, приводя вещи в порядок. Вероятно, как я сказал однажды Араму, наличие такого маленького гардероба в советских квартирах означало, что нормальное количество одежды считалось излишней роскошью для строителя светлого социалистического общества.

Вообще квартира была очень маленькой, по-видимому, предназначенной для скромной бездетной пары. В дальнейшем, уже из рассказов знакомых, мы узнали, что в Москве жилищная проблема чудовищно гипертрофирована, и в обозримом будущем никаких перспектив ее решения не су-

ществовало. Конечно, жилья остро не хватало не только в Москве, но и во всей Стране Советов. Тем не менее в том же Ереване основная часть населения жила гораздо более просторно благодаря тому, что было разрешено строительство частных домов, что безоговорочно запрещалось в Москве. Построить частный дом стоило сравнительно недорого, и целые районы города возводились именно собственниками. Сегодня это покажется странным, но в те времена машина «Волга» на рынке стоила дороже, чем трехкомнатная кооперативная квартира.

* * *

На предложение Арама разместить нас в гостинице я не решился ответить положительно. Во-первых, нужны были два номера, а из-за отсутствия регистрации брака нас с Мари ни в коем случае не поселили бы вместе. К тому же жизнь в гостинице была не только недешевой, но и непредсказуемой: в любой момент ее обитателей могли выставить на улицу по причине неожиданного приезда группы болгарских сельскохозяйственных работников или деятелей африканского профсоюзного движения, не говоря уже о более серьезных делегациях. Права и интересы советских граждан всегда находились на последнем месте.

– Арам, я и так доставляю вам много хлопот, – отмахивался я. – Скоро Тереза уедет, а через какое-то время и Ма-

ри. Таким образом, вопрос решится сам собой. Я перееду в общежитие и буду жить вместе с друзьями. Так логичней и проще.

На следующее утро, выходя из подъезда, я лицом к лицу столкнулся с молодым лейтенантом милиции. Через десять шагов плохое предчувствие заставило меня вернуться. Уже с первого этажа я услышал громкий голос милиционера:

– Откройте, я участковый! Должен проверить ваши паспорта.

И испуганный голос Мари:

– Простите, мы не одеты! Можно встретиться с вами вечером?

– Если не откроете, вызову наряд и придется выломать дверь!

Я уже бегом поднялся на наш этаж:

– Уважаемый коллега, не стоит пугать девушек.

– Вы кто такой? Предъявите документы. Так, паспорт, студенческий билет... А говорите, мы коллеги. Скажите женщинам, пусть откроют дверь.

Мари, в халате, застегнутом на одну пуговицу, уже услышала мой голос и открыла дверь. Вслед за участковым я зашел в нашу крохотную прихожую.

– К нам поступила жалоба, что имеет место факт нарушения паспортного режима. Пусть женщины также предъявят паспорта. Так, фамилии разные. Кем они вам приходятся?

– Родственницы.

– А я откуда это знаю? Может, вы здесь притон открыли. Одевайтесь, пройдемте в отделение. Там выясним все обстоятельства, вызовем ответственную квартиросъемщицу. Посмотрим, почему она превратила квартиру в бардак.

– Послушайте, лейтенант...

– Товарищ лейтенант. Я вам не сосед и не одноклассник.

– Хорошо, товарищ лейтенант... посмотрите, вот письмо, я направлен на стажировку в Генеральную прокуратуру СССР. Через несколько месяцев я буду уже следователем прокуратуры, поэтому обратился к вам как к коллеге.

– Откуда мне знать, что эта справка не липа? Нет уж, собирайтесь, в отделении все проверим.

Перспектива провести полдня вместе с девушками в компании алкоголиков и бичей в грязном, отвратительно пахнущем отделении милиции меня страшила. Замечу, что и сегодня «славная» традиция обустройства отделений не претерпела каких-либо изменений, несмотря на «демократизацию» страны. Думаю, это в первую очередь связано с низким культурным и бытовым уровнем тех социальных слоев общества, откуда рекрутируются будущие сотрудники и сотрудницы милиции...

– Давайте поступим по-другому, – я изо всех сил старался выправить ситуацию. – Минуточку... девушки, вы одевайтесь, но пора познакомиться с товарищем... простите, вы не представились.

– Петр Петрович Еремин, участковый сто шестнадцатого

отделения милиции города Москвы.

– Петр Петрович, скажите мне номер телефона и фамилию вашего начальника, я сейчас попрошу, чтобы из Генпрокуратуры ему позвонили.

– Кто бы куда ни звонил, вы нарушили паспортный режим, у вас нет печати временной прописки в Москве, – строго ответил лейтенант. – Ответственная квартиросъемщица должна написать заявление, пройти вместе с вами проверку в паспортном столе и подать заявление с просьбой о временной прописке. Только после получения согласия начальника отделения и проставления соответствующей отметки в паспорте ваше пребывание в столице может быть узаконено.

Излишне говорить, что в надежде получить прописку в отделении милиции можно было торчать месяцами. У меня потом часто возникало впечатление, что буквально все в СССР выстроено против нормальной логики и направлено к максимальному неудобству человека. Требовалось предоставить гору справок обо всем на свете, в том числе о том, что вы официально находитесь в отпуске, или приехали в командировку, или направлены в столицу для лечения министерством здравоохранения. Без взяток и подношений этот путь могли пройти, по-видимому, или самые стойкие, или люди с солидными знакомствами, или, наконец, те, у кого не было иного выхода. Поэтому паспортный режим нарушали все, благодаря чему открывались новые широкие возможности для незаконного кормления столичной милиции.

– Петр Петрович, прошу, не усложняйте вашу и мою жизнь. Кроме того, одна из девушек через несколько дней уезжает, и ей попросту нет смысла проходить всю эту процедуру. Я знаю, что в данном случае все зависит от вас и что именно вы можете уладить ситуацию по-дружески. Вот, у меня есть для вас мужской подарок – две бутылки армянского коньяка и бастурма. Давайте закончим эту историю. В ближайшие дни я постараюсь все решить.

– За коньяк спасибо, но я должен «закрыть» письмо, оно зарегистрировано в канцелярии.

– Тогда напишите, что мы уже уехали. Или что вы приходили дважды, а нас не было дома.

– Ладно, что-нибудь придумаю. Только не шумите, ведите себя тихо. И потом, не исключено, что жалобы повторятся – тогда в следующий раз может прийти другой сотрудник, это зависит от того, кому начальник поручит это дело. Не говорите, что мы встречались. Авось пронесет, кто знает.

– Давид, как я понимаю, в любой момент: ночью, утром – может прийти другой милиционер и нас увести? – спросила Мари, когда за участковым закрылась дверь.

– Теоретически да, но маловероятно.

– А что нам делать, если тебя дома не будет? Ты же до вечера отсутствуешь.

– Придется не открывать дверь или тоже отсутствовать.

– Не лучше ли нам с Терезой вернуться домой? И тебе будет спокойнее.

– Решать, конечно, тебе, но мне бы очень не хотелось, чтобы ты уезжала...

– Господи, какой идиот придумал этот паспортный режим? В этой стране все не так! В нормальных странах люди живут, не зная таких глупостей, как прописка. А тут кругом словно один большой исправительный лагерь!

– Сожалею, Мари, другой страны у меня нет. Понимаю, что это неудобно, но у нас нет выхода. Придется терпеть.

* * *

– Вы почему опоздали, стажер Ариян?

– Простите, Аркадий Венедиктович, пришел участковый и требовал, чтобы мы временно прописались в квартире.

– А разве вы не остановились в общежитии университета, как другие стажеры? Вам же полагается там прописка. И кто это «мы»?

– Я приехал с подругой и ее сестрой. Вернее, с невестой и ее сестрой. Они очень хотели увидеть Москву.

– Ариян, вы что, на прогулку приехали? Или все-таки на стажировку? Ваше руководство вообще знает об этом? Вам оказали такое доверие – отправили стажироваться в столицу, в Генпрокуратуру! Вы сознаете, какая это ответственность и какая честь? А вы притащили сюда подружку и еще какую-то девушку!

– Аркадий Венедиктович, – подал голос Марк, – Давид

– очень ответственный человек, а девушка, я подтверждаю, его невеста.

– Я вам слова не давал, Марк Наумович. Когда разрешу, тогда и будете говорить.

– Аркадий Венедиктович, я не думал, что моя личная жизнь настолько интересна для руководства, что я должен ставить его в известность, с кем поеду в Москву на стажировку.

– Вы нарушили паспортный режим столицы, не остановились там, где вам предписано. На работу пришли с двухчасовым опозданием, а по вечерам без пятнадцати шесть рветесь на выход. Между прочим, рабочий день у нас ненормированный.

– Ну и что страшного случилось? Чем я здесь занят? Технической работой. Ношу тома уголовных дел из одного кабинета в другой, переплетаю их, сшиваю. Вы вечно заняты, ни разу нам не объяснили, в чем содержание нашей стажировки. Я, Марк и Иван просто сидим, читаем газеты и обсуждаем спортивные новости!

– Ариян, человек с таким поведением и таким настроением не может работать в прокуратуре. Я вынужден отказаться от руководства вашей стажировкой и доложу об этом начальству.

– Аркадий Венедиктович, если вы так поступите, – поднялся с места Иван Фоменко, – я также обращусь к начальнику Главного следственного управления. Полагаю, Марк и Да-

вид меня поддержат. Мы сами откажемся от вашего руководства. Давид прав: уже почти две недели мы у вас впустую теряем время. Если использовать вашу терминологию, то это халатное отношение к своим обязанностям.

– Ах так, значит. Сговорились? Ну что же, сейчас уже время обеда. Потом я решу, как с вами поступить, – прошипел следователь и вышел, хлопнув дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.